

Галина Грановская

Дорога
на Ай-Петри

18+

Галина Грановская

Дорога на Ай-Петри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24137000

SelfPub; 2021

Аннотация

В книгу вошли три повести и несколько рассказов известного крымского прозаика написанные в разные годы. Это очень жизненные истории о первой любви, о попытке найти счастье за океаном в трудные девяностые; о поездке в родные края, где преподавателя престижного вуза поживает необычный сюрприз; об испытании на прочность, готовности пожертвовать жизнью ради другого... Истории об эгоизме и предательстве, о душевной доброте и терпимости, умении прощать и помогать жить другим.

Галина Грановская

Дорога на Ай-Петри

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

1

Пролетали за окнами лесополосы, станционные посёлки и маленькие городки, пустынные поля поздней осени, огороды у железнодорожного полотна, на которых кое-где ещё копошились люди, приводящие в порядок свои участки перед зимой.

И утки-гуси на прудах и озёрах, и белые домики, и пятиэтажки, с вывешенным бельем на крошечных балкончиках – всё было так знакомо и так неизменно.

Домой-домой-домой, стучали колеса.

Домой.

Сколько раз, мысленно, проделывал Виктор этот путь!

Стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором вставал старый дом под красной черепицей. Отец всё собирался сменить эту черепицу на шифер – в дождь крыша местами протекала, каждое лето приходилось лазить наверх с ведёрком цемента и заливать подозрительные места. Если он всё ещё крышу не перекрыл, Виктор, по приезду, обязатель-

но это делает. Только не шифер надо класть, а металлочерепицу. На западе давно от шифера отказались, поскольку делают его, в основном, из асбестоцемента – материала вредного для здоровья.

Но, скорее всего, и крыши-то с дороги уже не увидишь. Если, конечно, ещё не спилили те два грецких ореха, которые сажал дед. Первое дерево – когда родился он, второе – когда его младшая сестра Ольга. Дед же построил и дом. По тем, послевоенным временам, просто роскошный. Строил его много лет, а построив, всё время что-то улучшал, добавлял, перестраивал. Такой природы был человек. Хотя сам в доме после смерти бабушки уже не жил. Перебрался во времянку – белёную, саманную хатку в углу сада.

Там, в единственной комнатке с маленькой печкой, всей мебели было – железная кровать, застеленная колючим солдатским одеялом, грубо сработанный стол да широкая лавка. На стенах – самодельные рамки с выцветшими от времени фотографиями уже ушедшей и незнакомой Виктору родни. За ситцевой занавеской в углу висела кое-какая одежда. Виктор отчётливо помнил лоснившийся от старости древний кожушок с вытертыми, примятыми колечками шерсти изнутри, парадный пиджак с орденами и медалями на плечиках. Был там ещё один пиджак, повседневный, серый в мелкую полоску, к нему изношенные штаны, а под ними пара сапог и грубые ботинки для непогоды; в теплое время года дед всегда ходил в тапочках, а если дождило или была грязь, то в

калошах.

Телевизора он не признавал, в дом смотреть его не приходил, но во времянке у него имелась радиоточка. Вечерами он слушал новости, которые, случалось, комментировал, чаще всего – насмешливо. Днём же только громкий стук ходиков с нарисованными на циферблате зверюшками и гирькой на длинной цепи нарушал тишину. Летом дед во времянке лишь ночевал, предпочитая дневное время проводить на воздухе. Он любил землю и копошился на своём участке с утра до вечера. Сад у него был на редкость ухоженный, и на огороде чего только не было. Агроном в тебе пропал, шутили соседи, приходя за рассадой, черенками какими-нибудь или просто за советом. У него даже в самые неблагоприятные годы всё росло, цвело и давало урожай.

Деда нет, а сад остался. Живя студентом в многоэтажной общаге, снимая комнаты и квартиры в бетонках после окончания института, а позже, находясь уже *здесь*, Виктор часто вспоминал и дедов дом, и дедов сад, который сторожил беспородный, но верный Бимка. Старый уже стал, наверное, пёс. Если жив.

Родители, как и он сам, не любители письма писать. И перезванивались нечасто. Не принято это было в их семье. Да и о чём писать, о чём рассказывать? О том, что ему довелось пережить с того момента как его нога ступила на чужой континент, лучше было умолчать. Мало было хорошего, а о пло-

хом писать не стоило. Жаловаться у них в семье не принято. В детстве на все жалобы у отца был один ответ: сам виноват. Дразнят? Значит, повод дал. Старшие бьют? Не путайся у них под ногами. Не получается с учёбой или работой? Меньше спать да гулять надо.

Никогда не были они с родителями особенно близки; ни он, ни сестра Ольга. Мать полжизни провела в окружении чужих детей, отдала школе больше тридцати лет, а для собственных, видимо, не хватало уже ни сил, ни времени. Нет, готовила она отменно, и в те времена, когда хорошую одежду в магазинах было не так-то просто купить, одевала их очень прилично. Но с кем они дружат, чем занимаются – в это особо не вникала и никаких разговоров по душам с ними не вела. Отец, советский инженер не только по образованию, но и по образу мыслей, жил, главным образом, делами своего завода, с утра до вечера был занят работой. Дома ему, наверное, хотелось отдохнуть, а тут они со своими проблемами. Виктор не любил вспоминать, каким недовольным и ворчливым бывал отец, а иногда даже жестоким к собственным детям. Как-то он залез с мальчишками в сад к соседу, который выращивал на продажу крупную клубнику, и тот их застукал. Естественно, пришёл жаловаться. Отец без долгих размышлений снял ремень и тут же во дворе выпорол сына прямо при соседу.

Нет, отец никогда его не понимал.

Но даже если бы и понимал, он всё равно бы отцу ниче-

го не рассказал. Есть в жизни моменты, когда решение надо принять самому. Чтобы в случае неудачи не искать крайних, не взваливать свою вину на других. Только сам ты можешь сделать (или не сделать) решительный шаг и начать (или не начать) новую жизнь. Так он тогда думал.

Конечно, поступил он с родителями не лучшим образом, уехал, не попрощавшись. Но, во-первых, был какой-то суеверный страх – а вдруг не получится? А во-вторых, как бы они отреагировали, скажи он им правду? Да категорически против были бы. Такая бы буча поднялась! Не хотелось распылать энергию, объяснять и убеждать. Узнают, решил он, просто позже. Узнали, конечно, пару месяцев спустя, от сестры. Домой звонить он не решился, позвонил Ольге на работу и скупое, поскольку хвастаться было нечем, – шелтер, полуполюгальное положение, мытьё посуды в китайском ресторане, – сообщил о том, где он сейчас находится.

Сестра была потрясена.

– Ну, ты даёшь! Как ты мог? Да ты зверь просто какой-то. Мама извелась вся – уехал в командировку и два месяца ни слуху, ни духу! Мы тут места себе не находим, а он – нате вам – в Канаде! Какой-то ты у нас... бездушный.

Хотя он и ожидал подобной реакции, – а какой ещё она могла быть? – эти слова сильно задели. Он в те дни был сплошной комок нервов. И потому, наверное, слишком болезненно воспринял Ольгины упреки. Накатила ответная

волна раздражения. Можно подумать, они там только и делают, что пекутся о нём день и ночь!

– Раньше на полгода в Сибирь ездил, никто моего отсутствия не замечал, – язвительно произнёс. – С чего это вдруг сейчас так разволновались?

– То Сибирь, родная страна. А вообще-то, может быть и не узнали бы ничего, если бы я к тебе по делу не приехала. На свадьбу тебя хотели пригласить, – обиженно произнесла сестра. – Прихожу, а в твоей квартире какая-то мымра живёт. Знать, говорит, ничего не знаю, квартиру купила, могу документы показать! Я к Зине, она тоже ничего не знает. Что можно было подумать? Пропал без вести. Ей-то чего не сказал? Как-то ты не так к людям относишься...

– Нормально отношусь, проблем им не добавляю. Ладно, как вы там? И что за свадьба?

– А, тебе все-таки интересно? – колко спросила Ольга. – Это я тут, между прочим, замуж вышла.

– Ну, поздравляю! Поздравляю! И за кого, если не секрет? – Господи, что за вопрос он задал, конечно же, за Сережку!

– Ну, ты даёшь! Совсем у тебя там, в Канаде твоей, мозги набекрень съехали, – обиделась сестра. – За Сергея, за кого же ещё? У нас тут, кроме него, и парней-то нормальных не осталось. Все разбежались, прямо как ты.

– Ну, поздравляю! – повторил он и замолчал, не зная, что ещё можно сказать.

– Ага, теперь он поздравляет! Задним числом.

– Подарок за мной.

– Не надо нам твоих подарков, – Ольга никак не могла успокоиться. – Мне-то, мне-то хотя бы мог намекнуть, что уезжаешь.

– Скажи тебе, ты бы тут же всем растрезвонила.

Сестрица действительно секретов держать не умела, у неё всегда было, что в голове, то и на языке. А тут такая новость.

– Ну и что? Подумаешь, тайны мадридского двора! Ладно, – вздохнула и добавила уже примирительно, – не пропадай. Письма у нас никто не силён писать, так что звони, когда можешь. Нам звонить тебе не по карману. А то дядей станешь и не узнаешь, – хлопнула неожиданно под занавес носом. – Теперь, наверное, не скоро увидимся.

Как в воду глядела.

Но он тогда так не думал. Самонадеянным был. Казалось, что за пару лет всё у него уладится, всё утрясётся и он обязательно приедет навестить родных.

– Да ладно, нечего меня хоронить раньше времени, – произнес бодро. – Тут всё нормально. Ещё позвоню. Привет родителям.

Через пару недель перезвонил, опять Ольге на работу.

– Обиделись, – сказала она, – и сильно. Отец говорит, знать тебя после этого не желает.

Ну, не желаешь, так и не желай. Тоже мне, родственнички! Ни слова поддержки в тот момент, когда он так остро в ней

нуждался.

Он тоже может обидеться.

Не писал, не звонил им, наверное, пару лет.

Но со временем обиды улеглись. Он сильно скучал. Чем дальше, тем больше вспоминалось хорошего. В конце концов, все они по-своему любили его. Не было нежностей, но родители всегда о нём заботились, поддерживали, пока он заканчивал институт. Делились всем, чем могли поделиться в той скудной совковой жизни. Вспоминал, как мать и сама привозила, и при каждой возможности передавала через знакомых и проводников поездов тяжеленные сумки с продуктами, когда он был студентом. Ольга, несмотря на хороший аттестат, не поехала поступать в университет, как хотела, решила учиться заочно, поскольку понимала, что содержать двоих студентов родителям будет трудно. А вот он тогда воспринимал всё это, как само собой разумеющееся.

Ему захотелось как-то порадовать их всех, особенно мать и Ольгу. Послать денег им, что ли? Или какие-нибудь вещи? На сезонных распродажах, на всех этих повсеместных «сэйлах», можно много чего купить по сносной цене. Впрочем, это были только мысли – на первых порах с наличностью у него было туго, сам едва держался на плаву. Ну, ничего, рано или поздно, станет и он на ноги. И тогда...

В одну из жарких июльских ночей, маясь от жары – кондиционера в доме, где он снимал тогда комнату, не водилось, – и размышляя о том, о сём, вспомнил внезапно, что у

отца вот-вот юбилей. Не забыть бы об этом в последний момент. Не принято было у них дома дни рождения отмечать, но тут шестьдесят лет – надо хотя бы поздравить. Работал Виктор в то время грузчиком в одном русском магазине, и вот, в этом же магазине купил часовую телефонную карточку. Купил, вышел, дошёл до остановки и вернулся – решил купить ещё одну. Заволновался почему-то – вдруг времени не хватит? Готовился к долгому разговору, хотелось порасспросить о жизни, о школьных друзьях-приятелях, о Зине. Узнать, как она, как соседи и одноклассники...

Казалось почему-то, что он будет говорить с матерью, но трубку поднял отец. И ни удивления не выразил, ни гнева, ни радости. Голос его звучал скорее равнодушно. Спасибо. Как празднуем? Да никак. Что праздновать – приближение старости? А так – так всё в порядке, все живы-здоровы. Нет-нет, ничего слать не нужно, у нас всё есть, хозяйство кормит. Какое хозяйство? – спросил он. Равнодушный тон отца неожиданно поменялся, в голосе появились тёплые нотки. А мы тут живность завели. Корову купили, две овечки, поросёнок. Мама? Мать, как всегда. Сейчас у Ольги – внука нянчит. Внука?! Вот так новость! Ну да, уже полгода ему. Сашкой назвали, Александром то есть. Всё своим чередом...

Он спросил о Ване, с которым учился в школе и который жил по соседству. Иван давно в Москве, сказал отец, уехал на заработки. А Зина? Тоже нормально. Слышал, замуж вышла прошлым летом, говорят, них с мужем теперь магазин

– шубы, кожаные куртки, пальто... Шмотья, одним словом. Машину какую-то импортную купили. Ну, а ты там как? – помолчав, проявил, наконец, скупой интерес. – Не женился? Не женился. Ну-ну, сказал отец. На том разговор и кончился. Уложились в пятнадцать минут – не о чем было больше говорить. С каким-то саднящим чувством Виктор положил трубку. Он о них помнил, а они, похоже, нет. Он словно умер для них. Похоже, уже и не ждали его. Отец даже не спросил, приедет ли он, и когда, домой.

Странно, что даже в мыслях у него было это «домой». Почему «домой»? Дом его теперь был по другую сторону Атлантики.

Один сезон незаметно сменялся другим, год полетал за годом. Оглянуться не успел – десять лет прошло. Десять лет по эту сторону океана, и за это десятилетие он так ни разу и не смог побывать дома.

А началось всё с вечеринки, куда Зина, с которой он тогда встречался, чуть ли не силой его затащила. Пойдём да пойдём, чего дома сидеть. У одной из её многочисленных подруг было новоселье. Он вяло отбивался, была охота тащиться в такую даль! Стоял октябрь, дождало и ему действительно не хотелось ехать в слякотную погоду куда-то на окраину города, в отдаленный район новостроек – попробуй потом выбраться оттуда вечером. Но главная причина была даже не в этом, а в том, что подругу эту, Люську, он сильно недолюб-

ливал, поскольку та всё компостировала Зине мозги насчет свадьбы-женитьбы. Советы давала, как его покрепче привязать и в ЗАГС поскорее затащить. А он тогда ещё не готов был к этому. В то время он и сам не знал, чего ему хочется в этой жизни. Но вот чего он определенно не желал, так это контроля над собой и уж, конечно, пелёнок и детского крика по ночам. В ту пору ему нравилось его холостяцкое существование. Только-только, как молодой специалист, получил квартиру и что-то начал зарабатывать. К тому же Зину вряд ли можно было назвать девушкой его мечты. Маленькая, кругленькая, она, конечно, отлично готовила, и конечно, была бы хорошей хозяйкой, но ему хотелось чего-то большего. Но пока ничего другого на горизонте не маячило, ему и с Зиной было неплохо. Оба родом были из одного маленького городка, а точнее, из большого рабочего поселка, переименованного в связи с ростом населения в город. И знакомы с детства, у них там все друг друга знали. Как со смехом объявляла каждому Зина, они ещё в одном детском саду на горшках рядом сидели. Вместе поехали в областной центр поступать в институт. Учились, правда, на разных факультетах, он на инженерном, она на экономическом, но жили в одной общежитии и маленькая добрая Зина все студенческие годы подкармливала его пирожками-салатами, которые готовить умела и готовила в больших количествах. Ещё она никогда не забывала повести его на очередную вечеринку. Её часто приглашали – никто не мог лучше накрыть стол и высоким

задорным голосом спеть студенческие частушки. Он и сам не понял, как к окончанию института их дружба вдруг переросла, как она однажды туманно выразилась «в нечто большее». Может быть, для неё это нечто и было «большим», но не для него. Не мог он увидеть это «большее» в маленькой Зине, с которой вырос на одной улице.

В двухкомнатной, светлой, пока ещё не обставленной квартирке собралось человек пятнадцать. Некоторых Виктор знал – работали вместе с Зиной. Оглядев стол, щедро уставленный закусками и бутылками, он оттаял и уже не чувствовал, что потащился в такую даль зря. А после нескольких тостов за новую квартиру и гостеприимную хозяйку, на душе совсем потеплело. Народ расслабился, пошли разговоры.

Налегая на селедку «под шубой», он вполуха слушал сидевшего рядом с ним седого дедугана. Как вскоре выяснилось, это был Люськин родственник, Николай Петрович, бывший штурман дальнего плавания. «Дедуган», похоже, много чего повидал и рассказывал довольно интересные вещи. Вначале о рейсе в Антарктиду на научном судне, – а это шесть месяцев в морях! – о пингвинах, морских львах, слонах и прочей, самой южной экзотике. Люська расспрашивала о Бермудском треугольнике. И там он бывал. В сверхъестественное не верил, но из-за огромного скопления водорослей в Саргассовом море это действительно трудный район для навигации, плюс там постоянно меняются течения. А

вот курорты на Бермудах, замечательные. Довелось ему как-то побывать в Гамильтоне. Песчаные пляжи, дайвинг, ну и всё такое прочее.

Антарктида, Бермуды...

Виктор как-то внезапно осознал вдруг серость своего существования. Даже есть расхотелось. Этот старикан, по крайней мере, видел мир. Калейдоскоп его воспоминаний сиял яркими цветными стеклышками. Есть что вспомнить. А его, Виктора, мир был однотонным, серым. Нет, были, конечно же, и цветные вкрапления – сине-зеленое море у берегов Тарханкута, та же Борзовка с песнями, розовые яблоки в розовом свете, когда он ранним утром просыпался в саду – дома он часто летом ночевал в углу сада, на старом дедовом топчане. Были, были яркие мгновения, но серость преобладала. Во всяком случае, так ему тогда, за тем столом в Люськиной квартире, вдруг показалось.

Потом кто-то вспомнил о друге, который уехал в Нью-Йорк, устроился программистом и теперь всюду косит зелёные. Да, кивнул Николай Петрович, сейчас это можно – и уехать, и работу найти хорошую, если знаешь язык. Не то, что раньше. И рассказал случай из далёких времён своей молодости, как один из его приятелей-сослуживцев сошел на берег в американском порту, да на борт и не вернулся. Ответный удар пришёлся по семье – младшего брата выгнали из мореходки, родителей таскали в КГБ за «предательство» сына. Это само по себе травматично, но самым страшным

было то, что они несколько лет вообще не знали, жив он или мёртв. Через Красный Крест разыскивали. «Нашли?» – с надеждой в голосе спросила Зина. Николай Петрович кивнул, да, со временем связь восстановили. Он через третьих лиц письмо прислал, это родителей немного успокоило. Но всё равно, знать, что жив, и знать, что они могут его больше никогда не увидеть... Николай Петрович покачал головой и пригубил налитую рюмку. Финал истории, к облегчению Зины, оказался позитивным. Через много лет сын смог-таки побывать в родных краях. За время своего отсутствия стал довольно состоятельным человеком. Начинал в Америке простым строителем, потом организовал свою фирму. Не сразу, но дело пошло. В результате смог всех забрать под своё крыло, и родителей и брата... «Это сейчас есть реальные возможности вполне легально перебраться за кордон на ПМЖ – плати денежки и езжай, а в те времена всё было очень и очень непросто», – закончил «дедуган» свою историю.

Виктор тогда впервые услышал слово «ПМЖ» и склонился к Зине, спросить, что это такое. Николай Петрович, повернувшись к нему, объяснил: постоянное место жительства. Сейчас многие фирмы оказывают иммиграционные услуги, открывают путь в заморские страны. Но если уж перебираться, то лучше всего в Канаду. Почему именно в Канаду? Ну, пояснил бывший штурман, это одна из немногих стран, на законных основаниях принимающая желающих поменять родину. Разумеется, добавил шутливо, при наличии,

у этих самых желающих, некоторых средств к существованию. Канадцы делают на них деньги и не скрывают этого. И поскольку поток желающих достаточно велик, – особенно много едут из Китая, – то и поступления в канадскую казну весьма значительны.

– Знаем мы эти «надёжные» фирмы, – раздраженно произнес кто-то на другом конце стола. – Недавно читал, как делают деньги на ловле лохов такие вот, «надёжные» конторы.

Николай Петрович поднял брови и развёл руками – всякое случается.

Разговор продолжился, но Виктора словно отключили. Он вдруг физически ощутил тесноту за столом, тесноту комнаты. Вот так, в одной и той же норе – неужели всю оставшуюся жизнь? Захотелось простора, захотелось увидеть далёкий горизонт. Зависть остро кольнула – вот, другие бороздят океаны, перед ними открываются новые миры... Почему не перед ним? Чем он хуже?

Разговор переключился на что-то другое. Потом женщины стали убирать грязную посуду, готовить стол к чаю, а мужчины вышли на балкон перекурить. Там Виктор и попросил у Николая Петровича номер телефона.

– Ну и что ты думаешь?» – спросил он Зину на обратном пути.

– О чём? – не поняла она.

– О Канаде.

Зина удивилась. Похоже, она уже забыла разговор за столом.

– А чего мне о ней думать?

– Ну, какие-то новые возможности... Тут-то что сейчас делать? Полный бедлам. И вообще, живём... как цирковые звери в клетке.

Но Зина совсем не ощущала себя запертой в тесной клетке. Она чувствовала себя в этой жизни вполне комфортно. Покачала головой.

– Ехать куда-то, не зная языка? Полы там, что ли, мыть? Здесь у меня профессия, работа, друзья, а там кто нас ждёт? – Зина была практичным человеком. – А язык мне ни за что не выучить! Да и зачем голову ломать, учить, и вообще куда-то ехать, начинать всё с нуля, когда сейчас и здесь можно заработать? Мне вот Люська предлагает поехать на одну турецкую фабрику за кожей. В Турцию виза не нужна. Слушай, – глаза её заблестели от внезапно явившейся удачной мысли, – может, и ты поедешь с нами? Поможешь нашим бабам с багажом, погрузка-разгрузка всякая, они заплатят. Вот тебе и первоначальный капитал! Тоже что-нибудь купишь, а здесь продадим...

В Турцию ему не хотелось.

Хотелось другого. Мысль о возможности круто поменять судьбу прочно засела в голове.

Через пару недель он позвонил Николаю Петровичу и пригласил в ресторан. Виктора интересовала Канада.

– Отличная страна для тех, кто работать умеет, – кивнул штурман. – Сможешь правильно использовать свои мозги или, там, руки – тут уж у кого, что имеется, – всё получится.

– А сами почему не хотите попробовать?

Николай Петрович рассмеялся.

– Поздно в шестьдесят пять менять свой курс. Будь я мо-
ложе, может быть и рискнул бы. Может быть. Язык есть, зна-
ния есть и профессия подходящая, но моё время ушло. Лад-
но, давай, за молодость! – Николай Петрович поднял рюмку.

– Я, честно говоря, о Канаде почти ничего не знаю, – при-
знался Виктор. – Как-то о ней мало пишут и по телевизору
не говорят. Вообще, как там люди живут?

– Люди везде живут по-разному. Вопрос в том, какой уро-
вень жизни тебя интересует, – философски произнес Ни-
колай Петрович. – И вообще, что ты в ней, в этой жизни
ищешь. Если ты чётко представляешь, чего хочешь, то най-
дутся и пути достижения цели. Что ищешь, то и иметь бу-
дешь, ну, при правильной расстановке сил. Канада – стра-
на возможностей. Но повторяю, – старый штурман вырази-
тельно поднял указательный палец, – пахать там придётся
по-настоящему. Кто не может поймать ритм, тот выпадает в
осады. Бедных и там полно, стоят в очереди за бесплатным
супом Армии Спасения. А потому надо сначала правильно
ответить на вопрос: зачем туда ехать? Если в надежде хоро-
шо жить, ничего не делая, то бесплатный суп дорого обой-
дётся, – скаламбурил он и поднял рюмку. – За успех в этой

жизни!

Ещё за здоровье выпили.

– Ну, и с чего мне начать? – осторожно поинтересовался Виктор.

Николай Петрович бросил на него испытывающий взгляд. Вероятно, не ожидал, что Виктор вот так сразу, без раздумий, ринется в бой.

– Могу дать адрес одной киевской фирмы. Там скажут, какие нужны документы и проконсультируют по полной программе. Им только плати.

– Дорого услуги стоят?

– Вот этого сказать не могу, не знаю. Но если серьёзно думаешь ехать, и с документами у тебя всё получится, позво- ни, дам пару адресов. Есть у меня знакомые ребята в Торонто, – добавил, поглядывая на опустевший графинчик. – Объяснят, что к чему, может быть даже помогут найти какую-нибудь работу. Но в целом – больше рассчитывай на свои силы. Там не принято плечо подставлять, каждый сам за себя. И, главное, всегда помни, что это только шанс. Наши люди часто думают, что там их ждут какие-то... голубые города. А надо реально смотреть на жизнь.

Виктор и смотрел, насколько мог, реально.

Что – реально – он имел в своей стране такого, за что стоило бы цепляться? Неустроенный быт бессемейного человека (Зина не в счёт). Хроническое отсутствие денег, зарплата маленькая, да и ту в последнее время стали задерживать, по-

сколькx завод-гигант, чью продукцию ещё недавно закупали по всему Союзу и отправляли за рубеж, после развала державы вдруг почему-то оказался нерентабельным. Хорошо, что он успел до начала всего этого кавардака жильё получить.

Вот это и было его единственной, реальной ценностью – однокомнатная квартира в центре. Если продать будут деньги для старта в новую жизнь.

Конечно, и сомнения терзали. И страх, что надуют – при продаже квартиры, при оформлении документов или в этом самом «турагенстве». Тем не менее, он решил рискнуть. И позвонил по номеру, который дал ему старый штурман.

– Как я понимаю, вы не бизнес-иммигрант, – выслушав его, произнесла женщина на другом конце провода. – Родственники в Канаде имеются? Нет? Значит, программа по воссоединению семьи тоже отпадает. Остается независимая иммиграция. Какая у вас специальность? Стаж работы есть? Подождите минутку, я посмотрю список профессий по независимой иммиграции... – после чего наступило долгое молчание, прерываемое время от времени вздохами и бумажным шелестом. – Нет, вашей специальности, к сожалению, в списке нет.

Ну вот, он так и думал. Раскатал губы!

– И никакой зацепки?

Трубка немного помолчала.

– Ладно, приезжайте, поговорим. Посмотрим, что можно будет сделать.

Взяв пару дней за свой счет, он поехал в Киев.

– Вообще-то процесс иммиграции можно начать и с той стороны, – осторожно намекнула пожилая элегантная дама, после того как они битый час перебирали смежные профессии, которые нашлись в утвержденном для иммиграции списке, и подсчитывали возможные баллы. – Не хотите для начала поехать туда с группой туристов? Посмотрите всё, как говорится, своими глазами. Ну, а там уж, на месте, решите, нужна ли вам эта Канада.

Но он уже решил – нужна.

А вот с Зиной предстояло расстаться.

Вернувшись, он первым делом оформил себе загранпаспорт, после чего стал собирать необходимые для туристической поездки документы и справки. Как оказалось, их надо было ещё и на английский перевести, а потому всё это заняло довольно много времени. Снова в Киев он отправился лишь через два месяца, но на этот раз попутно, командировка подвернулась.

Отдавая документы вместе с предоплатой за услуги фирмы, он раза три переспросил, сколько ему придётся ждать. «Максимум полгода, – заверили в конторе, – минимум три месяца. Как только соберется туристическая группа, в которую вас можно включить». Увольняться с работы настоятельно не рекомендовали. Но его после этой поездки просто залихорадило. Он не мог просто сидеть и спокойно ждать. В

течение месяца распродал вещи и мебель. А потом продал и саму квартиру и переселился на окраину, снял в коммуналке больше похожую на шкаф комнату. И даже думать себе запретил о том, что будет, если, по Зининой присказке, «карты не лягут». Лягут – должны.

2

Прошла зима, кончался март, а никакой внятной информации о положении дел всё ещё не было. Несмотря на предостережение фирмы, он уволился, деньги таяли. А тут ещё, как назло, хозяин комнаты попросил заплатить за три месяца вперёд – сказал, что собирается ехать на всё лето к сыну в Сибирь, и на поездку нужны деньги. Он врал, что обязательно заплатит вперёд, только не сейчас, а в конце месяца. А сам снова и снова бегал на переговорный – звонить из коммуналки не решался, – и набирал номер киевской фирмы, чтобы снова услышать в ответ: потерпите, ваши документы всё ещё «на рассмотрении». Он всё больше ощущал себя идиотом, которого хорошо «обули», и едва сдерживаясь, спрашивал в очередной раз, сколько обычно длится это «рассмотрение». И ему в очередной раз отвечали: по-разному.

В тот самый день, когда он решил уже, что это будет его последний звонок, и не позже, чем завтра он сам отправится в Киев, чтобы на месте и лично разобраться с проходимцами из этой фирмой, ему вдруг сообщили, что получить визу без

собеседования не удалось. И что теперь? – взъярился он. Ничего особенного, просто нужно будет приехать в Киев на интервью в посольстве. Когда приехать? Мы сообщим вам. Вы не волнуйтесь, до двенадцатого апреля ещё есть время. А что будет двенадцатого апреля? – спросил он. Разве вы не знаете? – удивился девичий голосок в трубке. – Двенадцатого утром сбор вашей туристической группы в Киеве. Тринадцатого вылет. Вам забронировать гостиницу или у вас есть где остановиться? Платить за гостиницу не хотелось. Найдется, ответил он, вспомнив об общежитии, где жил, будучи в командировке. Пару дней там вполне можно перекантоваться.

Двенадцатого утром сбор группы... оставалась всего неделя!

Он начал лихорадочно собираться, всё ещё не веря, что такое возможно, вот так взять и уехать из страны. Впрочем, тут же суеверно гнал от себя эти мысли, ещё предстояло пройти интервью, и неизвестно, каким окажется результат. Как неизвестно и то, какие там задают вопросы, и как на них следует отвечать. Спросить было не у кого.

Когда немногочисленные вещи были упакованы, он позвонил домой и сказал, что отправляется в длительную командировку.

– Далеко? – спросила Ольга.

– Да как сказать...

– Надеюсь, ненадолго?

– А что? – Навострил уши, обычно таких вопросов ему

не задавали.

– Да так просто спрашиваю.

И вот колёса поезда, уносящего его в Киев, равномерно выстукивают: повезёт – не повезёт, повезёт – не повезёт...

Он боялся этого «интервью».

Поезд опаздывал, и он опаздывал вместе с ним.

И поскольку всё равно не успевал на утренний сбор группы, решил не тащиться в фирму с вещами, а отправился напрямик в общежитие, чтобы договориться о ночлеге. И лишь оставив там чемодан, рванул в контору.

– Самолёт вылетает тринадцатого. Билет в один конец, – девушка протянула ему желто-синюю книжечку.

– А... виза?

Она уставилась на него в немом изумлении.

– Как, у вас ещё нет визы? – выдала, наконец, почти шёпотом после длительного молчания.

– Нет. Кажется сегодня или завтра у меня интервью в посольстве.

Все ещё пребывая в состоянии лёгкого шока, девушка неуверенно покачала головой.

– Вам лучше было бы вначале получить визу, а потом заказывать билет. Если не получится с визой, вы много потеряете...

Это уж точно – он много потеряет.

Его так и подмывало спросить, за что они берут деньги,

и что это за бардак такой – правая рука не знает, что делает левая, но сдержался, только сказал:

– Предупреждать надо заранее! Чем вы тут вообще думаете? И за что берёте деньги?

– Да, но... – похоже, девушка испугалась. – Я... я здесь только на билетах. Визы – это к Анне Степановне, а она сейчас в посольстве. Перезвоните ей после обеда.

– Да сколько можно звонить?!

Что-то было не так, и у него противно заныло в груди.

Погоуляв пару часов вокруг Главпочты, он все-таки перезвонил. На этот раз ему ответил мужской голос, но сказал он то же самое, что ему говорили и раньше: ждите.

– Чего ждать?! – рявкнул в ответ. – Группа вылетает...

– Без визы вы все равно никуда не попадете. Вы не волнуйтесь. Если что, отправим вас другим рейсом, с другой группой, как только уладим...

Он швырнул трубку, не дослушав. Как он попался! Вот тебе и «надёжная» фирма! Похоже, они точно надумали его обмануть. Поняли, что он не особенно в теме, и такого ничего не стоит облапошить.

Утром тринадцатого поехал в аэропорт, с билетом, который лежал в паспорте, где не было визы. Он сам не знал, зачем и почему туда поехал. Наверное, от беспомощности и отчаяния, ничем иным этого странного поступка не объяснить. На что надеялся? Побродив по залу ожидания, вычис-

лил «свою» группу, – человек десять-двенадцать толпилось вокруг парня, который давал какие-то разъяснения, – подошёл и не ошибся. Они летели в Торонто. Начал разговор. У всех, кроме него, визы были. В растерянном озлоблении он повернулся к парню и спросил, как же так получилось, что все, кроме него имеют визы, хотя он вроде бы тоже должен лететь этим рейсом?

– Дело в том, – попытался оправдаться представитель фирмы, явно не ожидавший, что он заявится в аэропорт, – что эта группа целиком из Запорожья, протестанты, и у них, помимо туристической путёвки, есть ещё приглашение одной из религиозных общин Канады. Все они получили визы без собеседования. Но вы-то ведь не из Запорожья и к этой общине отношения не имеете.

– Тогда зачем надо было разыгрывать эту комедию и оформлять мне билет?

– У вас билет на руках? – парень вытаращил глаза. – Господи, зачем же вы его выкупили, не имея визы? Какая такая девушка рекомендовала купить заранее? Я сейчас же свяжусь с Анной Степановной, она разберётся с этой девушкой. Сдайте срочно – срочно! – этот билет, – он посмотрел на часы, – если это ещё можно... Нужно попытаться вернуть хотя бы какие-то деньги!

Почему он тогда не сделал этого? Вместо того, чтобы отправиться искать кассу возвратов, он продолжал стоять вме-

сте с отлетающими. Словно какого-то чуда ждал. Пожелав группе счастливого пути и приятного путешествия, и бросив напоследок в сторону Виктора выразительный взгляд, ясно показывающий, что он о нём думает, парень исчез, ещё раз пообещав разобраться с сотрудницей фирмы, оформившей ему билет заранее.

Те, кто слышал их разговор, выражали своё сочувствие, но помочь, естественно, ничем не могли. Он стоял, как побитый пёс и не уходил, глупо всё ещё на что-то надеясь.

– Очень-очень жаль, – сказал руководитель группы, как оказалось, пастор. – Думаю, это просто недоразумение. Вам надо вернуться и ждать приглашения на интервью. Уверен, вы собеседование пройдёте и визу обязательно получите. Я буду за вас молиться, – добавил, склонив голову. – И вы молитесь.

– Да я не умею, – пробормотал он.

– Тут особого умения не надо, просто обратитесь к Богу и просите о милости. Своими словами.

Объявили регистрацию, а он всё не уходил, вместе со всеми стал в очередь, чувствуя, что выглядит в глазах окружающих ну совсем уже полным идиотом. Сидящий в стеклянной будке чиновник долго и с недоумением таращился на его паспорт, потом на его билет, мучительно соображая, как такое могло произойти – билет был, а визы в паспорте не было. Потом перевёл взгляд на него, и в глазах его ясно читалась

вся глубина презрения к недоумку, который возомнил, что можно уехать из страны просто купив билет. Но это же нормально, хотелось крикнуть ему. Это нормально! Так должно быть – ехать туда, куда ты хочешь, если у тебя есть билет. Но так думал только он. Конечно же, его завернули. И на виду у всех он поплёлся по залу со своим чемоданом и с рюкзаком за спиной к выходу.

Вернулся в полупустое студенческое общежитие. Все улетели, а он остался. Он остался в двойных дураках, поскольку помимо того, что у него не было визы, в кармане у него лежал билет в страну, куда его вряд ли когда-нибудь пустят.

Он снова заплатил коменданту какие-то деньги и упал, не раздеваясь, на продавленный матрас старой железной кровати. Бессмысленно пялился в потолок, покрытый по углам паутиной и трещинами, не способный ни думать, ни тем более принимать какие-то решения. Не в силах справиться с возникшей ситуацией, мозг отключился и он уснул.

На следующий день в девять утра, пребывая в мрачном, почти злобном расположении духа, заставил себя снова позвонить в фирму, желая теперь только одного – вернуть хотя бы часть денег из той баснословной суммы, что была им уплачена за поездку в Канаду.

– Слава Богу, вы позвонили! – похоже, на этот раз с ним говорила сама, недостижимая прежде, Анна Степановна. – Мы вчера целый день пытались с вами связаться! Но вас не было в гостинице! У вас сегодня интервью! На десять! Ско-

рее в посольство! Запишите адрес.

Мелькнула вялая мысль, что возможно, с их стороны это была очередная попытка запудрить ему мозги, чтобы не возвращать деньги. Своего рода контратака. Тем не менее, он почему-то не стал ввязываться в ссору, а поймал такси и поехал к посольству, где тихо гудел рой претендентов на получение канадской визы. Спросив, кто последний, он стал, как и другие, заполнять анкету. Очередь была длинной. У всех были напряжённые лица, все как будто изначально готовы были к отказу. Здорово же тут маринуют народ за его же деньги. Вначале он прислушивался к тихим разговорам вокруг, а потом от долгого ожидания и этого полушёпота опять впал в тупое оцепенение и едва не уснул. Не сразу понял, что его приглашают пройти в кабинет номер четыре – на собеседование.

– Вы должны доказать, что не являетесь потенциальным невозвращенцем. – Дама, с хищным, неприятным выражением впивалась взглядом то в его лицо, то в документы.

Вопрос следовал за вопросом. Тон был самый недоброжелательный. Наверное, сюда на службу специально таких вот, злобных гусынь отбирают, мелькнула мысль. Впрочем, сейчас ему почему-то было всё равно. После очередного вопроса, когда он уже решил, что с него хватит испытаний, и приготовился проявить инициативу и откланяться по собственной воле, дама вдруг сама завершила беседу, сказав, чтобы

он пришёл в посольство после обеда, – за паспортом.

День был на редкость тёплым и солнечным, но это не радовало. Он бесцельно, безо всяких мыслей, пребывая в каком-то бесчувственном состоянии, бродил по близлежащим улицам, ожидая назначенного времени. Потом посидел в кафе на углу, выпил кофе, не ощущая его вкуса, полистал забытый кем-то на столике журнал, не видя того, что было на его страницах. К двум вернулся к посольству. У железных ворот уже собралась внушительная толпа, напряженно ожидающая решения своей участи. В начале третьего из-за железной ограды вышла, наконец, сотрудница посольства с паспортами в руках и, раскрывая их поочередно, начала называть фамилии. Он услышал своё имя и шагнул вперёд, не ожидая ничего хорошего. Отойдя в сторону, раскрыл паспорт. На одной из страниц тускло сияла клеенная бумажка. Виза.

Кто-то завистливо вздохнул за его плечом. «Дали?»

– Дали, – пробормотал он, но от созерцания этой бумажки, стоившей огромных денег, сил и нервов, на душе радостнее не стало.

Да, теперь у него была виза, которую ещё несколько дней назад он так страстно желал иметь. Теперь была виза, но не было билета.

Почти на автопилоте он позвонил в фирму и спросил, что делать.

– Ну, если виза в паспорте, мы вам больше не нужны – вы

уже и безо всякой группы, сами можете лететь, – пошутила Анна Степановна.

Он тяжело молчал, пытаясь переварить ситуацию. Поняв, что ему не до шуток, Анна Степановна перешла на официальный тон:

– Следующая группа вылетает завтра. Ждём вас в аэропорту. К сожалению, билетом, как вы понимаете, придётся заниматься теперь самому. В здании главпочтамта работает агентство «Обрий», у них, бывает, снимают бронировку за сутки до вылета. Может быть, вам повезёт и удастся получить у них новый билет. Обратитесь туда прямо сейчас.

И ни слова хотя бы о частичной компенсации, хотя именно по их вине он оказался в таком диком положении. Но это он так считает. Они-то в полной уверенности, что виноват он сам и только сам. Кто же выкупает билеты, не имея визы? Не проявил бдительности, за что и наказан. Что-то объяснять не хотелось. Может быть, завтра у него найдутся на это силы. А сейчас какая разница? Не отдадут ему сейчас денег. А если что-то и вернут, то разве что какой-то мизер, которого на новый билет не хватит.

Разумеется, в «Обрий» он не поехал, а снова вернулся в общежитие и провел там ещё одну, не самую лучшую, ночь. На этот раз долго не мог заснуть, пытаясь решить непосильную задачу – где раздобыть денег на новый билет. Который стоил целое состояние по меркам этой страны. Снова и сно-

ва перебирал в уме своих многочисленных знакомых и старых друзей. Но не было у него ни знакомых, ни друзей, ни родственников, которые могли бы дать, одолжить такую громадную сумму даже под очень большие проценты.

И тут он почему-то вспомнил чернобородого пастора.

И начал молиться.

А рано утром, так и не поспав толком, принял душ, переоделся и снова поехал в аэропорт.

Это глупо, глупо, твердил себе всю дорогу. Нет, он точно сошёл с ума! Мало было унижений в эти последние дни? У него нет билета – зачем он снова едет в аэропорт?!

Но какая-то незримая сила тащила его туда. Полчаса на метро до вокзала, оттуда ещё сорок минут на автобусе. И вот, перед ним вновь стеклянные стены «Борисполя». На этот раз он даже не стал искать туристическую группу. Побродив туда-сюда, стал в очередь на посадку за двумя толстыми тётками, тащившими по паре уставленных чемоданами и сумками тележек и зычно перекликавшимися с остающимися родственниками по поводу своего багажа. «Ой, Таська, та не пропустят же, дуже багато!» «А що робить? Нэ выкидать же... може якость пройдемо. Може хтось поможе... а ни, так заплатимо».

Одна из женщин оглянулась, окинула оценивающим взглядом вначале его чемодан, а потом и его самого и, вздохнув, отвернулась. Не понравился, видимо. Небритый, тощий.

Такого и просить опасно.

И едут же с такими выюками! Что можно везти в Канаду, чего там нет? Сало у них там, что ли? Пытаясь отвлечься, рассматривал других пассажиров. Люди как люди.

Первый контроль документов. Сердце застучало. До-смотр. Чемодан медленно уползает в зев аппарата. Таможен-ник сосредоточенно смотрит на экран. Хорошо, что не на него. В чемодане у него ничего особенного, но, кажется, что на лице отражается весь его внутренний мандраж. Чемодан выезжает с другой стороны, он берет его и проходит даль-ше, туда, где принимают багаж. Девушка за стойкой взвесила чемодан, налепила наклейку и чемодан, проехав немного по ленте транспортера, скрылся с глаз. Непослушными пальца-ми он взял посадочный талон и медленно направился к эс-калатору, увозившему куда-то вверх сдавших вещи пассажи-ров. Он все ещё ждал, что его окликнут, скажут, что вышла ошибка...

Он был последним на паспортный контроль. Протянул паспорт, куда был вложен билет на позавчерашний рейс и больше не мог ни о чем думать. Тихо, почти не шевеля губа-ми, произносил слова неумелой молитвы.

Он прошел тот паспортный контроль.

Чудо свершилось.

Это было невероятно, но ему по старому билету выдали и посадочный талон, и пропустили в зал ожидания! Через пол-

часа он поднялся по трапу в самолёт и занял место в салоне.

Глядя в иллюминатор на удаляющуюся землю, окончательно уверовал, что существует нечто, чего не постичь ограниченным человеческим разумом, нечто, что имеет власть и силу, и способность влиять на судьбы людей.

Господь Бог существует.

Он пожалел его.

Дал шанс.

Открыл путь.

Через восемь часов пребывания в воздухе Виктор оказался в Торонто.

Знал бы, что его ждёт – ну, хотя бы в тот первый год жизни в Торонто – прежде чем рыпнуться, для начала хотя бы какую-нибудь информацию собрал. А уж английский бы зубрил день и ночь. Но он ехал наобум.

До отъезда воображение случалось рисовало смутные, приятные картины – виделась красивая машина, двухэтажный дом на берегу озера... Но первые же дни пребывания в новой стране отрезвили и развеяли все розовые мечты.

Он оказался одним из первых в очереди на паспортный контроль, одним из первых вышел в зал ожидания и минут тридцать, поджидая остальных из своей туристической группы, стоял, рассматривая канадцев, толпящихся за ограждением в ожидании знакомых, друзей и родственников, прибывших этим же рейсом.

Его же здесь никто не ждал.

Культурная программа турпоездки включала посещение нескольких достопримечательностей Торонто и его окрестностей, но он не стал тратить на них время – ещё увидит. Главное сейчас – хоть как-то зацепиться в этом чужом городе. Вдруг понял, что не имеет ни малейшего представления, как найти жилье и работу. Одна надежда, что поможет парень, адрес которого дал ему бывший штурман дальнего плавания. При первой возможности в первый же день своего пребывания в Торонто Виктор позвонил ему. И в тот же вечер они встретились в крошечном вестибюле третьеразрядной гостиницы, в которой разместились их киевская группа.

– Ник, – представился он, пожимая руку. И тут же поправился, – Николай.

Пригласил в пиццерию по соседству, огромную, неудобную, набитую в этот час утомлённым народом. Когда уселись за столик, первым делом поинтересовался, когда Виктор прибыл.

– Сегодня.

– Значит, завтра с утра иди и сдавайся иммиграционным службам. Чем раньше, тем лучше.

– Куда идти? – не понял Виктор.

Николай объяснил, что чем раньше он заявит о своём желании остаться в Канаде, тем больше шансов у него получить вид на жительство. Да и весь процесс быстрее начнётся и закончится.

Идти и сдаваться? Да его же тут же отправят назад! Тем более что группа, с которой он прибыл, пока ещё здесь!

– Маловероятно, – сказал Николай, разрезая пиццу. – Не отправят, пока не разберутся.

Дома Виктору казалось, что уж он-то приспособится к любой ситуации, только бы получилось перевалить за кордон. И вот ему это удалось, вот он сидит здесь, и что? Куда идти? Что делать? Где жить? Николай пожал плечами. Если сразу сдаешься – без крыши над головой не останешься. А работа? Ещё наработаешься, туманно пообещал Николай, это уж точно. Вот несколько адресов и телефонов. Работодатели. Только не обольщайся, хотя и бывшие соотечественники – платить будут мало.

В этой стране нужно рассчитывать только на себя, на свои силы, повторил слова старого штурмана. Тем, кто едет на праздник жизни, лучше сразу назад поворачивать. Нету тут праздника. И не предвидится.

Дом на берегу озера Онтарио!

Виктор покачал головой, удивляясь своей давней наивности. До первого дома было ещё плыть и плыть. Прошло несколько лет, прежде чем он смог позволить себе *снять* первый настоящий дом, да и то на пару с приятелем, – а до этого жил, снимая лишь комнаты или, в лучшем случае, крошечные квартирки.

И кем только не работал! Уборщиком в магазинах и офи-

сах, убирал улицы, грузил и разгружал товар в супермаркетах. Одно время работал на бензоколонке на одного бывшего соотечественника, который платил на редкость скупо, но при этом с таким видом, что буквально облагодетельствовал Виктора, взяв его на работу. Как-то в дождливую погоду группа пацанов, заруливших на заправку с громоподобной музыкой в салоне, дёрнула с места раньше времени и оторвала и уволокла шланг заправочной колонки. Целую неделю Виктор работал бесплатно, отработывая нанесённый хозяину ущерб.

Без знания языка нечего было рассчитывать на какую-то стоящую работу. Язык долго оставался прямо-таки непреодолимым препятствием. Иногда он приходил в отчаяние, слушая радио или пялясь в телевизор – для него звучала оттуда сплошная тарабарщина, в которой мелькали лишь отдельные знакомые слова. И ведь учил же он этот проклятый английский, и в школе учил, и в институте, и на курсах! Но, видимо, как, посмеиваясь, говорил Лёшка, бывший учитель из Волгограда, намывая рядом с ним огромные окна супермаркета, методика была не та.

Но, в конце концов, нечего жаловаться, он выкарабкался. Преодолев какой-то барьер начал не только многое понимать, но и более-менее сносно говорить. Где-то через год из немых батраков, как шутил тот же никогда не унывающий Лёшка, с которым они подружились и даже пожили какое-то время вместе в одной обшарпанной квартирке, он перебрал-

ся в разряд более оплачиваемых. Тех, кто умел изъясняться на языке хозяев.

Первый год был самым трудным. Первый год – он для всех самый трудный, даже для тех, у кого родственники есть в Канаде, и кому с работой повезло, удалось устроиться лучше, чем ему. А таким как он, попавшим сюда скорее случайно и при отъезде абсолютно не представляющим того, что их ждёт в новой жизни, было особенно туго. Не все выдерживали. Кто-то, немного подзаработав, уезжал обратно.

Иногда казалось, что и ему пора возвращаться. Был он инженером, здесь стал чернорабочим. Правда, с зарплатой, которая и не снилась ему там, где он работал инженером. Но и расходы здесь были в разы больше. Так что большой вопрос, выиграл он или проиграл, решившись на такую авантюру. И может быть, тоже стоит вернуться? В первый год особенно сильны были эти колебания. Уехать или остаться? Остаться или уехать?

И сколько раз мысленно Виктор уже ехал домой!

Иногда снилось, что он всё ещё студент и сидит в электричке, читает по пути домой какие-то конспекты.

Домой-домой-домой, стучат колеса. И мелькают за окном пустынные поля поздней осени, деревья, теряющие последнюю листву, станционные посёлки и маленькие городки, где никогда ничего не меняется...

Первое время часто просыпался ночами. Пугался, не сразу соображая, где находится. Включалось сознание, мрак рассеивался, сон отступал, проступали чужие углы и какие-то вещи, сердце сжималось. Он садился на кровати или даже вставал, ходил по комнате, чтобы окончательно рассеять сумрачное состояние. Смотрел в окно на чужой город – станет ли он когда-нибудь его городом? Станет ли он своим здесь?

Время шло, улицы становились всё более знакомыми, вывески всё более понятными – напряжение спадало. Он всё реже просыпался по ночам. Знакомые появились. С некоторыми сходилась поближе. Особенно с теми, кто в такой же ситуации находился – ни здесь, ни там. Нелегалы, то есть. Жадно слушал советы тех, кто уже прорвался, получил статус.

Слава Богу, все эти трепыхания позади. Теперь у него другая жизнь. Да и сам он с получением паспорта стал другим. Общаться ему теперь приходится больше на английском. Заметил, что в англоязычной среде он не только начинал думать по-английски, но и вёл себя по-другому, совсем не так, как вёл бы в подобной ситуации раньше. Не зря наверное, говорят: другой язык – другая личность. А может его просто канадская действительность так основательно перемолола и перелепила? Помудрел, что ли.

В течение нескольких последних лет изо дня в день у него один и тот же маршрут: дом – фабрика – дом. Рутинное существование. Вечерами – новости. Где-то что-то происходило, что-то строилось, что-то рушилось, где-то даже войны шли, он же теперь стремился жить тихо. Чтобы всё было размеренно и относительно спокойно. И чем дальше, тем больше ему нравился вот такой, уравновешенный в целом, более-менее предсказуемый ход жизни.

По субботам отправлялся в ближайший торговый центр затариться продуктами на следующую неделю. По пути заглядывал в книжный, точнее, в кафе при книжном магазине, смотрел книги, листал журналы. Но питаться старался дома – так было дешевле. Начал готовить, освоил несколько новых блюд – французский луковый суп, рататуй, королевские креветки с фасолью... Жил одно время с португальцем-поваром, тот научил. Постепенно обрастал вещами, начал разбираться в брендах. В дни распродаж не ленился пройтись по магазинам и долго копался в развалах тряпок модных вчера. Одежду выбирал обстоятельно, прежде чем что-то купить, долго примерял, изучал этикетки, смотрел на качество ткани, из чего и где сделана вещь.

По воскресеньям иногда посещал методистскую церковь по соседству. Шумные компании разлюбил. Случалось, звали знакомые куда-нибудь выбраться, но он редко даже в гости ходил, не говоря уж о каких-то там дискотеках. Пред-

почитал смотреть фильмы. Это так не похоже было на него прежнего, что он сам себе удивлялся. Дичаю, мелькала иногда мысль, становлюсь социопатом. А может, старею.

Но дело было, конечно, не в старости. До старости ему ещё было далеко. Просто после всех этих расколов и разломов, всех этих вихрей враждебных, дующих со всех углов нового государства-обломка некогда огромной страны; после переезда в страну новую и нервотрёпки, именуемой иммиграционным процессом; после всех стрессов, связанных с вращением в новую почву, с непростым, болезненным освоением новой реальности, ему хотелось пожить более-менее спокойно. Отдышаться хотелось.

На бурные воды хорошо издали смотреть.

Он и смотрел иногда.

Не в переносном, а в прямом смысле – время от времени ездил к Ниагарскому водопаду. Почему-то его тянуло туда. Уже и со счёта сбился, сколько раз там побывал. От Торонто сто тридцать километров по скоростной трассе. На машине всего какой-то час. Ну, час с небольшим.

Наягра-Фоллз. Что и говорить, фантастическое зрелище.

3

Впервые он приехал туда на автобусе много лет назад.

Как-то читая «Русский Торонто», газету, купленную в русском продуктовом магазине в Северном Йорке, в районе, где снимал тогда комнату, он наткнулся на объявление, приглашающее совершить путешествие к одному из чудес света. И в самом деле, подумал, надо побывать. Люди со всех концов едут на него посмотреть, а он рядом живёт и этого чуда ещё не видел. Работал он тогда ночным уборщиком в огромном супермаркете. Работа не из легких, поскольку приходилась на ночь, но платили хорошо. Он считал, что ему повезло, – до этого была стройка.

Он вертел эту газету, читал другие объявления и всё возвращался к этому, первому – автобусная экскурсия к Ниагарскому водопаду, к Наягра-Фолз, как здесь говорят. Дороговато выходила эта экскурсия, но почему не устроить себе маленький праздник? Тем более что в выходные, скорее всего, поспать не удастся. Сосед по квартире, молодой парень из Москвы, музыкант, как он себя называл (хотя работал в каком-то захудалом магазинчике), по воскресеньям с утра пораньше врубал свою музыку, и никакие доводы и просьбы сделать звук тише не помогали.

Он позвонил в агентство и заказал билет на воскресенье на экскурсию с русскоговорящим гидом.

Была середина июля, и стояла необычно жаркая погода. Пик сезона, сказала экскурсовод, когда они въезжали на

стоянку. Это было и без слов ясно – стоянка была забита под завязку. Десятки автобусов и сотни машин заполнили маленький городок. Слышалась немецкая, французская, японская речь. Звучали ещё какие-то языки. Настоящий Вавилон – кого здесь только не было! Люди сидели в кафе и ресторанах, бродили по улицам, покупали сувениры в многочисленных магазинчиках. Множество увешанных кино– и фотокамерами туристов толпилось у парапета, глаза на водопад или снимая на видео и фотоплёнку одно из главных чудес света.

Оторвавшись от своей группы – хотелось побродить самому, – он тоже замер на какое-то время на берегу, не в силах оторвать глаз от фантастического зрелища. Разделяющая две страны спокойная река Ниагара, вытекающая из озера Эри, добравшись до озера Онтарио, вдруг обретала ярость тигра, с рёвом низвергая свои воды с пятидесятиметровой высоты. Кораблики у водопада, заполненные пассажирами в жёлтых и голубых плащах, издали казались просто игрушечными.

Ничтожность человека – вот что он ощутил, глядя на эти летящие вниз, пенящиеся потоки. Беззащитность – перед мощными силами природы и скрытым от смертных смыслом жизни. И лишаящее дара речи восхищение.

Вместе с толпой, натянув на себя полиэтиленовую накидку с капюшоном, он прошёл мрачным сырым туннелем под водопадом. Бетонная труба, набитая туристами, сотрясалась

и вибрировала под грозным напором воды. Время от времени вместе с другими он выходил на специальные открытые площадки позади падающей вниз Ниагары и какое-то время стоял там под дождём из брызг, – песчинка, огражденная бетоном от ревущих потоков.

Потом купил билет на катер со странным названием “Мейд ов зе мист”. Попав на палубу, снова натянул пластиковый плащ, полученный перед посадкой. Наполненный туристами катер отвалил от пирса и взял курс к подножию водопада. И вот он, грозно шумящий, совсем рядом. Миллионы тонн воды с рёвом неслись вниз, разбиваясь, дробились на мельчайшие частицы, образуя сияющее в солнечном свете туманное облако. Когда они оказались внутри него, палуба заходила ходуном. Они подошли к водопаду настолько близко, насколько было возможно. Катер, несмотря на натужные усилия, не мог двигаться дальше – слишком велики были силы сопротивления. Казалось, ещё немного и, затянутый мощным водоворотом, кораблик пойдет ко дну. Постояв минуту, он стал медленно отступать назад.

– Мама, не держи фотоаппарат против солнца – ничего не получится!

Оглянулся. В первый раз услышал здесь русскую речь.

Высокая девушка, уворачиваясь от брызг, старалась в то же время смотреть в объектив. Под полупрозрачным капюшоном темнела густая копна волос, сияла белозубая улыбка.

ка. Хороша. Заметив его взгляд, она дружелюбно кивнула и спросила по-английски, не мог бы он их сфотографировать?

Он тоже кивнул в ответ, взял протянутый фотоаппарат и приблизил к глазу видоискатель. В этот момент палуба вновь угрожающе накренилась, и он едва не выронил камеру. Шум водопада почти заглушал голоса, но он услышал, как девушка воскликнула: осторожно! И в тот же миг их снова обдало водой, мельчайшие брызги засверкали многоцветным туманом, сквозь который сияло мокрое смеющееся лицо – и тут он понял, почему катер называется “Мейд ов зе мист” – «Девушка тумана». Вот она, девушка Тумана, прямо перед ним! И при взгляде на эту «мейд ов зе мист» душа его попала в бурлящий пенный водоворот, мощные силы увлекли её глубоко вниз, откуда, коснувшись дна, в мгновение ока она вознеслась к небу и вернулась в самом весёлом расположении обратно на палубу. Давно ему не было так хорошо.

Он снова посмотрел в видоискатель на лица мамы и дочери – совсем не похожи.

– Улыбку!

– Вы говорите по-русски? – хором спросили они.

И также хором задали следующий вопрос: откуда он?

Виктор щёлкнул затвором и протянул девушке фотоаппарат.

– Из Торонто. А вы?

Оказалось, тоже из Торонто. Дочь звали Оксаной, маму Ларисой. Узнать больше ему не удалось, шум воды заглушал

слова. Но когда сошли на берег, он, почти не надеясь на положительный ответ, всё-таки спросил:

– Может быть, пообедаем где-нибудь вместе?

– Да, я сильно проголодалась, – смеясь, кивнула Оксана. – И я знаю здесь один неплохой ресторанчик.

Казалось, что они тоже рады этой встрече. За обедом выяснилось, что Лариса работала в госпитале, а Оксана в известной фирме по продаже модной женской одежды и аксессуаров. Расставаясь на набережной, они пригласили его в гости и дали номер своего телефона.

Возвращался домой в приподнятом расположении духа.

Вдруг понял, что пора менять работу. В самом деле, не всю же жизнь ему быть ночным уборщиком в супермаркете! Конечно, платят неплохо, но работать ночами и спать днём... Так и жизнь пролетит – не заметишь. К тому же, он уже более-менее сносно понимает окружающих и бегло говорит по-английски.

Следующая неделя ушла на поиски новой работы. Он просмотрел уйму объявлений и сделал несколько звонков, прежде чем нашёл место помощника официанта в итальянском ресторане. Платили меньше, но зато кормили два раза в день, когда он бывал на смене и, главное, у него появилось свободное время.

Первых выходных на новой работе ожидал как праздника. Не терпелось воспользоваться приглашением Оксаны и Ла-

рисы.

И вот, наконец, в одно из воскресений, предварительно позвонив, отправился на другой конец города с бутылкой вина и коробкой конфет. Квартирка была маленькая, хотя и «ту-бедрумная» и в престижном районе. Пили чай, разговаривали. Он спросил, откуда они приехали в Канаду. Оказалось, из Сибири. Это показалось ему странным, как-то не состыковывалась в его сознании внешность Оксаны с образом сибирячки. В отличие от плотной, коренастой Ларисы была она высокой, узкоплечей, с изящными руками и ступнями.

Оказалось, Оксана родилась в Баку. Отсюда труднопроизносимая азербайджанская фамилия и густые чёрные волосы, а от русской матери ей достался ярко-голубой цвет глаз. Удивительно нежный мелодичный голос обладал какими-то поющими и, как ему казалось, восточными интонациями. Этот голос его просто зачаровывал, да и весь облик Оксаны с первой встречи вызывал восхищение.

Он спросил, как она оказалась в Канаде. Лариса пожалала плечами.

– Обычная история.

Вначале жили в Азербайджане, там и Оксана родилась. Наверное, они и до сих пор бы так там и жили в большом и красивом доме, если бы не начались эти события.

– Какие события?

– Ну, из-за Нагорного Карабаха...

К стыду своему, он мало что об этом знал. Нет, слышал,

конечно, краем уха что-то когда-то, но не вникал. Он вообще не интересовался политикой.

– Мама часто Баку вспоминает, – взглянув на мать, сказала Оксана. – Говорит, что никогда после мы не жили так хорошо и беззаботно, да, мам?

– Да, ни в чём не нуждались, хотя работал только муж, а я домом и Оксаной занималась. Правда, дома работы хватало, там в порядке вещей гости чуть ли не каждый день. А какой город! Самый большой на Кавказе.

– Город я не очень хорошо помню, – призналась Оксана. – Помню, мама покупала около метро такие вкусные-вкусные, то ли пирожки, то ли слойки, прямо горячие ещё, я таких потом нигде не ела. А ещё мороженое там прямо в кино продавали. И гости у нас на террасе часто собирались.

– Не знаю, как сейчас, а тогда по соседству с нами кто только не жил. Азербайджанцы, русские, армяне, грузины, евреи, да полно всякого народу. Интернационал, одним словом, – улыбнулась Лариса. – Прямо, как здесь, в Канаде. А потом всё изменилось.

При этих словах изменилось и лицо Ларисы, она нахмурилась, вспоминая те дни. И в самом деле, можно ли было поверить тогда, когда они сидели за одним столом, – азербайджанцы, русские, армяне, – что вся эта замечательная жизнь так внезапно оборвётся, и вчерашние друзья станут врагами? Казалось, все эти волнения, все эти столкновения на улицах – простое хулиганство, которое вот-вот кончится, и всё об-

разуется, заживут все, как и раньше. Не кончилось, ситуация ухудшалась с каждым днём и вскоре начались настоящие погромы. Из Азербайджана стали изгонять армян, они уезжали, за ними покидали свои насиженные места многие русские, евреи, украинцы.

– Мама всё боялась и всё твердила, что нужно на время уехать. Я это помню.

– Да просто выходить в город стало опасно. Кто мог, тот сразу уехал. А многим и ехать некуда было, а другие не уезжали, потому что не могли продать дома. Стерегли их. Но потом так прижало, что люди просто оставляли и дома, и всё, что в них было. Ну, естественно, начались грабежи.

Лариса вздохнула, опустила голову, и некоторое время сидела молча.

– Да ладно, мам, хватит, – тряхнула своей роскошной гривой Оксана. – Что за вечер воспоминаний? Виктору это неинтересно!

Но прошлое продолжало волновать их обоих. Не с каждым можно было о нём говорить, но с ним, наверное, можно было, и они говорили. Позже, во время других встреч по кусочкам рассказывали продолжение своей жизненной истории. Пока в голове у него не образовалась целостная картинка.

Жизнь изменилось. Несмотря на то, что отец Оксаны был азербайджанцем, оставаться в Баку было страшно. На вход-

ную дверь поставили новые замки. Но они не уберегли их от беды. В одну из осенних ночей пьяные подростки подожгли соседний дом, где жила армянская семья, и огонь, раздуваемый ветром, перекинулся на их участок. Оксана не помнила пожара, её спящую, унесли к соседям, но хорошо помнила следующий день, и тот ужас, который охватил её, когда она увидела свою выгоревшую комнату и перепачканную сажей маму, та собирала вещи и плакала. Ещё запомнилась дорога. Они ехали к бабушке в Сибирь. Ехали долго, на поезде, и она всю дорогу мерзла.

Несколько месяцев они жили у бабушки как гости. Отец дважды приезжал, привозил деньги, виноград и другие фрукты, но ехать обратно было пока некуда. Отец сам жил у родственников и пытался ремонтировать дом. Потом, как это часто случается, у него появилась другая женщина. Время шло. Деньги, которые он оставил в свой последний приезд, закончились, работы Лариса долго не могла найти, и они стали жить довольно бедно. Бабушке было трудно их содержать. Начались ссоры.

В конце концов, родители развелись. Лариса устроилась на завод, и её почти никогда не было дома. За Оксаной стала присматривать бабушка. Отводила её в школу, приходила за ней после уроков, водила на музыку в Дом пионеров.

Постепенно и не без трудностей, но жизнь стала как-то налаживаться. Спустя какое-то время Лариса снова вышла замуж, за своего бывшего одноклассника Бориса Стоцкого.

Вот вместе с ним-то они и эмигрировали в Канаду.

После сибирской глубинки Оксане всё понравилось в этой стране – и город, и дом, и новая школа, – несмотря даже на то, что первое время у неё были проблемы с английским. Но в детском возрасте язык осваивается довольно быстро. Через год она говорила уже практически без акцента. А вот у Ларисы дела шли не так хорошо, как хотелось бы. И семейная жизнь снова не задалась. Стоцкий, хотя всё ещё на бумаге и числился мужем Ларисы, уже несколько лет жил отдельно. Впрочем, все трое остались в нормальных отношениях. Оксана окончила школу, потом колледж и начала работать – в той самой фирме, в которой ещё школьницей подрабатывала на показах модной одежды.

– Мне после школы предлагали стать манекенщицей, я даже на специальные курсы ходила. Но мама не захотела, чтобы я продолжала там учиться. Курсы дорогие, а никаких гарантий, что после их окончания какая-нибудь более-менее значительная фирма, где хорошо платят, заключит со мной контракт. В этой сфере просто дикая конкуренция. Она считала, что я должна получить какое-то более серьёзное образование. Для неё это очень много значит. Она сама после школы учиться не стала, сразу вышла замуж и осталась без профессии, и ей из-за этого здорово досталось. Короче, не хотела, чтобы я повторила ту же ошибку и настояла на том, чтобы я пошла в колледж. Хотя мне, конечно, хотелось побыстрее на-

чать зарабатывать. Когда вокруг столько красивых вещей...

– Да, помню, мне после школы тоже хотелось всего и сразу. Джинсы, кроссовки настоящие.

– Я не об одежде. Я, первым делом, купила себе очень хороший фотоаппарат, – Оксана искоса посмотрела на Виктора. – Знаешь, кем мне действительно хотелось бы быть?

– Кем?

– Фотографом. Вокруг столько удивительных вещей! А люди проходят мимо и ничего не видят. Может быть, когда у меня будет немножко больше свободного времени, я займусь этим серьёзно и когда-нибудь выпущу фотоальбом со своими снимками.

Она действительно везде носила с собой фотоаппарат. И в квартире, где они с Ларисой жили, стены были увешаны её работами – бурная Наягра в самых разных ракурсах и в разные времена года, виды Атлантики, вечерний Монреаль... По её мнению, самый красивый город страны, в котором она мечтала когда-нибудь жить.

– Да, альбом – это было бы здорово, – произнёс он.

А сам подумал, кому они нужны эти виды здесь, вон сколько настоящих художников, пишущих и маслом и акварелью, выставляют свои картины в маленьких галереях и сувенирных лавках. А то и просто на улицах предлагают их почти за бесценок, – и то мало кто берет. Люди здесь в большинстве своём думают не о картинах, а о покупке новой машины, мебели или дома в престижном районе.

Она словно прочитала его мысли и улыбнулась.

– Да, знаю, наверное, фотоальбомы не очень популярны. Одна моя подруга работает в большом книжном магазине, «Барнс-энд-Нобл», она говорит, что такие вещи действительно не пользуются спросом.

– Но за твоими фотоальбомами будут стоять очереди, – пошутил он. – Я буду первый.

– Очередь из одного человека! – Оксана рассмеялась.

По выходным она возила его по окрестностям – то на парфюмерную фабрику, то на какую-нибудь очередную ярмарку, то посмотреть крошечную церковь, самую маленькую в провинции Онтарио (а может быть, и во всей Канаде), куда одновременно могло втиснуться не больше четырех человек.

Как-то предложила съездить в Вандерлэнд – детский парк развлечений. Он сопротивлялся.

– Ну что я там буду делать, на качелях кататься? Давай лучше сходим в ресторан.

– Рестораны это заурядно. К тому же, мне надо меньше есть, я стала поправляться. Вот увидишь, там будет весело.

Она пыталась показывать ему те места, которые были ей хорошо знакомы, с которыми были связаны какие-то приятные ощущения. Вандерлэнд – ещё не забывшиеся воспоминания детства. Её возили туда совсем недавно, ведь ей только двадцать с хвостиком. А ему уже за тридцать. Разница ощущалась.

– Для меня Онтарио – лучшее место в Канаде, – сказала Оксана, когда они на огромной скорости неслись по хайвэю мимо садов и виноградников. – Ну, не считая Монреаля, конечно. Но в Монреале больше Франции, чем Канады. И тебе здесь тоже понравится, вот увидишь. Особенно хорошо здесь на юге провинции, тут помимо водопада много чего ещё есть. Эту часть Онтарио называют фруктовой корзиной Канады. Здесь выращивают абрикосы, персики, виноград...

– Виноград? И как он здесь только растёт? – удивлялся он, вспоминая пережитые холода и морозы. – Зима же здесь лютая! Даже водопад замерзает!

– Ну, не такая уж лютая! – засмеялась Оксана. – И виноград ещё как растёт! Здесь и вино делают. Ты пробовал когда-нибудь вино из подмёрзшего винограда? Нет? Называется «айсвайн», ледяное вино. Такого, наверное, больше нигде в мире не делают. Для этого вина виноград убирают не до, а после первых заморозков, поэтому оно имеет совершенно особый вкус. Вот увидишь, тебе понравится!

– Ну, ещё бы! Я большой любитель этого продукта! – пошутил он.

Она тут же загорелась:

– Вот! Я знаю одно местечко, не совсем, правда, по пути, придётся сделать крюк, но оно того стоит. Ну, что, заедем? Только сразу предупреждаю, вино дорогое. Впрочем, я не пью, за рулём, а ты для начала можешь обойтись и одним

бокалом. Можешь разориться на один бокал?

Ему было все равно. Он забыл о своей тяжёлой работе, о жёсткой экономии. В конце концов, за что и платить, как не за такие моменты жизни? Он и готов платить. Только за то, чтобы вот так катить с ней рядом, он готов отдать все свои невеликие сбережения. А тут ещё и вино предлагают...

Он смотрел на неё сбоку, на то, как, чуть откинувшись назад, она вглядывается в дорогу, как ведёт машину, и ему очень хотелось её поцеловать.

Прекрасная страна Канада!

А после пары бокалов вина она казалась ещё более замечательной.

Покинув постоялый двор с винным баром, они продолжили путь в парк развлечений. Поставили машину на стоянку, купили входные билеты, которые показались ему безумно дорогими, и отправились бродить по канадскому Диснейленду. Как тысячи других туристов, приехавших сюда провести с детьми последние дни летних каникул.

Он и не подозревал, что в нём сохранилась способность так веселиться.

Полёт по американским горкам доставил ему просто какую-то дикую радость. Они летели по рельсам на огромной скорости вперёд и вперёд, переворачивались на крутых виражах, повисая вниз головой и, вцепившись мёртвой хваткой в поручни, громко орали дикими, первобытными голосами. После этого полёта он, наверное, ещё с неделю пребывал в

состоянии какой-то эйфории. Впрочем, не Вандерлэнд был тому причиной, а маленькая остановка по пути к нему.

4

Лето кончилось, прошла осень, впереди замаячила зима с её канадскими холодами и снегопадами. Они стали видаться реже, поскольку он стеснялся приглашать Оксану в свою ободранную комнатёнку, а чтобы встречаться где-то ещё, нужны были деньги. Просматривая объявления в рекламном-информационном журнальчике «Bonus», выходящем на русском языке, искал подработку. Хорошая работа – это здесь главное. Нет работы – нет денег, и ты за бортом. Без работы и денег легко опуститься. А лузеры здесь не в фаворе.

Неожиданно он нашел эту вторую работу и довольно быстро. Но не по объявлению. Сосед по квартире сказал, что требуется продавец в магазин «секонд хэнда» на два дня в неделю. Он позвонил и уже на следующей неделе приступил.

Пора было думать о нормальном доме, куда не стыдно приглашать гостей. И о машине. В Торонто жильё, чем ближе к центру, тем дороже. Если же оно в каком-нибудь пригороде, без машины не обойтись. Ездить он умел, оставалось, позубрив местные правила, сдать экзамен. Выяснил, как и где это делается. Оксане ничего не говорил. То, что она возила его повсюду, как-то задевало. Наверное, всё ещё не изжитый

совковый менталитет давал себя знать. Хотя здесь, в Канаде, женщин за рулем можно было видеть не реже, чем мужчин. А может быть, даже чаще. Поразмыслив, стоит ли тратить свои сбережения, он все-таки решился и купил первую в жизни собственную машину – подержанную, но все ещё не потерявшую вида, «мазду».

Представлял, как подкатит к офису Оксаны, чтобы забрать её с работы. Как только получит права, сам будет возить её повсюду. Пожалуй, надо свозить, первым делом, в Монреаль. Обязательно поедут на Ниагару. Они уже дважды побывали там вместе, им обоим нравилось это место.

Утром, бреясь, он пристальнее, чем обычно, разглядывая в зеркало своё лицо, такое знакомое и такое почему-то всегда чужое; на висках всё отчетливее проступает седина, и волосы впереди значительно поредели. Впрочем, сейчас его это не особенно огорчало – сегодня он пребывал в философском расположении духа, – такова жизнь, никто не становится моложе.

Выпив чашку кофе, уже натягивал куртку, чтобы отправиться на работу, когда зазвонил телефон. Звонил адвокат, занимавшийся его делом.

– Легенду хорошо выучил? – спросил. – Не забыл, что у тебя в следующую среду суд? Будь готов.

– Всегда готов, – вяло откликнулся он.

Ну вот, и наступил час «икс».

Ладно, ладно, успокаивал себя, волнуйся – не волнуйся, а будет лишь то, что будет. Самое плохое, что может случиться – скажут «нет» и вышлют из страны. Ну, вышлют и чёрт с ним. Приехал с одним чемоданом и одним языком, уедет с двумя чемоданами и двумя языками. Здесь жить или там, для него уже почти никакой разницы. Перегорел, понял за это время, что везде свои радости и свои трудности. Хотя, разумеется, бодрясь и говоря себе всё это, он, вероятно, слегка кривил душой – разница была. Не мог он вернуться сейчас, когда у него появилась Оксана.

Но, видимо, полоса пошла такая – то, что вчера казалось недостижимым, сегодня само лезло в рот. Всё прошло как по маслу.

Со своим адвокатом, Тони-Антоном, они почти сдружились в процессе борьбы за получение легального статуса, а потому обед по случаю первой победы над бюрократической машиной Канады, переваривающей документы ещё медленнее, чем все конторы бывшей великой державы СССР, проходил в самой непринужденной обстановке. Они сидели в маленьком уютном ресторанчике, отмечая знаменательное событие бутылкой «мерло».

– Ну что ж, ещё раз мои поздравления, – Тони поднял бокал, – ещё чуть-чуть и в твоём кармане будет лежать канадский паспорт. Ну, а пока – статус landed immigrant тоже иметь неплохо. Он даёт тебе все права канадского гражданина за исключением одного – права голосовать, избирать

и, соответственно, быть избранным. Но, думаю, губернаторское кресло тебя даже в перспективе не интересует.

– Если уж выдвигать свою кандидатуру, то только на пост президента, – пошутил он в ответ.

Тони насмешливо поднял брови:

– Увы, друг, вот это тебе точно не светит. Президентом здесь тебя никогда не выберут, даже если станешь миллиардером. Хотя бы потому, что в Канаде президентов нет. Здесь конституционная монархия, и формально здесь правит британская королева, представленная генерал-губернатором. А чтобы стать премьер-министром, надо родиться в этой стране. Но вот твои дети уже смогут претендовать на этот пост...

– А у тебя есть дети? – спросил Виктор.

– Двое мальчишек. Пять и шесть лет, – лицо неожиданно Тони расплылось в довольной улыбке. – Жуткие хулиганы, по словам мамы.

Он достал из лежащей на краю стола папки фотографию и протянул Виктору. Посмотрев на конопатые физиономии белобрых мальчишек, очень похожих на Антона, и на его темноволосую жену, тот вернул фото. Интересно, а как Оксана относится к детям? Сейчас многие канадки предпочитают не детьми заниматься, а делать карьеру. Деньги подавляют даже мощный инстинкт материнства.

Тони снова посерьёзnel.

– Учи язык и историю страны, получишь канадский паспорт и тогда перед тобой откроются границы всех стран Ев-

ропы-Азии... Ну, или почти всех – уточнил, – не говоря уж об Америке, Австралии и Новой Зеландии. Впрочем, у тебя и сейчас всё ОК, не считая лишь одного маленького неприятного нюанса.

– Какого? – поинтересовался он, трудясь над бифштексом.

– Учитывая то, что мы изобразили тебя беженцем, тебе сейчас не попасть в родную страну. Пока не станешь полноценным гражданином Страны Кленового Листа.

Виктор пожал плечами.

– Да я как-то туда пока и не рвусь.

Покривил слегка душой. Конечно же, он хотел побывать дома, и ещё как хотел. Дом не отпускал его, не было дня, чтобы Виктор не вспомнил о нём, о родителях, Ольге. О саде, где всё так знакомо до последнего куста, и так всё прекрасно. О Зине.

– А мне бы хотелось, – произнес неожиданно Антон-Тони, снова наполняя бокалы. – Меня сюда привезли мальчишкой, мне было пятнадцать лет. В Торонто я уже двадцать лет, здесь окончил школу, потом университет, потом работать начал... Работа нервная, как видишь, но в смысле денег – хорошая. Женился на канадке, и все у нас, вроде бы, о'кей, – он помолчал, глядя в окно. – Но иногда вдруг накатывает... Наш двор московский, подъезд, соседские мальчишки вспоминаются. Кстати, в Туле родственники живут, приглашают в гости. Чёрт, я уже столько времени без отпуска! Съездить

бы на недельку-другую, свой дом увидеть, друзей детства.

Вот оно как. Даже успешного человека, которого привезли ребёнком грызёт ностальгия. Виктору стало стыдно за то, что он покривил душой. Наверное, именно из-за этого чувства лёгкого стыда он и продолжал говорить совсем не то, что думал.

– Мне ехать туда не хочется, – повторил упрямо, чувствуя, как испаряется куда-то его приподнятое настроение. – Что там смотреть? В памяти одно, а в реальной жизни все по-другому. Со мной парень на стройке работал, десять лет в «совке» не был, всё мечтал съездить. Ну, и поехал, наконец, в свой Донбасс. Через три недели вернулся, говорит, лучше бы не ездил. Полная разруха. Всё, что можно, разворовали, нищих, говорит, полно, сидят прямо в центре у всех этих новомодных «бутиков», где туфли стоят, как пенсия его бабки за десять лет. Хотя, сказал, поехать стоило в любом случае – от ностальгии излечиться. Нет, нечего там делать. Кто мог, тот после великого развала уже уехал. – Кого он больше убеждал сейчас, себя или Тони? – А старики, те, наверное, уже умерли. От той жизни, по которой ты тоскуешь, там уже ничего и не осталось. Поезжай, сам увидишь. Только и ехать опасно. Читал в Интернете на сайте «Комсомолки», что люди исчезают среди бела дня, дома взрывают... Бардак, одним словом. Лучше сохранить светлые воспоминания о том, что было, чем получить большую порцию разочарований. Хотя в России, может быть, всё и не так как на Украине... не знаю.

Антон внимательно посмотрел на него, словно пытаясь понять причину внезапного раздражения, а потом примирительно произнес:

– Я как-то не особенно доверяю средствам массовой информации, хотя в чём-то ты прав, наверно. Я и сам знаю, что там действительно за эти двадцать лет всё изменилось. Везде всё меняется, мир не стоит на месте.

Виктор положил вилку. Бифштекс остыл и уже не казался таким вкусным.

– Везде хорошо, где нас нет.

Конечно, он съездит туда. С Оксаной. Когда-нибудь. Она как-то обмолвилась, что неплохо бы провести отпуск там, где она бывала ребенком. В Крыму, например. Ещё лучше – в Баку, но в Баку её детства, когда люди были гостеприимны и дружелюбны, и каждый мог запросто пригласить тебя в свой дом. Говорят, сейчас там слишком много от средневековья. Опять же близость к Чечне, где идет война. Кавказ стал далеким и чужим.

Что за проблемы, шуточно ответил он, в Крыму тоже замечательно. Он бывал там пару раз – во времена зелёной юности. Организуем, почему бы и нет? Говорил и сам верил, что в состоянии всё это «организовать». Каким образом и особенно сейчас? Даже не представлял. Просто верил, что так оно и будет. Будут лежать рядом под палящим солнцем, загорелые и беззаботные, будут слушать шум взлохмачен-

ных ветром волн. Он знает несколько совершенно офигенных мест. И это совсем даже не Ялта. Это Тарханкут. Полуостров на полуострове Крым. И полупустынная узкая песчаная полоса чудесных евпаторийских пляжей. Не городских, где яблоку негде упасть, где визжат дети и испуганно кричат мамы-клуши, а дикие, пред-евпаторийские и за-евпаторийские пески...

Но прежде будет ещё одно обязательное и совсем близкое путешествие. К водопаду, туда, где они впервые встретились. Это здесь популярно – проводить медовый месяц на Ниагаре. Дорогой номер в хорошем отеле, экскурсии, обед в ресторане, на самом верху башни Скайлон Тауэр, откуда открывается фантастический вид на водопад и окрестности.

А если заглянуть чуть дальше, то можно увидеть ещё кое-что. Их дом. Со временем они обязательно купят дом и он обязательно посадит свой собственный сад в этой самой «фруктовой корзине» Канады. И дерево грецкого ореха, когда родится ребенок.

Ещё какие-то радужные фантазии рождались и исчезали у него в голове, появлялись и лопались, как мыльные пузыри, пока он ехал на работу или с работы в переполненном автобусе. Теперь, когда он получил долгожданный статус, всё казалось возможным.

То ли ему повезло, то ли он действительно уже сносно владел английским, но он сдал с первого раза и теорию, и вождение, не сделав ни одной грубой ошибки. Это был рывок. Права здесь были, пожалуй, самым важным документом.

Вспомнил, как боялся этого экзамена. Сергей, один из парней, с которым он по ночам полировал полы в супермаркете, долго не мог получить права. Дважды пытался и оба раза безуспешно. Он был убежден, что инструктор придирается к нему, только потому, что он не канадец. «Ну, не любит он иммигрантов! У него только местные сдают и те – через раз».

Потом Сергей пошел в драйвинг скул, где обучали вождению на русском языке, на русском языке и экзамен сдавал. Но Виктор не хотел так, как Серёга. Во-первых, школа стоила денег. Потом, самолюбие не позволяло. Водить машину он умел, и в прежней жизни не полы подметал, как сейчас, а был инженером, и кое-что в технике понимал. И если уж оказался здесь и столько уже претерпел, то должен освоить и язык настолько, чтобы, по крайней мере, в быту из-за него не возникало никаких проблем. А на дороге так особенно. Для него экзамен по вождению был одновременно и экзаменом по английскому. А потому всё свободное от работы время он усердно готовился, оставляя для встреч с Оксаной лишь выходные. Тут как-то удачно совпало то, что и она в эти дни была занята больше обычного – фирма, в которой она работала, готовилась принять участие в большой международной

выставке.

Потренировавшись ещё несколько дней на автодроме и покатавшись по весенним улицам города, чтобы быстрее освоить нужные маршруты, он купил два билета на популярную американскую рок-группу, приехавшую в Торонто на гастроли, и только теперь решил позвонить Оксане. Набирая номер, и глупо улыбаясь, предвкушал, как подкатит за ней на своей машине.

А в ближайшее воскресенье нужно будет выехать за город – подышать воздухом. Погода была замечательная, май набирал силу.

К телефону подошла Лариса.

– А Оксаны нет. Уехала.

– И когда вернётся?

Говорить или не говорить о получении статуса Ларисе? Пожалуй, нет. Пусть позже, но он сам сообщит Оксане, что теперь он тоже канадец. Почти. Интересно, как она воспримет эту новость?

– А... разве ты ничего не знаешь? – В голосе Ларисы сквозило удивление.

– Да мы не виделись больше недели. Кручусь сейчас на двух работах, замотался. В среду звонил, но не застал её в офисе, – он вдруг почувствовал себя виноватым.

И, правда, что стоило позвонить ещё и ещё раз?

– Оксана уехала в Ванкувер.

– В Ванкувер?!

Она и раньше ездила в командировки по делам фирмы, но ещё никогда – так далеко.

– Надолго?

Лариса прямо на вопрос не ответила.

– Фирма расширяется, – сказала. – Появились новые вакансии, и ей предложили новую должность. Мы решили, не стоит отказываться.

Да, он что-то такое слышал – о вакансиях. Оксана говорила о том, что, возможно, поменяет место работы, но чтобы это было так далеко! Он был потрясён.

– Но почему – Ванкувер?

Он услышал в телефонной трубке вздох Ларисы:

– Сам понимаешь, из Торонто туда не каждый поедет. Мне тоже не нравится, что она так далеко, но для неё это такое большое повышение.

Всё это совершенно не укладывалось в голове.

– Мы же виделись – он лихорадочно подсчитал дни с момента их последней встречи, – в прошлую субботу... Она мне ничего такого не говорила. Даже не намекнула, что...

Лариса снова вздохнула. Она тоже ещё никогда не расставалась с дочерью.

– От такого места не отказываются. Дэвид открыл в Ванкувере новый большой магазин. Ему нужны там надёжные, проверенные люди.

Дэвид! Вот он, ключ. До этого момента он всё ещё наде-

ялся, что всё это просто недоразумение какое-то, но после этого «Дэвид» из глубин сознания выплывал правдивый и беспощадный ответ: никогда. Никогда не вернётся. А если и вернётся, то не к нему. Вместе они не будут никогда.

Мелкие шероховатости в их почти безоблачных отношениях, все эти незначительные детали – внезапные исчезновения, поздние звонки в самое неподходящее время, какие-то странные, почему-то требовавшие её присутствия, деловые встречи-обеда по субботам-воскресеньям, – вся эта мозаика быстро сложилась в целостную картинку. Дэвид, а не работа, вот главная причина.

– Можно было расстаться и по-другому, – грубо произнёс он. – Сказать всё честно.

– Не хотела тебя расстраивать, – тут же ответила Лариса.

Ага, значит, была в курсе, что он для Оксаны всего лишь развлечение, временная игрушка. До той поры, пока на горизонте не замаячит достойный кандидат. А что ты хотел? Она дочь своей матери. Лариса тоже выскочила замуж как только на горизонте замаячил тот, у кого водились денежки... Всё шло слишком хорошо, чтобы длиться слишком долго.

– Дэвид тоже живет в Ванкувере? – ядовито поинтересовался он, не в силах вот так сразу, как того требовала ситуация, положить трубку, и всё ещё на что-то надеясь, надеясь...

– Ну, перестань. Причём здесь Дэвид? Это, прежде всего, работа. Все мы вынуждены как-то зарабатывать на жизнь. –

Похоже, Лариса пыталась его утешить. – Мне тоже нелегко с ней расставаться. Ты же знаешь, у меня здесь никого, кроме неё нет. Но это очень, очень хорошее место, такое не каждый день предлагают. Большие деньги. И перспектива роста.

Поколебавшись, добавила: ладно, если хочешь, запиши телефон.

Почему-то он не стал звонить сразу. Грызла обида. В конце концов, могла бы, в самом деле, сама всё объяснить, а не исчезать вот так, не сказав ни слова и даже не попрощавшись. Все оттягивал – всё ещё надеялся в глубине души, что Оксана сама позвонит, что передумает, вернётся или позвёт его в этот чёртов Ванкувер... Что все его дурные предчувствия всего лишь игра воображения. Но она не звонила.

Прошло несколько дней, и он сдался.

– Не обижайся. Ты хороший парень и ты мне нравишься. Но в этой стране свои правила и законы. Нельзя начинать семейную жизнь, не имея ничего. Сам знаешь, каково без работы и без денег. Дэвид считает, что мне крупно повезло...

– Дэвид? – он пытался произнести это как можно язвительнее.

– Он мне очень помог, – сухо ответила Оксана. – Когда рассматривались кандидатуры на эту позицию, он предложил меня. Хорошая работа в этой стране значит если не всё, то очень многое. И никто на моём месте не стал бы упускать

такую возможность.

Её голос звучал так ясно, так отчетливо, что казалось, она находится где-то совсем рядом. Но она была далеко. На другом конце страны. Или мира. Уже в другой, чужой, жизни. Всё кончено. Не будет больше прогулок по городу и поездок за город. Ничего больше не будет. И обедов, и субботних встреч в маленькой гостинице в китайском квартале тоже не будет.

У него перехватило горло.

– Ну, чего ты молчишь?

А что тут говорить, когда и без слов всё ясно. Дэвид – ее босс. Один из самых главных в фирмы. Видел он однажды этого Дэвида, Оксана показала, когда он как-то встречал её у офиса. Дэвид садился в спортивную машину. Длинный, тощий и бледный, как поганка. Похоже, высмотрел её на какой-нибудь деловой встрече. Вероятно, живёт в шикарном доме. А у него даже и канадского паспорта ещё нет – только вид на жительство. И работа за восемь долларов в час. При этом он ещё считал, что ему повезло! Господи, дурак-то какой! Landed immigrant, иммигрант, пусть и постоянно проживающий в Канаде, – вот кто он такой. Ни больше, ни меньше. Один из многочисленных белых рабов этой демократической, этой свободной страны. Все эти сказки о том, как разбогател бедный иммигрант, начинавший разносчиком газет, сказки и есть. Все эти лозунги о больших возможностях маленького человечка рассчитаны на идиотов. Которые ле-

тят в дальние страны, как бабочки на огонь. Может быть, кому-то из них и повезёт, но большинство оседает на чёрных работах.

– Не сердись. Ну, вот такая уж я, бизнес-вумен, – она ещё пыталась шутить! – Ну, не создана я для того, чтобы готовить борщи и пампушки. А если серьёзно, Вик, то я просто должна работать, и должна использовать любой шанс, чтобы зарабатывать как можно больше. Мне не на кого рассчитывать. И я очень ждала этого повышения, я же тебе говорила. Только я думала, что меня оставят в Торонто.

Так и не услышав ответа, добавила:

– У тебя тоже всё образуется.

Она ничего не сказала о том, что они могут продолжить свои отношения. Она не позвала его. А ведь он мог тоже переехать в Ванкувер. Ради неё он куда угодно готов был ехать. Но она сказала: у тебя тоже всё образуется. У меня образовалось и у тебя образуется. Это прозвучало как «прощай».

«У тебя всё образуется». Ещё как образуется...

Он напился и пропустил свою смену в ресторане. Потом ещё одну. И ещё. Его, разумеется, уволили.

Деньги имеют свойство таять с непостижимой быстротой, стоит только зазеваться, остановить на мгновение бег в своём беличьем колесе. Если он не заплатит до понедельника за комнату, то самое лучшее, что его ждет – это шелтер. Ночлежка, то есть. Относительно комфортное место, лучше, чем по подвалам ночевать или в ящиках под мостом. Но ночлеж-

ка – она ночлежка и есть, пусть даже с чистыми простынями и душем. Милость государства и сострадательного общества к падшим согражданам.

Он лежал на диване, разглядывая ободранные обои в углу комнаты. Вот она, страна больших возможностей.

Зачем я здесь?

И вообще *здесь*, в этом мире? Какой смысл во всем этом барахтанье? Работа – дом, дом – работа... Ежедневная нудная, утомительная борьба за выживание. Зачем? Это и есть смысл моей драгоценной, единственной и никому не нужной жизни?

6

– Уволили? Ну, ты дурак – потерять такую работу!

На какой-то – пятый или десятый? – день его пьянства заехал Пётр, парень, с которым он когда-то гнул трубы для пластиковых столов и стульев на мебельной фабрике, и с которым изредка перезванивался.

– А нельзя к шефу как-нибудь подкатить? – спросил он. – Покайся, придумай что-нибудь!

Виктор покачал головой.

– Поздно придумывать, ушёл поезд.

– Понятно... Значит, давно пьёшь.

Пётр не хуже него знал, как это бывает. Наверняка, на место Виктора уже приняли быстрого и исполнительного ки-

тайца, готового ежеминутно кланяться и вкалывать за три доллара в час.

Достал из-под кровати бутылку с остатками виски и разлил поровну. Петр повертел стакан в руках.

– Не разбавляешь? – оглядел пустой стол, заваленный пустыми пакетами из-под чипсов и соленого арахиса. – И без закуски? Ладно. Как говорится, за тех, кто в море, в тюрьме и за границей!

Выпил, морщась, вытряс из пакета пару орешков, отправил в рот.

– Ну, и что теперь думаешь делать?

– Не знаю. – Действительно, что?

Пётр покачал головой.

– Завязывай. Тут расслабляться нельзя. Будешь сидеть на вэлфере – никогда не поднимешься.

Это его любимая тема была – как найти свою золотую жилу. У каждого, рискнувшего пойти на авантюру под названием «эмиграция» или, как здесь говорили «иммиграция», своё кино в голове. У большинства – как выжить и наладить быт, у Петра, – как разбогатеть. Он только об этом и говорил, только это его и волновало, как «подняться».

– А ты вот тут уже десять лет, и работаешь день и ночь. И что – высоко поднялся? – съязвил Виктор, угрюмо рассматривая пустую бутылку.

– На жизнь хватает, не жалею. Больших денег пока не заработал, потому что просто ещё не нашел свою...

–... золотую жилу.

Пётр не обиделся.

– Пашку помнишь? Рыжего, с нами на фабрике работал, а потом в пекарне подручным? На днях узнаю, он эту пекарню выкупил! На булках поднялся! Сказал, что сейчас у него, в придачу к пекарне, ещё и магазин «Домашний хлеб» в Северном Йорке. Ссуду взял. Там у него одна баба из Полтавы здорово домашние пирожки печёт. Ещё двое ребят-москвичей на компьютерах выехали, тоже неплохие бабки делают. Офис в самом центре, представляешь, сколько там одна аренда стоит? А приехали – первое время зимой на вокзале ночевали, а весной в парке, когда погода позволяла. На скамейке спали и флагами родины, которые на сувениры привезли, укрывались. А ещё Андрей с нами работал, помнишь, длинный такой? Мордой на американского актера похож. Ну, на этого, который в «Титанике» художника играл, как его? Так вот, у него сейчас своя музыкальная студия. Электронную музыку делает.

– Да кому, на хрен, нужна здесь его музыка! – грубо прервал Виктор. Его просто тошнило уже от всех этих сказочек. – Какая здесь культура? Здесь же никто ничем, кроме денег не интересуется.

– Ну, не скажи, – Пётр покачал головой. – На хороший товар везде есть спрос. Андрей уже, кажется, пару-тройку дисков сделал. По радио часто крутят. В Испанию и Германию на гастроли приглашают. Страна больших возможностей...

– Если бабки есть! У кого они водятся, тому везде хорошо.

– Зря ты так настроен. Здесь, в Канаде, всегда можно заработать, а если ещё и найти свою нишу...

– Какая, к черту, ниша! Все давно забито. – Из него вдруг попёрло то, о чем он и думать раньше не хотел. – Наша ниша – чёрные работы, на которых канадцы, чьи предки прикатили сюда первыми, надламываться не хотят! Или на тех пахать, кто успел урвать хороший кусок, когда нашу страну растаскивали, да потом сбежали сюда, чтобы дома этот кусок другие такие же хапилы не отняли!

Он ещё что-то орал, но Пётр, казалось, уже не слушал. Прошёлся, заглядывая в углы.

– Сколько за нору платишь?

– Пятьсот.

– Так себе нора. Тесная, без кондишина... Не хочешь перебраться ко мне?

– С чего это вдруг? – с подозрением спросил Виктор.

– Да сосед у меня съехал, с которым мы дом на пару снимали, – объяснил Пётр. – Одному оплачивать, сам знаешь, дорого. И новое жильё искать не хочется. Пять лет в одном доме живу, привык. Понимаешь, он хотя и старый, но классный дом. От центра, конечно, далеко, зато это дом, а не комната, и платить, если на двоих, получается всего по четыреста баксов.

По четыреста – это хорошо. За целый дом – это очень-очень хорошо. Виктор это понимал. Тут и пьяный ёжик бы

понял. Только сейчас у него денег-то, можно сказать, почти нет.

– Не знаю, – пробормотал, мучительно соображая, по силам ли ему сейчас такое перемещение. – Надо подумать... Там же за первый и последний месяц надо сразу платить, а я... Я машину купил и вот... – он ткнул пальцем в угол, где громоздилась куча пустых бутылок и пивных банок.

Петру ничего объяснять не надо, он из понятливых. Сам такой.

– Этот месяц я уже оплатил. Отдашь, когда заработаешь. А, кстати, – вскинул брови, – и насчет работы могу узнать. Я сейчас на одной фабрике, деревообрабатывающей, в Сент-Катринсе. Час с небольшим езды от Торонто, но платят неплохо.

– Где это?

Пётр объяснил.

– Далековато.

– Ну, чтоб не на машине гонять, купишь проездной на поезд. На полгода, дешевле будет. А работа того стоит. Десять-двенадцать баксов в час, в зависимости от цеха.

Десять баксов? Стоило подумать.

– А что делать-то? – вяло поинтересовался, внутренне уже на всё соглашаясь.

В самом деле, какая разница, что делать? Платили бы нормально. А главное, надо стряхнуть с себя это состояние. Хватит с него глубоких чувств. Если разобраться, всё это всего

лишь игра гормонов. Основной инстинкт. Остальное – воображение. А жить надо без фантазий. Яркую обёртку, всю эту любовь, «романс» этот, придумали козлы, пишушие слюнявые истории и снимающие сладкие фильмы, чтобы побольше зелени настричь. Всё, всё ради бабла. А этой жизни подходит только здоровый секс. Встретились – трахнулись – разбежались.

7

Дом и в самом деле оказался хорошим – три спальни, просторный бейсмент, где, помимо старой стиральной машины и сушилки, за перегородкой, на грязноватом сером ковре стояло два древних огромных дивана и большой телевизор. Несколько ободрано всё, запущено, но довольно уютно. Лужайка перед домом, а на заднем дворе незамысловатый садик, состоящий из раскидистого пеканового дерева и нескольких непонятных кустов. Виктор вспомнил роскошный цветник матери. Старый сад, где сейчас, в начале лета, набирает силу ранняя черешня и клубника. Тут таких роскошных садов и не бывает. Здесь никто не выращивает фруктовых деревьев у дома – зачем, когда всё можно купить в супермаркете? И роскошных клумб не устраивают. Расточительно это, тратить воду на полив экзотических цветов. Красивый букет всегда можно купить или заказать всё в том же супермаркете. Здесь в моде всё больше ровно подстрижен-

ные лужайки, которые украшает какой-нибудь камень или статуя. Бэкярд, задний двор, то есть, здесь тоже без затей. Ну, у некоторых, кто побогаче, бассейны, а у их дома под pekanовым деревом площадка, на которой, случилось, Пётр устраивал барбекю.

На одном из таких барбекю Виктор и познакомился с Маргарет.

Маргарет жила рядом. Первое время он как-то её не встречал, да и никакие соседи его не интересовали. Видел только относительно новую «Тойоту» под навесом соседнего дома – гаража, как и у них с Пётром, у соседнего дома не имелось.

Потом как-то в субботу утром, когда он после тяжёлой рабочей недели намеревался поспать подольше, его разбудил звук газонокосилки. Раздражённый, он выглянул в окно своей спальни и увидел соседку, стриγουщую свой газон. Ну, нашла время, возмущённо подумал, закрывая окно. Поспать не удалось.

А ещё через какое-то время, возвращаясь вечером с работы, столкнулся с ней у кустов жимолости. Она выгуливала толстенного кота, надев на него ошейник с длинным поводком. Наверное, боялась, что убежит. Он не мог сдержать улыбки – такое видел впервые, чтобы кот – на поводке. Она тоже улыбнулась в ответ. После этого, встречаясь, всегда здоровался.

– Одинокая женщина, – проинформировал его Пётр. – Работает в местной прачечной. Живёт одна, ну, если не считать двух котов и собаки. Надо будет как-нибудь на барбекю пригласить. Будешь занимать её разговором – вот тебе и языковая практика.

– Шутишь!

– Нет, серьёзно, давай пригласим! – загорелся Пётр. – Хватит тебе киснуть, ты же здоровый мужик.

У Петра появилась новая девушка, а потому он был великодушно щедр и хотел, чтобы Виктор тоже не скучал. А может быть, просто хотел себя обезопасить, приводя в дом свою красивую продавщицу.

– Да ей, по видимости, давно за сорок, – отшутился он. – Вся седая.

– Всего лишь сорок, – поправил Пётр. – Приятная женщина в соку, ну, с ранней сединой. Между прочим, у брюнетов это часто бывает. Я вообще сесть начал в двадцать восемь лет. Подумаешь, немного старше тебя. Это сейчас даже модно, иметь такую подругу.

– Да мне, честно говоря, по фигу, что здесь модно, а что нет.

Не стал углубляться в тему. Просто он не привык видеть на *своих* женщинах старые, вылинявшие футболки и драные штаны. Зина любила красивые вещи. А Оксана... Она вообще выглядела как топ-модель из модного журнала.

Тем не менее, барбекю состоялось и, после жареных сосисок и пива, а главное, при ближайшем рассмотрении, оказалось, что Маргарет действительно выглядит совсем неплохо. Гладкая кожа, голубые глаза. Вот только поговорить не получилось. Она была не очень разговорчива, а он стеснялся своего грубого акцента. Тем не менее, спросил, в какой прачечной она работает. Она ответила, что совсем недалеко от дома, на том их светская беседа в тот раз и закончилась.

После этого барбекю почему-то стал видеть её чаще. Возможно, она больше возилась в своём садике. А может быть, он сам стал наблюдательнее, какой-то интерес появился. Утром выглядывал в маленькое окно спальни – стоит ли её машина у дома. Возвращаясь с работы, видел иногда, как она выгуливает то кота, то собаку. Потом даже «расписание» этих прогулок вычислил. Коты выводились на длинном поводке по вторникам и субботам. Собака гуляла чаще – три раза в неделю. Была она белая, большая и толстая и издали больше походила на свинью, чем на собаку. Виктор вспомнил отцовского Бимку, который большую часть своей собачьей жизни проводил на воздухе, гоняя кур на заднем дворе. Ел, что давали, и игрушек у него не водилось. Но вид у него был самый жизнерадостный и здоровый.

– Да, они тут своих «пэтс» прогулками не балуют, – согласился Пётр, когда он поделился своими наблюдениями. – Видел сколько тут магазинов и всякого добра для кошек, со-

бак и прочих всяких любимцев продается? Целая индустрия работает, колоссальные бабки на этом делают. А держат их взаперти, как пленников! Ты скажи, скажи своей Маргарет, что это бесчеловечно!

– С чего это она стала моей! – огрызнулся он в ответ.

Пётр ухмыльнулся.

– А кто ведет регулярное наблюдение за соседним домом?

Как-то он помог ей постричь траву на лужайке. Она пригласила его на чашку кофе.

Дом внутри оказался не таким большим, как виделся снаружи. Гостиная с традиционной парой кресел и большим диваном переходила в крошечную столовую, где помещался всего лишь стол и несколько стульев. Маргарет пригласила его присесть и отправилась на кухню готовить кофе. Он устроился в одно из кресел. На маленьком столике лежало несколько альбомов с репродукциями. Он взял в руки один из них, сдул с него собачью шерсть и начал листать. Из кухни вышла собака и внимательно посмотрела на него. Надеюсь, ты не кусаешься, пробормотал он. Шумно дыша, собака осторожно подошла ближе, понюхала его колено и отвернулась, похоже, он её не заинтересовал. Не твякнув даже для приличия, пыхтя, стала карабкаться на диван, где и растянулась с усталым видом. Ну и ну, действительно, раскормлена до невероятных размеров – таких он ещё никогда не видел. Такой собачке не то, что укусить незнакомца – залаять не

под силу.

– Она очень добрая, – сказала Маргарет, ставя на стол в столовой кофе и бутерброды.

– Я вижу, – ответил он.

Пригласил её съездить в Наягра Фолз на выходных. Она согласилась, но, как ему показалось, безо всякого удовольствия. Позже он понял, почему.

Оказалось, что когда-то Маргарет жила рядом с водопадом. Училась на каких-то курсах и подрабатывала там же – сажала цветы в Парке Королевы Виктории, который располагался на берегу Ниагары прямо напротив американского водопада. Потом подрабатывала лифтёром, поднимала группы туристов на верхнюю палубу обзорной башни Скайлон Тауэр, а ещё позднее – официанткой в одном из ресторанов на берегу той же Ниагары. Для неё Ниагара не была ни волшебством, ни праздником. Это было место работы, место зарабатывания денег. Обыденность, одним словом. И ей не нравился шум падающей воды, все эти мощные децибелы, слышимые за километры от Наягра-Фолз.

Они стали встречаться – обычно пару раз в неделю, по вечерам. Он попытался нарушить этот странный режим, придя как-то во внеурочное время, но Маргарет не впустила, сославшись на то, что завтра у неё трудный день – ей предстояла какая-то поездка.

Она умела держать дистанцию, хотя была всегда спокойна и немногословна. Она не походила ни на одну из женщин, с

которыми он имел дело раньше.

– Никогда не знаешь, о чем с ней говорить. Не знаешь, что у неё на уме, о чем она думает, – пожаловался он как-то.

– Да ни о чем особенном, – ответил Пётр. – Так же, как и ты – о счетах, о том, чтобы с работы не вылететь, где что подешевле купить, да какому ветеринару своих «пэтс» показать. Ну, о тебе ещё, может быть, думает, ближе к вечеру или по выходным, – пошутил.

Но Виктору было не до шуток. Он хотел понять, нужна ли действительно ему эта Маргарет, и насколько нужна. И вообще, что с ним происходит, хотел большей ясности в этой путаной жизни.

– Мы больше года встречаемся, а каждый раз мне кажется, что я вижу её впервые. Никогда ничего не рассказывает ни о работе, ни о себе. Весь разговор: How are you? Как ты? I am fine, and you? Я нормально, а ты? Прямо из учебника пятого класса. Я о ней и не знаю ничего.

– А на фига знать-то? Нашел бабу и радуйся. Ты же жениться на ней не собираешься.

– Надо же когда-нибудь... Уже под сорок.

Пётр покачал головой.

– Только не на канадке. Сколько с ними не встречался, всё что-то не то. Менталитет другой. Всё у них на расчете построено, по-моёму, у них вместо сердца калькулятор. В глазах, когда она на что-нибудь смотрит, только цифры мелькают. Взглянет, и уже просчитала, сколько ты зарабатываешь и

что имеешь... кроме детородного органа. Для женитьбы надо нашу девушку искать. Тут даже не в красоте дело, хотя это, конечно, тоже немаловажно... Наши хотя и крикливее бывают, а все равно – добрее. А если с любовью не получится, так хотя бы язык один и борщи почти все готовить умеют.

Виктор соглашался, действительно, лучше наших девушек нет. Но только где их взять в этой стране? Столько вокруг одиноких парней, которые и моложе, и выглядят лучше, чем он, и зарабатывают больше. И потом, если разобраться, «наши» девушки, особенно те, кто сумел вырваться на канадские просторы в относительно юном возрасте, тоже отлично умеют считать. И тоже предпочитают канадцев с тугими кошельками. И деньги они любят тратить не хуже канадских вертихвосток. Нет, дело не в национальности...

Петру повезло – он встретил Надю (хотя неизвестно ещё, чем у них дело кончится). Она из Томска. Насмотрелась фильмов про красивую жизнь и отправилась в Мурманск, буфетчицей на корабль устраиваться. В первом же порту сошла на берег, да так на этом берегу и осталась. Сияет теперь обворожительной улыбкой, как какая-нибудь кинозвезда, налево и направо, убеждая потенциальных покупательниц, что в магазине «Аврора» лучшие кофточки в Торонто.

А у Виктора, вот, на данный момент, на жизненном пути оказалась только местная Маргарет. Что, если поразмыслить, в общем-то, тоже не так уж плохо. В ней много положительного. Немногословна, без претензий, особых развле-

чений не требует. Обычно пару раз в неделю они обедают в каком-нибудь ресторане. Чаще – в китайском. У неё есть излюбленные места, её там знают. Иногда они вместе отправляются в огромный молл – супермаркет, или по маленьким магазинам бродят, рассматривая товары. Редко что-нибудь покупают. Но если такое случается, за свои покупки она всегда платит сама. Опять же, живет рядом, не надо ездить куда-то. Не женщина – сплошная экономия. Чего ещё желать на сегодняшний день?

Иногда, правда, думал: может ей помаду подарить? И почему бы ей, и в самом деле, волосы не покрасить?

В одну из суббот, в процессе очередного шопинга, он вдруг купил лопату и несколько саженцев плодовых деревьев. А потом и небольшую садовую статую писающего мальчика зачем-то прихватил. Проходил случайно через отдел причиндалов для садоводства, да вдруг и застрял в нём, рассматривая многочисленные приспособления, облегчающие труд садоводов-огородников.

– Ты что, с ума сошел? – вытаращил глаза Пётр, разглядывая его приобретения. – На кой чёрт тебе все это? С чего это ты вдруг решил благоустроиваться? И дом-то не наш...

– Ты сам говорил, что хозяин будет счастлив его продать.

– Да, уговаривал купить эту развалину. Только зачем? Ну, не знаю, не знаю, – Пётр покачал головой. – Надя хочет, чтобы мы сняли жильё поближе к центру. Ей отсюда ездить на

работу неудобно, я сам каждый день утром по часу в дорожных пробках стою. Вдруг и ты надумаешь съехать? Для кого тогда эти деревья? Понял! Это ты для Маргарет купил! И правильно – у неё участок большой, не только на сад, а ещё и на огород места хватит. Вместо того чтобы котов выгуливать, – Пётр рассмеялся, – пусть на продажу помидоры и репу выращивает!

А он и сам не знал, что это вдруг на него накатило, и с какой стати, в самом деле, он всё это приволок.

– Осень, – отшутился. – Пора сажать деревья.

И тут же решил, что как только Пётр уйдет, он выкупит этот дом. Дом старый, в не престижном районе – обойдётся, по меркам Торонто, недорого. Хозяин не дурак, чтобы терять, может быть, единственного реального покупателя, сбросит цену. Рад будет сбыть это старьё. Виктор же постепенно дом отремонтирует, теперь он может любую развалюху привести в порядок не хуже какой-нибудь строительной фирмы. Канадская стройка, на которой он достаточно популярен, хорошая школа.

Стройка – его канадские университеты. Не раз и не два он шёл туда, работал, как вол, бросал её и снова возвращался. Там относительно неплохо платили наличкой. Чтобы попасть туда не требовалось никаких резюме, там не спрашивали рекомендательных писем, не спрашивали, кто ты и откуда. Кого там он только не встречал. Просто поразительные люди попадались. С некоторыми он до сих пор поддержи-

вает хорошие отношения. Не то, чтобы они встречаются часто, этого нет, они-то и перезваниваются изредка, ненадоедливо – здесь люди ценят и своё и чужое время. Вот недавно случайно в метро с Музыкантом встретился. Как дела? Нормально. У тебя как? Да так себе. При церкви, в хоре пою, с детьми занимаюсь. В хоре поет. А какая личность! Консерваторию окончил, лауреат каких-то там конкурсов, бывший преподаватель музучилища. А пахал на стройке с ними наравне, долбил стены, не боясь испортить своих музыкальных пальцев. Смеялся, зачем они мне, мне здесь концертов не давать, здесь в Канаде и оркестров-то хороших раз-два и обчёлся. Немзыкальный народ.

Ещё Дед был – колоритная фигура. Он там, на стройке, наверное, дольше всех держался. Может быть, до сих пор работает. С ним Виктор контактов не поддерживает. Вначале его даже боялся – как рявкнет басом, да обложит трехэтажным, если что не так. Он, Виктор, только пришел, ясное дело, ещё не особенно разбирался, что и как. Однажды плитку на цемент начал класть, а там это ни-ни, только на гипс. Не понял, когда ему это сказали, не владел ещё всей этой терминологией на английском. Хорошо Дед вовремя увидел, и, матерясь, начал сдирать то, что он, Виктор, наваял... Выгонят тебя к такой-то матери, орал страшным голосом. А потом сидели в перерыве на ланч, Виктор всё ещё трясся от пережитого, бутерброд в горло не лез, переживал, что работы мог лишиться, ну, не хотелось посреди зимы работу терять, тем

более, за квартиру надо было платить немедленно. Сидел в углу, от стресса отходил. А тут опять Дед, грозно так, а ну иди сюда! Сердце у Виктора ёкнуло – ещё что-то не так. Он подошел, внутренне уже смиряясь, что выгонят. Храбрясь, ну, выгонят, ну и хрен с ней, со стройкой! Адская работа, пыльная, никакие респираторы не помогают, он уже кашлять начал, так и до туберкулёза недалеко. Чего ещё, спросил. И никак врубиться не мог, что это ему Дед протягивает. Ешь, говорит. Огромный шмат копчёного мяса отрубил. Тут, говорит, на твоих бутербродиках долго не протянуть, работа такая, что есть надо хорошо. Он и ел, еле-еле дожевал это соленющее мясо, давясь и шмыгая носом. Пыль там везде ядовитая... Да, все они там на стройке как одна семья были, тяжёлый труд всех равнял и сплачивал. Вроде семьи была эта стройка. По пятнадцать-шестнадцать часов с раннего утра до позднего вечера. Фул-тайм, что называется. Одни и те же морды вокруг целый день. Присмотрелись к друг другу за два года. Работа сплачивала, общение поддерживало, они как бы круговую оборону держали перед враждебным, отторгающим, не признающим их полулегального существования, миром...

Да, так он и сделает. Возьмет ссуду, хотя это и противоречит его принципу – никогда ничего ни у кого не одалживать. Он не из тех, кто хватает кредиты, по которым платить проценты всю жизнь. Но в данном случае он сделает исключе-

ние – возьмет ссуду, чтобы выкупить дом. Теперь он может себе это позволить, поскольку зарабатывает неплохо. Есть и сбережения, он научился жить осторожно, с оглядкой на завтрашний день. Научился обходиться малым, не тратить лишнего.

После нескольких лет на подсобных, грязных работах на фабрике, неожиданно для себя очутился на должности механика. Почти по специальности – вся техника столярного цеха под его контролем. Он действительно грамотный инженер и, приглядевшись к нему, управляющий со временем оценил и его образование, и способности и умелые руки. И то, что Виктор за все время работы ни одной смены не пропустил и без отпусков не один год.

Далековато, конечно, от работы живет, много времени сжирает дорога. Утомляют эти поездки, особенно зимой. День за днём, туда – сюда. Но и переселяться ближе к фабрике никакого желания, Торонто – это Торонто! Привык к этому городу. Да и к дому, в котором прожил столько лет, тоже. Пусть он не в лучшем районе, пусть не такой, о каком мечталось, но уже как свой.

Вечером, когда Пётр уехал к Наде, он начал копать ямы для саженцев. Утоптанная земля подавалась нелегко, но ему нравилось махать найденной в хозяйском сарае мотыгой, преодолевать сопротивление почвы лопатой. Посадку закончил, когда совсем стемнело. Свернул поливочный шланг, накинул куртку, чтобы не переохладиться, и присел на склад-

ной стул отдохнуть. На улице было так хорошо, что не хотелось заходить в дом. Запрокинув голову, долго смотрел на звёзды.

Но ведь чудо все-таки было, было!

Ведь попал он со своим просроченным билетом на самолёт! Никто не остановил его, никто даже не заметил, что билет был на тринадцатое! Почему? Судьба вела, Бог помог... Значит, зачем-то нужно было, чтобы он оказался здесь, в Канаде, есть некий смысл во всем происходящем.

И вдруг – через столько лет! – сверкнула молния, и ударил гром. И открылась простая истина давнего чуда. И эта истина была почти абсолютной: чудес не бывает. Тринадцать и пятнадцать – эти цифры так похожи. Особенно если написаны корявым почерком. Вместо тринадцатого, он прилетел пятнадцатого.

Впрочем, теперь это не имело никакого значения.

ФОТОГРАФИИ НА ПАМЯТЬ

1

На том крыльце, где когда-то они с Санькой играли в дурака и ели малину из большой эмалированной миски, сейчас сидел пожилой мужик в клетчатой байковой рубашке, с

молотком в руке. Другой рукой шарил в старом посылочном ящике, звякая металлической мелочевкой. Заметив прохожего, поднял голову. Взгляды их встретились.

– Валька? Валентин? – неуверенно произнес мужик, приподнимаясь.

– Сомов? – вглядываясь в красное, заросшее седой щетиной лицо, также неуверенно откликнулся Валентин Юрьевич. Несколько мгновений они рассматривали друг друга, пытаясь свести воедино давний, живший в памяти образ с тем, что маячило в данный момент перед глазами. М-да. Время не смена явлений и состояний материи, а скорее, насмешка Создателя над своими творениями.

– Что, не похож? – растянул рот в кривой ухмылке мужик, ничего общего не имевший с ясноглазым и румяным школьным приятелем.

Спустился с крыльца, распахнул калитку, протянул крупную жесткую клешню.

– Ну, здравствуй.

Валентин Юрьевич торопливо опустил на землю сумку и протянул в ответ свою руку. Санька. Он. И не он. Торчащее пузцо, реденький седой ежик, щеки в прожилках, лоб в гармошку. Конечно, и он, Валентин Юрьевич, тоже моложе не стал, уже не «вьюноша», но, тем не менее, если зеркала не врут, выглядит он значительно моложе Саньки. Он отвел взгляд от темного обветренного лица. Но и за Санькиной спиной все те же следы безжалостного времени. Сомов-

ский дом, когда-то лучший на улице, утратил добротность, осел, стоял серый, с облупившейся краской на оконных рамах. От большого сада осталось лишь несколько развалившихся от старости деревьев. Вместо малинника, как магнит притягивавшего мальчишек, вместо ухоженных гряд – пожухлые унылые сорняки.

– В гости, значит? Давненько в родные места не заглядывал, – Сомов поднял глаза к небу, прикидывая. – Лет тридцать, наверное?

От озвученной цифры, Валентину Юрьевичу стало как-то не по себе, хотя он и без вычислений знал, что школу они с Санькой закончили тридцать три года назад. Тридцать три года в трудах и заботах, а промелькнули как один день. Во всяком случае, так казалось сейчас. Но он, ведь, и после окончания школы в родные места возвращался. Все каникулы здесь проводил, после университета приезжал... Последний раз, когда мать хоронил.

– Может и бывал, – согласился Санька. – Только мы с тобой точно не пересекались. Я ж после армии еще на сверхсрочной пять лет отслужил. В Забайкалье в танковых войсках. Когда твою матушку хоронили, меня тут тоже не было. А насовсем вернулся, ты уже не приезжал. Да что это мы тут у ворот стоим? – спохватился. – Может, зайдешь?

– В другой раз.

От Валентина Юрьевича не укрылась та нерешительность, с какой бывший одноклассник кивнул в сторону крыльца.

Впрочем, он бы в любом случае не зашел. Нужно было, пока окончательно не стемнело, найти место для ночлега.

– Санька! – послышался из дома недовольный женский голос. – Сколько ждать-то тебя можно? Руки щас отвалятся, такую тяжесть держать!

– Иду! – крикнул в сторону окна Сомов и понизил голос. – Жена, понимаешь, покоя от нее нету. Вчера в райцентре на рынке у молдаван ковер купила, теперь помри, а срочно прищпандорь! Говорил, не бери три на четыре, у нас потолки-то всего два пятьдесят. Нет, уперлась, красивый, хочу. Ломай теперь голову, как лучше прицепить. На потолок его, что ли, заворачивать?

– На пол брось, – усмехнулся Валентин Юрьевич.

– Шутишь? Такой ковер, да на пол! Людка ж удавится... Людка! – слегка заискивающе обратился к окну. – Положи ковер, иди сюда, тут Валька... Валентин Брагин приехал, помнишь его?

– Руки отваливаются, говорю! – донеслось в ответ свирепое. – Быстро гвозди неси!

– От ить, дура, коза упрямая, – виновато пробормотал Санька. – Щас! – рявкнул в ответ и снова повернулся к Валентину Юрьевичу. – А ты сейчас к кому?

Валентин Юрьевич и сам пока не знал, кто приютит его на ночь. Лучшим вариантом было бы остановиться на нейтральной территории, в гостинице, но гостиницы в деревне не водилось.

– К тете Лене.

Если примет, добавил мысленно.

Помимо младшей сестры его матери, тети Лены, и ее сына Анатолия, были в деревне и более дальние родичи, Самохваловы, только помнят ли его? После смерти матери, он ни с кем, кроме родной тетки, связей не поддерживал. Да и с ней переписка велась главным образом посредством открыток. Потом и эта ниточка оборвалась. Когда купил билеты на поезд, написал коротко и Самохваловым и тете Лене, так, мол, и так, отпуск у меня, хочу приехать на три дня в родные места, буду через неделю. Ответа не получил. Впрочем, и не рассчитывал.

– Ага, понял, – Санька ощерил в улыбке рот, давно требующий внимания дантиста. – Так я к тете Лене завтра вечером забегу. Сегодня у вас там и своих целый кагал будет.

Какой кагал, спросить Валентин Юрьевич не успел. Сомов, махнув на прощанье рукой, заспешил в дом.

А Валентин Юрьевич пошагал дальше. По пути разглядывал дома, и легкая тень сомнения, тревожившая его время от времени в поезде и в автобусе, – правильно ли сделал, что поехал? – неотвратимо перерождалась в сожаление по поводу столь необдуманного поступка. В памяти жило большое и богатое село с цветущими садами, а что он видел теперь? Сгнившие заборы, заброшенные участки, и такие же заброшенные, небеленые – некрашенные годами дома. Чем ближе подходил к дому тети Лены, тем больше соглашался с же-

ной, не стоило ехать. Никто его сюда не звал, никто не ждет. Светлана права, глупо все это.

Решение было принято внезапно, после того, как в одну жаркую августовскую ночь ему приснился яркий и подробный сон, будто купается он с мальчишками в деревенской речке Вертушке. Под ногами мягкое песчаное дно, вода под солнцем искрится крошечными серебряными рыбками, а на берегу стоит мама и, улыбаясь, смотрит на него, держа над глазами ладонь козырьком. И так ему было хорошо в том сне, что проснувшись, он еще долго лежал, не шевелясь и не открывая глаз, пытаясь удержать в сознании эту картинку, сохранить ощущение детского счастья. Отодвинуть свое возвращение в жестко расписанную жизнь встроенного в систему человека, обремененного массой условностей и обязательств. На следующее утро, пожалуй, впервые за многие годы он опоздал на заседание кафедры. Коллеги, как никогда, раздражали глупыми вопросами и пустыми разговорами, а расписание на новый учебный год показалось донельзя бестолковым. Даже появление лаборантки Анечки, и адресованные лично ему быстрый взгляд и незаметная для других улыбка, которые обычно приятно будоражили воображение, в тот день не могли вернуть душевного равновесия. По пути домой, стоя в пробке у переезда и глядя на проносящиеся мимо вагоны, он подумал вдруг, что такие сны не снятся просто так. Детство, мама – не есть ли это некий знак свыше, что пора сбавить обороты? Всех дел не переделаешь. Надо

притормозить, перевести дух. Надо поехать. Туда, куда указывал сон. Почему бы и нет?

Вернувшись домой, сообщил жене о своем решении. Шутишь? – спросила она. А поняв, что он настроен серьезно, долго не могла понять, с чего, вот так, вдруг? Пожимала плечами, качала головой, повторяла: это более чем некстати. Более чем... Он почти сварливо поинтересовался, что значит, некстати? Очень даже кстати. Перед тем, как снова погрузиться в лекционную рутину, полезно сделать небольшую передышку. Ты уже делал этим летом передышку, напомнила она, ездил в Карловы Вары. А сроки сдачи рукописи... Рукопись никуда не убежит, прервал он, а отложишь поездку, она опять не состоится. Сколько раз уже так бывало. Мне надо поехать. Хорошо, поезжай, соглашалась Светлана, но почему именно сейчас, перед началом учебного года? Я всего на три дня, уже не наступал, а оправдывался он. Так ты и уложился в три дня, вздохнула Светлана. Это же не на дачу съездить. Три дня плюс дорога, вот уже и неделя.

А если тетя Лена не получила его письма? То-то будет сюрприз. Неизвестно только какой. Может быть, она и видеть его не захочет. Явился, скажет, с бухты-барухты, здравствуйте, я ваша тетя, я приехала из Киева и буду у вас жить. И хотя под ложечкой посасывало, а сердце слегка частило в нервном ожидании встречи, он не мог сдержать улыбки – тетя Лена вполне могла сказать и такое. И даже не такое могла, остра была на язык. В деревне – раньше, во всяком случае

– никто с ней не связывался, что думает, то и выложит безо всякого стеснения. Так что вполне, вполне может он услышать: ездай, родственничек туда, откедова приехал. Забыл нас на многие годы, ну и мы тебя в памяти не держим. Ладно, вздохнул, отступить все равно некуда. Седьмой час, автобуса на железнодорожную станцию сегодня уже так и так не будет. Приблизившись к знакомому старому дому, приостановился у калитки. Поежился. Как-то внезапно похолодало. Всю дорогу душно было, и в поезде и в автобусе, а здесь не успел пройти от остановки и пол-улицы, как солнце спряталось за облака, в минуту превратив летний вечер в осенний. Ничего удивительного, конец августа. Валентин Юрьевич осторожно потянул на себя деревянную ручку. И тут же быстро отступил назад и захлопнул калитку, – из-под крыльца вынырнула и залилась пронзительным лаем рыжая собачонка. Первая, и неприятная, неожиданность. Раньше собаки во дворе не водилось.

– Цыц, Мальва! – из сада спешила к нему худенькая женщина. Издали – совсем старушка.

– А никак Валя? – взглядевшись в лицо гостя, спросила неожиданно звонким, молодым голосом. И он сразу вспомнил, какой она была во времена его детства – красивой, смешливой, что не мешало быть и на руку быстрой. Отшлепать и запросто оттрепать за ухо могла. Впрочем, его редко наказывали, он рос довольно послушным, а вот ее собственному сыну Толику частенько перепадало.

– Он самый, – кивнул смущенно, снимая с плеча сумку.

– Приехал-таки! – тетя Лена зашмыгала носом, протянула для объятий руки.

– Я писал, что приеду, не получали письма? – неловко чмокая ее в щеку, спросил он.

– Да получили, получили, – Тетя Лена отстранилась и вытерла ладонью слезящиеся глаза. – Только думали, так написал, заскучал там в столицах-заграницах, вот и вспомнил о нас, деревенских. А ты и впрямь приехал. Молодец! Ну, что стоишь, проходи в дом.

И он зашагал за ней следом, по выложенной камнем дорожке, поражаясь тому, что она еще сохранилась. Явилось желание немедленно разуться, сбросить туфли, снять носки и ощутить ступнями ее приятную шероховатость. По этой дорожке он на пару с двоюродным братом, едва не с самого рождения босиком бегал.

– А где Толик? – поинтересовался, когда вошли на веранду, длинную, узкую пристройку к дому, с таким же длинным окном, и длинным столом у этого окна, на котором лежали яблоки и зеленые, дозревающие помидоры. Помидоры заполняли и подоконники. Все как когда-то, как при старой бабушке Василисе.

– Так он же здесь не живет, – оглянулась тетя Лена. – У него ж давно свой дом.

Ну да, разумеется, глупый он задал вопрос.

– Только он раньше одиннадцати и домой-то не является.

Ты представь, какой у него рабочий день, с шести утра до полуночи! Совсем себя не бережет, – пожаловалась, открывая дверь, ведущую из веранды в комнаты.

– Где же он так работает? – удивился Валентин Юрьевич.

– Так ферма у него, не знал? Фермер же он у нас. Его даже по телевизору показывали.

Фермер, значит. На большее мозгов так и не хватило. Огороженный сеткой двор, где топчется с десятков овец, свинья в сарае, пара коров, теленок, и заполненный птицей двор... да, не позавидуешь... Марине.

Он переступил порог комнаты. Небольшие окна под тюлевыми занавесками, печь в четверть комнаты, домотканые половики. Он в городе уже три квартиры сменил, и столько же раз мебель, а здесь все те же вещи, что и при бабушке Василисе. Зимой эта передняя комната служила кухней. Летом борщи да каши готовили на кухне летней – в дощатой избушке в углу двора, где зимой хранили муку, зерно, и всякие иные припасы.

– Все, как в старые времена, – вырвалось у него.

– А чего тут менять? Развалюха, она развалюха и есть, тут уже ничего не переделать. Только сломать, да новый дом на этом месте построить, – засмеялась тетя Лена. – Да на мой век и этого хватит. Толик к себе жить зовет, но по мне, здесь привычнее. У них и печки нету, паровое отопление, а от него тепло совсем другое.

Из кухни дверь вела в большую комнату, за ней, парово-

зиком, еще одна – спальенка.

– Устраивайся, – сказала тетка. – Я летом все одно в летней кухне живу. Ох, – взглянув на ходики на стене, спохватилась, – побегу, сейчас коров гнать будут, надо Майку встречать.

– Может помочь? – крикнул вслед, но тетя Лена его уже не слышала.

Сюр какой-то. Он летал по миру, читал лекции студентам в разных странах и университетах, всегда куда-то спешил, зарабатывал, приобретал и тратил, а здесь все оставалось неизменным – ну, почти неизменным, – и все эти старые вещи, и ритм жизни.

Когда, переодевшись, Валентин Юрьевич вышел на крыльцо, тетки не было уже и во дворе. Не стала стадо у калитки ждать, понял, на улицу пошла корову встречать. Надо же, семьдесят лет, а шустрая, как в молодости, подумал не без легкой зависти. Сам он уже страдал одышкой, стоило быстрым шагом пройти пару-тройку лестничных пролетов вверх, как начинал задыхаться. Но жить иначе, чем он жил, и больше двигаться, никак не получалось. На работу и с работы на машине. В университетском корпусе тоже бегать негде, все лекции в одном крыле. Многочасовая работа над рукописями за столом, в командировках все те же лекции, встречи, заседания, перемещения из одной аудитории в другую, такое вот движение в пространстве. На спорт времени просто не оставалось. Одно время пытался ходить по лест-

ницам пешком, но пока доберется до своего девятого этажа, устанет, по спине пот, подмышками мокро. Сразу под душ надо становиться. Плюнул, чего, в самом деле, напрягаться, когда лифт есть?

– Сейчас я тебя покормлю, – крикнула тетя Лена, загоняя во двор корову.

– Я сыт, – поспешно отозвался он. – В буфете на вокзале перекусил.

– Нашел место! – фыркнула она. – Там же все несъедобное, да и дорого. Ну, да ладно, если не голодный, с часик подожди. Я щас Толику позвоню, чтобы сегодня пораньше с работы вертался. – Вытащила из кармана мобильный телефон, нажала нужную кнопку. – Толик, ты сегодня не задерживайся! И не домой, а ко мне на ужин. Да своих по пути подбери. Всех, всех сюда! Да не кричу я, это так, от радости... Ага, приехал. А ты откуда знаешь? Наше радио сообщило? Ясно, – тетя Лена засмеялась. – Значит, и остальные уже в курсе.

– Далеко Толик живет? – поинтересовался, когда тетка упрятала телефон обратно в карман передника.

– Так на Баштанах они построились. Свой дом у них уж лет десять, – наморщила лоб. – А до этого в квартире, в двухэтажке жили, помнишь, наверное?

– Помню, – поспешно согласился он, хотя никакой квартиры в двухэтажке не помнил. Да и что он мог помнить, если в той квартире никогда не бывал и просто быть не мог,

поскольку после смерти матери сюда больше не приезжал. Но если бы и приезжал, вряд ли бы пошел к Толику в гости. Они с ним, хотя и были двоюродными братьями, хотя и выросли вместе, и учились в одном классе, став постарше, тесной дружбы не водили. А уж после того, как Толик на Марине женился, между ними вообще пропасть пролегла. Но и не женись Толик на его девушке, ближе бы не стали. Разные были, и внешне, и по характеру. Никаких общих интересов.

Сообразительный, внимательный Валентин у большинства учителей ходил в любимчиках. А Толик на уроках не учился – отсиживался, скучал, глядя большую часть времени за окно. Ни одного стихотворения не мог наизусть до конца запомнить. Вахлак вахлаком. Только на физкультуре и оживал. Мог часами носиться по футбольному полю, на лыжах просто летал, и кросс на дальние дистанции пробегал лучше всех. На районных и областных спортивных соревнованиях часто занимал призовые места. Потому, наверное, и переводили его из класса в класс, не смотря на то, что объяснения учителей в его крепкой голове, способной без ущерба для здоровья отбить летящий со скоростью пули мяч, не задерживались. К тому же, Толик, оставив все силы на очередной тренировке, на уроках сидел тихо и спокойно, да и по характеру невредным был. И все ему помогали. Решали за него задачи, подсказывали, а учителя, делая вид, что не слышат яростного шепота, ставили тройки. Валентин же физкультуру терпеть не мог. Он любил математику, физику. По-

сле школы, легко сдав все экзамены, поехал поступать в университет. А Толик повез документы в школу механизаторов. Куда еще ему оставалось идти с его аттестатом? Он трактор и машину водил, наверное, лет с десяти – отец научил. Это было единственное, в чем Валентин очень сильно завидовал двоюродному брату. Трактор, грузовик – это серьезно. Он тоже хотел научиться водить. Как-то вместе с Толиком залез в кабину трактора, на котором работал отец Толика. Проходившая мимо мама, увидев его там, вдруг нахмурилась и приказала быстро спуститься. Почему-то рассердилась тогда не на шутку. «Снова залезешь, выпорю!» – пригрозила. Он никак не мог понять ее негодования. В самом деле, что такого он сделал? Просто хотел прокатиться. Кому из десятилетних мальчишек не хотелось этого? Трактор немного похож на танк. Если он станет трактористом, в армии его точно посадят на танк. «Глупый ты! – объясняла уже спокойнее по пути домой мама. – Нашел о чем мечтать. Разве это нормальная работа? Весной и осенью, день и ночь в поле, то на жаре, то на холоде, и никакой защиты от грязи и пыли. Трактористы же домой черные, как негры, возвращаются! А шум, а тряска? Знаешь как это вредно? – втолковывала. – Среди трактористов ни одного здорового нет, половина туберкулезников, а другая половина – пьяницы! Тому сена привези, тому огород вспаши, и все за бутылку». Она, хотя и вела его за руку как маленького, говорила с ним как с взрослым, потому, наверное, он и запомнил этот разговор. И все

недостатки работы, которая ему так нравилась, увидел. В те времена тракторы не имели никакой защиты, такой себе железный конь, открытый степной пыли, всем ветрам, да еще этот грохот мотора.

Именно от туберкулеза в молодом возрасте умер отец Толика. Но это случилось позже, когда они с Толиком в седьмой класс перешли. А тогда – второй класс это был или третий? Мама, преодолевая молчаливо-угрюмое сопротивление, повела его к учительнице пения, которая учила музыке дочку директора школы. «Могу и с ним позаниматься, – согласилась учительница. – Только Надю я в музыкальную школу готовлю, а ему это зачем?» «Он, может быть, тоже в музыкалку пойдет», – сказала мама. «И кто это его за двадцать километров три раза в неделю возить будет?» – недоверчиво поинтересовалась учительница. «С шофером рейсового договорюсь, – не уступала мама. Когда ей что-то очень надо было, она умела быть упрямой. – Выучится на музыканта, на свадьбах и праздниках будет подрабатывать, чем плохо?» «Тогда ему не пианино нужно, а, скорее, баян или аккордеон», – подсказала учительница. «Надо, купим», – сухо ответила мама. Но на его счастье, у него не оказалось музыкального слуха и дальше нескольких уроков дело не пошло.

Но с искусством Валентин окончательно не порвал. В старших классах учительница по литературе записала его в драмкружок, где катастрофически не хватало мальчиков. Думая об оценках, он не отказался, хотя никакой тяги к

этому не ощущал, а сцены вообще боялся. Но страх пре-
возмог, роль Чацкого кое-как выучил и что-то такое даже
изобразил. Как оказалось, не зря старался. После спектакля
девчонки-старшеклассницы внезапно решили, что он симпа-
тичный, записки начали писать, даже свидания, случалось,
назначали. Но было не до свиданий, готовился к поступле-
нию. Да и мама гулять допоздна не позволяла, а он так и не
научился ей перечить. Она знала, какими словами на него
воздействовать. Ругала редко, но когда такое случалось, все-
гда находила аргументы, против которых нечего было воз-
разить. Что посеешь – то пожнешь. Чему в молодости вы-
учишься, то всю жизнь кормить будет. Такие, вот, прописные
истины в голову ему вкладывала. Конечно, хотелось иногда
побегать, поиграть вечером в игры на школьной площадке,
посидеть на какой-нибудь скамейке в темных аллеях школь-
ного сада, где собирались ребята постарше, но такие радости
ему не часто перепали. Лучше книжку почитай, твердила
мама, успеешь еще набегаться по свиданиям, а сейчас надо
об экзаменах думать.

Впрочем, для общения с Мариной ему и дневного време-
ни хватало.

Писала ли Марина, с которой они все десять лет проучи-
лись в одном классе, ему записки в школе, он не помнил. За-
то помнил, что письма присылала ему в университет длин-
ные. Из них, если бы он их сохранил, целую книгу можно бы
было составить. Он тоже, хотя эпистолярный жанр и давался

ему с трудом, регулярно царапал что-то в ответ. Только связывали их больше не письма, а встречи. Приехав в очередной раз домой, тут же спешил к соседям, узнать, приехали ли уже из своего медучилища Марина. Его обычно усаживали пить чай. Он отвечал на вопросы Маринкиных родителей о жизни в городе, выслушивал деревенские новости, а сам, глядя на Марину, думал лишь об одном, когда же они останутся наедине в ее маленькой комнате. Главное происходило в отсутствие родителей. Иногда Марина приходила к нему, обычно днем, когда матери не было дома. Побаивалась ее, говорила, уж очень она строгая. Как будто ее родители были нестрогими! Но к нему благоволили. Дядя Федя даже подшучивал изредка, вот, мол, женишок в гости пожаловал.

Потому, узнав, что Марина и Толик поженились, он просто дар речи потерял. Вначале подумал, что мама шутит. Да какие шутки, сказала она. Свадьбу уже отгуляли. Марина и – Толик? В такое невозможно было поверить, она его в школе в упор не видела. Кто угодно мог стать ее мужем, только не он. Еще поразила быстрота, с какой это все свершилось. Зимние каникулы она провела с ним, Валентином, встречались каждый день, бегали то в кино, то на танцы, не считая их *главных* встреч. А приехал домой на майские – новость, как обухом по голове. «Ничего удивительного, он давно по ней сох, – выставляя на стол его любимый пирог с яблоками, сказала мама. Валентин вытаращил глаза: Толик? Сох? «А ты не замечал? – в свою очередь удивилась она и покачала

головой. – Ну да, ты ведь который год уже в городе. А тут своя жизнь идет».

Он был потрясен. Бродил потерянно по двору, по саду, смотрел на цветущие яблони и все думал, как же такое могло случиться? Нет, она никогда не говорила ему: я тебя люблю или что-нибудь в этом роде, стеснялась громких слов, да и ему не по душе были эти киношные «сопливости». Когда отношения серьезные, все ясно и без слов. А у них они такими и были – серьезными. Во всяком случае, он имел повод так считать. Они были первыми друг у друга, для них тогда это кое-что значило. Он очень гордился, что у него такая красивая девушка. И удивлялся, что другие не замечают ее красоты. Может потому не замечали, что была она тихоней, да и родители одевали ее скромно, но когда он видел ее на пляже или по его настоянию она раздевалась *совсем* – что случалось нечасто, – в его комнате, его охватывал какой-то щенячий восторг. И вот, приехав на майские праздники домой, он вдруг узнает, что теперь это тело, которое он считал своей собственностью, со всеми его прекрасными изгибами и нежной кожей, принадлежит другому. И кому? Толику! Обида и унижение смешались в одно труднопереносимое чувство.

Впрочем... да, был той зимой знак – что-то не так. После нового года он получил от Марины всего одно письмо. Помнил, оно показалось ему немного странным. Но ничего такого, что предвещало бы полный и окончательный разрыв, в нем не было. Просто необычно сумбурным оно было, вот и

все. Он это отметил, но не придавал особого значения. Мало ли что пишут люди в спешке, а она именно в спешке и писала. На почте, наверное, куда забежала на минуту. Потому что оно было написано на обороте открытки, хотя и вложенной в конверт, и почерк был торопливый, неаккуратный. Просила позвонить. Конечно, надо было ей ответить, и позвонить надо было, он и собирался это сделать, да только занят был, как никогда. Дома у Марины телефона не было, не было и у него, жил в общежитии, поэтому следовало сначала переговоры заказать, а потом снова на переговорный пункт тащиться, сидеть там и ждать, пока соединят. Туда-сюда – полдня потеряешь. А время на вес золота – дипломная работа нависала, еще он уроки начал давать, натаскивал школьников по математике. Один преподаватель, уезжая работать в Англию, предложил репетиторство, оставил ему своих учеников. Парни в тот год как раз поступали, приходилось заниматься с ними по полной, четыре раза в неделю по три часа. Не мог он ни Егорычева подвести, ни мальчишек. Он всегда был добросовестным, а тут еще и платили хорошо. Так и получилось, что занятый с восьми до восьми каждый день, он не нашел времени позвонить Марине. Но обиделась, она, скорее всего, не из-за его молчания, – знала, как он загружен работой над дипломом и репетиторством, – а от того, что уезжая после зимних каникул, он с ней не попрощался. Ну, так уж получилось. Мать в обед с работы прибежала: «Давай скорее, соседи едут на своей машине на станцию, подбросят

тебя прямо к поезду, не придется сумки далеко тащить». «Да я автобусом, – пытался он возразить. – Марина проводить обещала...» «Я найду к ней, объясню, что и как», – пообещала мама, торопливо загружая в хозяйственную сумку банки с вареньем.

Запомнились ему те майские праздники! Всю неделю дома просидел, никуда не ходил, даже в магазин, отговариваясь тем, что устал и хочет отдохнуть. Хотя истинной причиной была она, Маринка. Не желал, даже случайно, встретить ее. Не хотел, чтобы соседки пальцами тыкали, посмеивались, вот, мол, ни с чем наш студент остался. А мать, не подозревая причины его домоседства, только рада была, что он все время дома. Была на удивление разговорчивой, чего за ней раньше не водилось. Как будто чувствовала, что недолго ей жить осталось. Что-то рассказывала, что-то объясняла, как будто спешила передать и воспоминания свои и какой-то жизненный опыт. Но, занятый собственными переживаниями, он не очень-то вслушивался в ее речи. Поступок Марины был необъясним, ставил его в тупик. Как такое могло произойти? Ведь они даже не ссорились. Он был уязвлен до глубины души. Как ни крути, получалось, что она предпочла ему, студенту, уже почти инженеру, человеку с высшим образованием, Тольку-тракториста!

«Ничего странного, – сказала мама, когда он, изнывая от беспомощного возмущения, все-таки выразил мимоходом свое удивление по поводу ее скоропалительного замуже-

ства. – Ты, вон, в аспирантуру метишь, дальше учиться хочешь, а ей гнездо вить надо, детей рожать». В большинстве своем деревенские девушки выходят замуж рано. И все-таки что-то было не так во всем этом, чудилось ему, что была еще какая-то причина в этой спешке. Мама качала головой, вздыхала, как ему казалось, жалея его – ну, что тут непонятного? «Женский век короток. Это тебе спешить некуда, мужчина и в сорок лет жених. Ты же сюда возвращаться не собирался?» Стать учителем физики в деревенской школе, когда забрезжил ничтожный, но все-таки, шанс остаться работать на кафедре? Ну нет! «Чего ж ей было ждать, время попусту терять? – пожалала мама плечами. – Оно и к лучшему, – сказала. – Не пара вы с ней. Ты у меня умница, а ее только на медучилище и хватило». «В школе она хорошо училась, – слабо возразил Валентин. – Ты же знаешь, она из-за родителей в институт не пошла, они старые и она у них одна». «Ты у меня тоже один, но держать детей возле себя на привязи, большой эгоизм, – не согласилась с его доводом мама. – Дети должны дальше родителей идти, а главное, не их жизнь повторять, а свою строить. А какое в нашей деревне будущее? Одно и то же из века в век. Встань ни свет, ни заря, печь истопи, есть приготовь, со скотиной управься, потом на работу беги, с работы придешь, тоже у телевизора не расслабишься, как городские, хозяйство внимания требует». Она была, как всегда, права – права во всем права. Вернуться он не мог. И взять Марину в тот момент в город не мог, некуда. Да и

не знал еще, где окажется после университета. Полагался на время – время все расставит по местам. Надеялся смутно, что в нужный момент все как-то само собой устроится. Вот и устроилось. «Что случилось, то случилось, назад не воротить, – вздохнула мама. – А жить дальше надо. Ты сейчас думай, как на кафедре остаться. Ты же не Толик, чтобы в навозе до конца своих дней копать, вон, математик наш говорит, мозги у тебя золотые. Пробивайся в науку».

В последний день за полчаса до отъезда он все-таки увидел Марину – в медпункте. Стоя у окна в белом халате она смотрела на него сквозь стекло. Но он даже махнуть ей не мог, руки, как всегда при отъезде, были сумками заняты. Да и чего было махать после того, как она с ним так поступила? Он гневно отвернулся.

Давний и, казалось, уже позабытый, тот день начал проявляться вдруг в памяти во всех своих подробностях. Помнил, как шли с мамой к клубу, где останавливался автобус, помнил даже то, что в тот день изо всей деревни он один уезжал на станцию вечерним рейсом. Помнил стылый ветер и как от влажного воздуха ныли-гудели провода. И острое чувство неприкаянности, беспокойства и глубокого одиночества, давившее его в тот приезд, припомнилось. Тоскливо в деревне в такую дождливую ветреную непогоду. На улицах ни души. Народ отходил после длинных майских праздников сидя по домам. Хотелось уехать и уехать как можно скорее. Мысли о шумных улицах, залитых светом, о том, что он скоро сно-

ва окажется в толпе, зашагает к станции метро, подчиняясь общему людскому потоку, заживет своей обычной студенческой жизнью, приносили облегчение. В автобусе устроившись у окна, махнул маме рукой: иди, мол, домой, что стоять на ветру? Но она, конечно же, не ушла, переминалась с ноги на ногу, а рядом Дружок помахивал хвостом, задрал голову, тоже смотрел на него, пребывая в недоумении, – куда опять уезжаешь? Наконец, автобус тронулся, и мать, подняв руку, перекрестила его. Сделав круг у клуба, выехали на дорогу, и он снова увидел маму, уже идущую домой, она обернулась, снова помахала ему и снова перекрестила автобус, и его в этом автобусе.

Подъезжая к городу, он начал успокаиваться. Так и раньше бывало, где-то с середины пути мысли о доме, о деревне, о Марине начинали вытесняться мыслями, связанными с его городской жизнью. В городе все было по-другому, да и сам он там становился другим. Более самостоятельным, более уверенным, более энергичным. Каким, живя с мамой, наверняка бы не стал.

Девушки уже с первого курса университета начали проявлять к нему интерес. И позже, когда он начал работать, привлекательные, умные женщины, каких всегда достаточно среди преподавательского состава, часто давали понять, что совсем не прочь познакомиться с ним поближе. Иногда он и знакомился. Но поскольку был уже женат, сразу расстав-

лял все точки над «и», никаких лишних надежд не подавал. Решительно пресекал всякие поползновения перейти дозволенные границы. А не получалось, обрывал связи. К сорока годам он ничего не собирался менять, жизнь и без того штука нестабильная. Взять хотя бы эти заграничные поездки, чтение лекций в чужих университетах, – он ни одной возможности выехать не упускал, – они выбивали его из колеи. А что оставалось делать? Несмотря на то, что семья небольшая, денег постоянно не хватало. У него и Светланы были высокие жизненные стандарты. Хотелось поменять квартиру на большую. Нужна была машина, автомобиль хорошей, престижной марки. Вся его энергия без остатка отдавалась работе. На всякие хобби время попусту не растрчивал, а отношения с женщинами рассматривалось им исключительно как физиология, удовлетворение физических потребностей – так уж устроен человек, что поделаешь. Поэтому все его любовные истории, если таковые вдруг приключались, как правило, начинались и заканчивались довольно быстро. Хотя были и исключения. Вот Анечка – уж сколько времени рядом. Ни на что не претендует, как будто даже счастлива тем, что имеет. А несколько лет назад довольно длительное время присутствовала в его жизни студентка по имени Руся. Вот там таилась немалая угроза, что в один прекрасный день их отношения вдруг выплывут наружу и все, конец его налаженному жизненному ритму. Тогда это его и возбуждало его и угнетало одновременно. Все-таки он вздохнул с облег-

чением, когда Руслана получила, наконец, диплом и уехала куда-то на север.

Интересно, а был ли кто-нибудь у Светланы? Возможно, да, но думать о таком она повода не давала. Впрочем, и далеко-глубоко в свою жизнь не посвящала. Мельком упоминались какие-то имена и фамилии людей, окружавших ее на работе, но он никогда их и в глаза не видел. Она никого в гости не приглашала, оберегала – так ему, во всяком случае, казалось, – его покой. Он много работал, писал статьи, книги, готовился к лекциям и не любил, когда в процессе работы его беспокоили, особенно дома, особенно незнакомые люди, пусть даже и коллеги его жены. Он ценил свое время и не желал тратить его впустую на какие-то посиделки. Нет, вначале, когда он только окончил университет, а Светлана еще училась, какие-то застолья, конечно же, случались. Но уже после первой заграничной командировки, карьера его резко пошла вверх, чем большинство приятелей студенческих лет похвастаться не могли, и старые дружеские отношения начали угасать, а новых близких друзей, находясь то в отъезде, то в постоянном труде, труде, требующем сосредоточенности и уединения, он не завел. Так уж сложилось, что поделаешь. Впрочем, нельзя сказать, что он стал таким себе человеком в футляре. Общения вполне хватало – с коллегами на работе. В том числе, и с женщинами. Да, женским вниманием он не был обделен. Но был всегда предельно осторожен, отношений своих напоказ, как некоторые другие, не выстав-

лял. Достаточно было осознавать себя полноценным мужчиной, а хвастовство – оно никого до добра не доводило. Он был женат, преподавал в серьезном вузе, это тоже к чему-то обязывало. Ну, и помимо всего прочего, все-таки Светлану он любил и меньше всего хотел бы испортить их ровные отношения недостойными подозрениями и глупой ревностью. Ей совсем необязательно было знать, что и Анечку он тоже любил – за ее покорность и молчаливую преданность. И к недалекой Русе, неведомо какими путями попавшей в их серьезный вуз, какое-то время тоже испытывал определенные и очень волнующие, чувства. Но, слава Богу, головы никогда не терял. Как человек умный, он девиц, подобных Русе, даже слегка презирал. Как преподаватель таких не замечал, на зачетах и экзаменах редко выслушивал их ответы до конца. А уж вопросов дополнительных и вообще не задавал. Убедившись, что ничего путного не услышит, поднимал руку: достаточно. После чего выводил в зачетке каллиграфическим почерком: «удовлетворительно». Не потому, что их ответы на самом деле удовлетворяли его, а чтобы поскорее отделаться от присутствия вопиющей тупости рядом. Не желал тратить драгоценное время на идиотов, не желал повторно втолковывать им заведомо непостижимые для них вещи. На экзаменах он давал полную возможность высказаться, блеснуть знаниями, только умникам и умницам. За такую политику его все студенты любили – и плохие и хорошие. Руся стала невероятным исключением из правил – он ее заметил. Как-

то, расхаживая от двери к окну, от окна к двери, он звучным выразительным голосом, но как всегда, почти на автопилоте, читал лекцию. «Бинарной операцией или двуместной операцией на множестве M называется отображение...» И вдруг наткнулся на восторженный взгляд. Большие глаза, полуоткрытые губки. В перерыве она подошла к нему с каким-то дурацким вопросом. И он – впервые в жизни – начал что-то объяснять очевидной тупице. В ту знаменательную сессию она явилась сдавать экзамен последней. Разумеется, ничего не знала, но он почему-то был настроен необычно снисходительно. В самом деле, ее ли в том вина, что ее мозг не годился для понимания математических абстракций? Не каждому дано. Полепетав с минуту что-то невразумительное, она замолчала, а потом попросилась на пересдачу. Давайте зачетку, вздохнул он, «удовлетворительно». Мне не нужно... «удовлетворительно», помотала она головой. Можно я пересдам? Тебе и неуда много, хотел возмутиться он, но в глазах Русланы блестели слезы. Это неожиданно сделало ее совершенно неотразимой. Он согласился. Когда она пришла к нему в кабинет на пересдачу, в ее зачетке лежала записка. Я вас люблю. В глазах снова слезы. Вся как на ладони в своей коротенькой юбчонке. И лифчика не было под тонкой трикотажной кофточкой. Он не устоял. Но это все было после, после.

А в самом начале была Марина, как это называется, его

первая школьная любовь. Казалось, все очень серьезно и так по-настоящему... Вспомнилось вдруг, как перед экзаменом по литературе она пришла к нему домой за конспектами. У него всегда были прекрасные конспекты, что в школе, что в университете, почерк четкий, все правила и определения выделены красным цветом, по бокам широкие поля для дополнений и заметок. Когда Маринка постучала в дверь, он как раз занимался. В большой комнате на круглом столе были разложены тетради и книги, и он, улегшись на стоящий рядом диван, просматривал то одно, то другое произведение, перечитывал, чтобы освежить в памяти, некоторые страницы. Конечно же, с появлением Марины он уже не читал. Сел рядом, потянул ее к себе, коснулся губами щеки. Она с готовностью подставила лицо. После долгого поцелуя он вдруг начал непослушными пальцами расстегивать верхние пуговицы ее кофточки. Потом снимал еще что-то... И хотя сто раз до этого видел Маринку на берегу речки в купальнике, ничего подобного еще не испытывал. Молочная белизна нежной кожи ударила в глаза, показалась просто ослепительной, а глядя на розовые соски, похожие на две маленькие землянички, он окончательно потерял голову. Ты что, ты что, испуганно зашептала Марина, одновременно и отстраняясь, и повинуюсь ему. Дальше все происходило как будто не с ним. Только чужие – не его – руки могли действовать так решительно и смело. Стоял май, все цвело за окнами, солнце светило ярко и празднично, дробясь радужным семицветьем на

хрустальных бокалах в низком серванте. Марина пришла и на следующий день – «готовиться к экзаменам». Какая уж там была подготовка. Но экзамены все-таки были сданы, за ними последовало поступление, потом отъезд.

Она уехала в районный центр, учиться на медсестру, он – в далекий чужой город. Поначалу оба ждали каникул, как манны небесной, приехав, использовали любой предлог, любую возможность остаться наедине. К концу учебы он немного поостыл, уже не считал ее своею единственной до конца дней, появились на горизонте и другие девушки, но его уверенность в том, что Марина принадлежит ему и только ему, была почти абсолютной. Пока вдруг, приехав однажды на майские праздники, он не узнал, что она замужем. Предательство – вот как это называлось. Необъяснимое, и от того еще более подлое.

Потом и он женился. Тоже – вдруг, неожиданно даже для себя. Свадьбы не устраивали, просто расписались в районном загсе в присутствии свидетелей, Ваньки Шестова – с его стороны, и тощей дылды Альбины – с ее. Случилось это в июне, сразу после госэкзаменов. «Как же так, без свадьбы? – опешила мама, когда он позвонил ей накануне, сообщить о том, что завтра они со Светланой идут регистрировать свой брак. – Я деньги столько лет собирала...» Ей хотелось, чтобы все у него было как надо, самым лучшим образом. «Позже отпразднуем, – попытался он ее успокоить. – Сразу все и отметим, и окончание института и все такое прочее. И ты при-

едешь...» «Да какое там «приедешь», – вздохнула мама. – Хозяйство на кого оставишь?» «Тетя Лена присмотрит». «Не сможет она. Только что из больницы, катаракту оперировала. Ну ладно, там видно будет. Я что хочу спросить, – переключилась на другое мама. – Девушка та самая, что на фотографии?» «На какой фотографии?» – не понял он. «На той, которую ты дома оставил, – объяснила мама. – В снегу вы там обнимаетесь. Она?» – Валентин уже и думать забыл про этот снимок. Думал, потерял где-то. Оказывается, дома забыл. «Она. Света. Студентка, на четвертый курс перешла». «Славная девушка! – мама тихонько засмеялась. – Представить себе не можешь сынок, как я рада!» «Света, и в самом деле, очень хорошая», – согласился он. «А жить-то, жить где будете? – последовал новый вопрос. – Если снимать комнату будете, я помогу». Она всегда готова была прийти ему на помощь, отдать последнее. «Да нет, мама, не будем снимать ничего. У нее своя квартира, от бабушки осталась». «Ой, как хорошо-то! – снова радостно выдохнула мама. – Ну, дай Бог вам счастья... Жаль, конечно, что без свадьбы... ну да ты прав, потом отпразднуем». Еще какие-то вопросы задавала. Вот только про любовь не спросила, понимала, тут проза жизни, а не романтические чувства – слишком внезапно решился этот вопрос. Он о Светлане и словом не обмолвился в свой последний, майский, приезд. Потому что тогда и сам еще не знал, что так все сложится. Наилучшим для него образом, как считала мама. Она к концу учебы постоянно на-

мекала, что лучший выход в его положении – жениться на городской девушке. Только решив вопрос с пропиской, он мог остаться в университете, на кафедре. Знакомых девушек к концу учебы было много, но попробуй, найди среди них такую, чтобы и нравилась, и прописку могла устроить. «Ты умница, вот господь Бог и послал тебе Свету, – радовалась мама. – Значит, достоин занять то место, о котором говорил». Он не спорил. Конечно, достоин, все годы вон как напрягался. И со Светланой повезло, она оказалась такой же, как и он сам, честолюбивая, мечтающая о карьере. А главное – главное, у нее была своя квартира.

В круговерти событий того лета мысли о Марине отступили, обида притупилась. Права мама, все, что ни делается – к лучшему. Марина была частью его старой, школьной жизни, а он, поступив в университет, активно осваивал новую реальность, в которую его сельское увлечение, как ни трудно было в этом признаваться, как-то не вписывалась. Возвращаться он не собирался, а Марина не могла – или не хотела – бросить родителей. Тупиковая ситуация. Он об этом не раз задумывался, но никак не мог отыскать решения, которое казалось бы ему правильным. Да, Марина все годы учебы стояла у него на первом месте, но – на первом месте там, дома, куда он ездил на каникулы. Там он и дня без нее прожить не мог. В городе же угол зрения странным образом менялся. Образ Марины начинал бледнеть, когда рядом оказывались другие девушки. Более современные. Не такие закомплексо-

ванные. С ним училась мурманчанка Людмила, которой он явно нравился. Он тоже не смог остаться равнодушным к ее белой коже и голубым глазам. Да и все остальное у нее было на месте. Один недостаток – также, как и он, Людмила жила в общежитии. (Впрочем, позже этот недостаток превратился в большое достоинство – не надо было далеко ходить). А то, что и она не рассматривала его как окончательный вариант, делало ее еще более привлекательной. Людмила, хотя и была в него влюблена, как и он, головы не теряла, и не скрывала, что любовь – любовью, а семейное счастье лучше строить на трезвом расчете. Талант математика ее не подвел, уже на третьем курсе она переехала жить в другой конец города, став женой и помощницей городского депутата. После чего перевелась на заочное отделение. Потом были свидания с взбалмошной Катей из педагогического, а после того, как и Катя вышла замуж за парня из Ирана, он некоторое время встречался с Олесей из Киева.

Со Светой Валентин познакомился лишь на пятом курсе. В начале декабря Ванька Шестов, с которым они жили в одной комнате, предложил поехать в лес с группой из городского туристического клуба. Народу собралось много. Сойдя ранним утром с электрички на крошечной станции, они на лыжах отправились к базовому домику, где собирались оставить вещи и передохнуть. Когда домик уже был в поле зрения, идущая впереди Валентина девушка вдруг начала падать – на небольшом склоне тяжелый рюкзак потянул ее на-

зад, и она, потеряв равновесие, свалилась на спину, неловко вывернув лыжи. Он бросился на помощь, помог подняться. «Не ушиблась? С ногами все в порядке?». К счастью, обошлось без травм и ушибов. Пока он ее поднимал, Ванька Шестов радостно клацал затвором фотоаппарата, с которым никогда не расставался. Кто знал тогда, что фотография станет его профессией! Это сейчас Шестов знаменитость, выставки устраивает, а тогда он просто изводил Валентина своим постоянным клацаньем.

Девушка показалась ему симпатичной. Розовые от морозца щеки, русые волосы, выбивающиеся из-под серой, в тон глазам, шапочки... милая мордашка. У самого домика она сообщила, что у нее в термосе кофе. Он достал из рюкзака кружку, с чего отказываться? Потом весь день они то и дело оказывались рядом. Он узнал, что ее зовут Светлана, и что она тоже студентка, учится на третьем курсе и очень любит кататься на лыжах. По возвращению в город, при выходе из электрички, сунула ему в руку бумажку с номером своего телефона. Он спрятал ее в карман, не особо надеясь на продолжение знакомства. Может быть, никогда бы и не позвонил, если бы Шестов не сделал фотографии того похода. «Ну, просто любовная сцена из фильма, – хмыкнул, разглядывая снимок, на котором Валентин поднимал (а казалось, ласково обнимал), запорошенную снегом Светлану. – Голову на отсечение, подаришь ей этот снимок, и она – по крайней мере, на одну ночь, – твоя». «Проверим», – смущенно

усмехнулся Валентин. Спустился вниз к телефону-автомату и позвонил. Светлана с неожиданной готовностью откликнулась на его предложение пойти в кино. И фотографии ей очень понравилась. «Можно я возьму вот эту себе?» – показала пальцем на снимок, где они пили кофе, стоя у сосны. Снимок удачный, в профиль Светлана казалась почти красивой. Да хоть все, кивнул он великодушно. Надо будет, Ванька еще напечатает. Сошлись на том, что он оставит себе одну, ту самую, где у него, по словам Шестова, вид «героя-любовника, сжимающего в своих объятиях очередную жертву», а она возьмет остальные. После кино Валентин отправился ее провожать, и тут, по дороге, выяснилось, что Света живет в престижном краснокирпичном доме. С родителями и младшей сестрой. Но это временно, объяснила туманно, пока учится. Как и все, надеется найти мужа с квартирой, усмехнулся он про себя, никто не хочет жить с родителями. Таким было их первое и последнее, той зимой, свидание. На Новый год он, как всегда, поехал домой, и зимние каникулы, как всегда, провел с Мариной. Снова вспомнил о «серой шапочке» лишь после майских праздников, когда страстно захотелось развеяться, хотелось забыть о том, как подло с ним поступила Марина. Вот так взять и одним махом перечеркнуть все, что между ними было! Хотелось отомстить ей таким же пренебрежением, показать, – может быть, не столько ей, сколько себе, – что на ней свет клином не сошелся, что у него тоже имеется запасной вариант, и да-

же не один... многие девушки просто мечтают о том, чтобы он обратил на них внимание! Вот... вот, например, Светлана. Он позвонил ей и предложил встретиться. Они погуляли по городу, благо погода стояла теплая, даже жарковато для мая. Ели мороженое в каком-то кафе. Пытаясь заглушить неприятное сосущее чувство, он рассказывал о своих планах, намекал на то, что у него есть возможность остаться в университете, говорил, что собирается писать кандидатскую диссертацию, даже знает тему... Света внимательно слушала, кивала серьезно, соглашаясь, да, да, пока молодой, пока ничего не забыто, надо идти дальше, нельзя останавливаться на достигнутом. Она не говорила о деньгах, о том, что нужно мужчине нужно зарабатывать, чтобы содержать семью, о том, что нужно как-то добывать квартиру, как многие другие девушки, нет, она его действительно понимала и поддерживала. Сколько еще встреч было, прежде чем он сделал ей предложение? Очень немного. Перед госэкзаменами он пригласил ее в кино и там, перед началом сеанса, в фойе, слегка охрипшим, неестественным голосом сказал: а давай поженимся. Он ожидал смеха, удивления, презрительной гримасы – чего угодно, только не согласия. Но Светлана, внимательно посмотрев на него – не шутит ли? – вдруг улыбнулась и ответила: давай. И уже в следующее воскресенье он, с букетом сирени, шел к ней домой делать официальное предложение. Родители встретили его благосклонно. Он был не самым плохим вариантом. Да, конечно, придется прописы-

вать, но с другой стороны, без пяти минут молодой специалист, и такой симпатичный, положительный, а дочь у них, что скрывать, хотя и умная девочка, но совсем не красавица.

Получив диплом, Валентин на несколько дней вырвался к матери в деревню. Нельзя было не порадовать маму. Все-таки она столько сделала, чтобы он получил эти корочки. Светлана осталась в городе, у нее как раз была практика, начало которой никак нельзя было пропустить. Решили, что вдвоем съездят в деревню в конце лета. Оказавшись дома, он понял, что приехал не зря. Сам радовался, глядя, с каким трепетом держит мама в руках его диплом. Обычно никому не звонившая, она в те дни то и дело подходила к телефону. Ближним и дальним родичам, и всяким знакомым сообщала, поговорив предварительно минуту-две о разных мелочах, вот, мол, закончил. С отличием. За деланным безразличием таилась гордость. Потом, после паузы, следовала вторая, не менее важная новость – женился. Когда-когда! Счастливый взгляд в сторону сына – они, молодые, сейчас все успевают! Да есть, есть где жить, с квартирой взял. Конечно, это важно! Еще как важно – теперь его на кафедре оставляют. Вот так, аспирант. А потом она, как всегда, провожала его на автобусную остановку, и он, приобняв ее за плечи, торопливо чмокнул на прощанье в щеку, не зная еще, что видит свою мать живой в последний раз.

Ее не стало в августе того же года. Хрупка человеческая жизнь.

Вместе с другими она допоздна ворошила зерно на току. Одуревший от уборочной, от жары, пыли и круговых рейсов, шофер грузовика не заметил работающих позади машины женщин, и вывалил на них сверху кузов пшеницы. Засыпанных тут же раскопали и вытащили, троих привели в чувство, но мать пробыла в завале дольше других, и ее спасти не удалось. Валентин действительно, как и обещал матери, приехал в то лето еще раз – проститься. Один. Свету братья на похороны не захотел.

Валентин Юрьевич огляделся. Вот здесь, в этом просторном дворе у старого дома были поминки. На этом же дворе он и с Толиком виделся в последний раз. Тот тоже – и на похоронах, и на поминках был один, без жены. Не обижайся, пробубнил, Марина в больнице, лежит на сохранении. Но Валентину было не до обид. Похороны, с вещами старыми разбирался, ездил в район, какие-то справки оформлял. Голова шла кругом. Домик, в котором они с матерью столько лет прожили, принадлежал совхозу, и надо было его срочно освобождать. Надо было что-то делать с хозяйством, куда-то вывозить вещи... просто непосильная задача для молодого, убитого горем человека. Если бы не тетя Лена, и не Толик, что бы он делал? Да и дальняя родня в стороне не осталась. Каждый помог, чем мог. Кто-то что-то купил из их немудреного имущества, а кто-то и так денег дал.

Смерть матери поставила последнюю точку. Он не хотел больше возвращаться в свою прежнюю жизнь, и – не воз-

вращался. До сих пор. Лишь четверть века спустя он снова здесь. Бродит по старому саду, смотрит, как когда-то давно, на вечерние пламенеющие облака над речкой и снова превращается в того маленького мальчика, который летел с вертушки старой, занимающей целый угол сада, яблони. Он потрогал уголок рта, где до сих пор сохранился едва заметный шрам. Здорово он тогда навернулся. А там, у сарая, закапывая умершего котенка, случайно разрубил себе лопатой ногу. Крови-то было! Он верещал, как испуганный кролик, пока тетя Лена тащила его к бочке с водой, обмывала керосином и бинтовала рану. За садом начинался огород, где он когда-то помогал бабушке Василисе сажать и выкапывать картошку. Как же он ненавидел тогда эту работу!

Внезапно хлопнула калитка, слышались чьи-то голоса, и Валентин Юрьевич поспешил вернуться во двор, готовясь к встрече с двоюродным братом. Но это был не Толик. Два здоровых парня в рабочей одежде и крепко сбитая девушка в кофточке поверх летнего сарафана, увидев его, поздоровались и притормозили у ворот, с любопытством оглядывая гостя. Он стоял у крыльца, тоже не зная, что сказать.

– А где бабушка? – спросила, наконец, девушка.

– Бабушка? – не сразу понял он. А, это к тете Лене. – Она в сарае, – добавил поспешно.

– Бабушка! – позвала девушка, решительно обходя его. – Мы уже здесь!

Дочь Толика, с некоторым запозданием сообразил Вален-

тин Юрьевич. Ну да, на него и похожа. Он открыл рот, но представиться племяннице не успел, к воротам подъехала машина. Это уже наверняка Толик. И в самом деле, он Поседевший, покрупневший, но не узнать его было невозможно. Та же улыбка, те же яркие глаза на загорелом лице. Вот только поведением своим он уже мало походил на молчаливого парня времен их юности.

– Ну, и где тут гости? – поинтересовался басом, по-хозяйски широко распахивая калитку. Валентин Юрьевич шагнул навстречу. Обнялись.

– Вот, парни, это и есть ваш двоюродный дядька, – обернулся Толик к стоящим у крыльца парням. – Это сыны мои, Колян и Иван, в этом году армию отслужили. Близнюки, хоть и не похожи. Разноййцевые, говорят.

– Сыновья? – не смог скрыть удивления Валентин, оглядывая парней. – А я думал, у тебя одна дочь. Тетя Лена писала когда-то...

– Это *у тебя* одна дочь, – усмехнулся двоюродный брат. – А у меня две дочки и два сына.

– Четверо? – Едва поверил пораженный невероятной новостью Валентин Юрьевич.

– Четверо, – кивнул довольный произведенным эффектом Анатолий. – Сам знаю, что мало, но больше Бог не дал.

– А Марина где? – спросила тетя Лена, подходя ближе и вытирая руки висевшим через плечо вафельным полотенцем.

– Будет, – успокоил мать Толик. – Задержится чуток. А Варя не приедет. Она в Логунцах живет, – объяснил Валентину, – далекоовато отсюда. Да и детей вечером не оставишь. Замужем она, двое детей уже. Обещала завтра подъехать.

Варя – вторая дочь, понял Валентин Юрьевич. Да. Удивил его Толик, удивил. Вырастить четверых... И стыдно, стыдно, что он не знал. И подарков никаких не привез.

– Давайте на веранду, – взглянув на небо, сказала тетя Лена. – Дождь накрапывает. Что за лето такое, что ни день, то дождь.

– Так это же хорошо, бабушка, поливать не надо, – откликнулась Настя. – И трава не выгорела, еще зеленая на выпасе. Экономия корма.

– Разумница ты наша, все-то знаешь. Только о лошадях да овечках своих и заботишься, а мне каково будет картошку с моим радикулитом по грязи копать? – вздохнула тетя Лена.

– Ой, баб, да выкопаем мы твою картошку, – отмахнулась Настя. – Каждый год копаем.

Столько лет прошло с тех пор, как он уехал, а здесь те же разговоры – картошка, огород, овечки... средневековое хозяйство. Нет, хорошо, что он в свое время в город перебрался, подумал Валентин Юрьевич, с некоторой жалостью взглянув на тетю Лену, которая в семьдесят с хвостиком вынуждена держать скотину и работать в огороде. Тем же занят и Толик, и так же будут жить его дети, если ума дальше учиться не хватит. А не хватит, если дети в отца. Невозмож-

но даже представить, чтобы Светлана копалась в земле. Не говоря уж о дочери. Слава Богу, он сумел обеспечить им достойное существование. Они и пол-то редко моют – два раза в неделю приходит женщина со странным именем Пася и делает уборку.

– Ну-ка, парни, быстро раздвигайте стол, – распорядилась тетя Лена. – У меня все готово, и салат и картошка. Знала бы, что гости будут, курицу бы отварила. Ваня, неси-ка колбасу из холодильника, да не ту, что отец из города привез, а домашнюю. Коля, хлеб режь.

– А мы пока покурим, – сказал Анатолий.

– Какие перекуры, – рассердилась тетя Лена. – Если руки свободны, поправь забор около сарая, вчера соседская коза в сад лезла под сеткой, хорошо, Мальва прогнала, навела б она мне порядок в огороде. А ты, Валентин, садись, рассказывай про свою жизнь столичную.

– Про столичную жизнь и я хочу послушать. Забор подождет, – тут же опустился на деревянный диванчик и Анатолий и закинул нога на ногу.

Валентин Юрьевич помолчал, подыскивал слова. Скрывать свои достижения не хотелось, да что там, так и подмывало похвастаться – и большой квартирой, и новой машиной, работами своими. Но с другой стороны, хвастовство в данной ситуации, пожалуй, ни к чему хорошему не приведет. Зная о том, что он работает в престижном вузе, сколько всяких знакомых и знакомых знакомых пыталось пристро-

ить своих детей в университет. А здесь не просто знакомые – родственники. Двое парней после армии, плюс заканчивающая школу племянница. Вполне вероятно, что кто-то из них, узнав о возможностях дяди, захочет переместиться из деревни в город...

– Да, вроде бы, нормально, – начал осторожно. – Лекции читаю, студентов учу.

– Видали, парни? Дядька у вас знаменитый профессор, а вы на ферме быкам хвосты крутите! – шутливым тоном произнес Анатолий.

Вот, начинается. Явно, закидывает удочку.

– Да какой из меня профессор, – улыбнулся. – Да еще знаменитый...

– Не скромничай, – хлопнул его по плечу брат. – Слыхали про твои достижения, знаем.

– Откуда? – изумился он.

– В интернете, брат, сейчас обо всем и обо всех пишут. И разведки не надо, без того все тайны известны. Теперь вместо старых кэбэбистов журналисты работают. Как только пишу от тебя получили, Колька мигом в сеть залез и всю информацию о тебе собрал.

– У вас есть интернет? – еще больше изумился Валентин Юрьевич.

Племянники с ухмылкой переглянулись. Фу-ты, в самом деле, глупый вопрос. Ну, интернет. Что тут такого? Сейчас и на Северном полюсе может быть интернет, достаточно иметь

спутниковую антенну. Но – как-то не вязались полуфеодаль-ная жизнь, а главное, туповатые лица парней, с новейшими технологиями.

– А семья как? – раскладывая вилки, выручила его новым вопросом тетя Лена. – Ты про семью-то больше расскажи.

– Жена работает, а Лиля учится, студентка еще.

– Где учиться? – спросила Настя, вываливая из кастрюли на большое блюдо исходящую паром картошку.

– В художественном училище.

– Здорово! – восхитилась племянница. – Наверное, хорошо рисует? Художником будет.

Вообще-то он не знал, станет ли его дочь художником. Хотя способности, несомненно, присутствуют, ориентиры не те. Лилия с ним не очень-то откровенничает, но к ней часто приходят друзья и, сидя в своем кабинете, сквозь тонкую стенку он слышит их разговоры, так что более-менее в курсе жизни дочери. Об искусстве они почти не говорят, все крутится у них, главным образом, вокруг парней, и всяких тусовок-презентаций. Перемышляют кости знакомым и подругам, кто с кем и почему. Тот женился, этот развелся. Но этого он, естественно, Насте рассказывать не стал. Сказал: поживем – увидим.

– Вот, Настена, – кивнул в сторону брата Анатолий. – Бери пример. Надо женскую профессию приобретать, а не с кроликами да лошадьми возиться.

– Чем тебе ветеринарный техникум не нравится? – Настя

бросила на отца сердитый взгляд.

Ага, девочка уже определилась. По тону ясно – упрямая, как сказала, так и сделает. Уже легче. Одно дело, отказывать чужим людям и совсем другое – родственникам.

– Женскую работу подбирать надо, – повторил Анатолий, но уже не так уверенно. – Ветеринаром быть и мужику нелегко. Опасная профессия. Вон, Таньку Боброву бык на рога поднял, зубы передние выбил, живот пропорол. Еле спасли. Ты этого хочешь?

– А чего она, дура, к нему в загон полезла? – уперла руки в бока Настя. – В цепи он, видите ли, запутался. Как запутался, так бы и распутался. Это ж элементарная техника безопасности – не суйся туда, где и без тебя управятся.

– Упертая, – с плохо скрытым восхищением покачал головой Анатолий. – Объясни, хоть ты ей, что значит хорошее образование.

– Ты слушай, слушай отца, – стала на сторону сына тетя Лена.

– Сказала же, в ветеринарный поступать буду, и закончили на этом, – отрезала Настя и повернулась к гостю. – А, правда, что вы с папой и мамой в одном классе учились?

– Вроде того, – улыбнулся Валентин Юрьевич.

Настя начинала ему все больше нравиться. Своей неугомонностью и умением добиваться своего. Он и студентов больше таких, вот, любил, шустрых, сообразительных, а не старательных тугодумов, чугунной задницей высиживающих

высокий балл.

– Ну и как он учился? С первого класса в институт готовился?

Естественно, хотел было пошутить Валентин Юрьевич, но ответить не успела – на фоне тихого шелеста дождя слышался стук каблуков.

– Вот и Марина, – сказала тетя Лена.

Валентин Юрьевич оглянулся, чувствуя, как чуть сильнее забилось у него сердце. Он, сам того не осознавая, давно уже поглядывал на распахнутую настежь дверь, и, отвечая на вопросы, постоянно прислушивался к шуму на улице. Узнает его Марина или нет? А он Марину после стольких лет? Деревенские женщины стареют быстрее, чем городские. От солнца, ветра, от работы в саду и огороде. Если при этом еще и выносить, родить и вырастить четверых, пройти через все эти бессонные ночи, детские болезни... такое не может не отразиться на внешности женщины. Но ему почему-то очень не хотелось, чтобы Марина превратилась в крепкую деревенскую тетку в застиранном халате, хотя, если вдуматься, ему-то какое до этого дело? Особенно сейчас, после стольких лет. То, что связывало их когда-то, давным-давно кануло в лету.

Женщина, вошедшая на веранду, молодости, конечно, не сохранила, но выглядела совсем неплохо. Марина поправилась, но немного. Длинные раньше, темные волосы теперь были ровно подстрижены чуть ниже ушей. Похоже, она совсем недавно побывала у парикмахера. Может быть, даже се-

годня – уж слишком ухоженной казалась ее прическа. Из-за этой прически она чем-то смахивала на Мирей Матье в возрасте. А может быть, ему все это только казалось, при вечернем освещении. Но одета была в белую футболку и джинсы, а не в какой-то там халат. Лишь загорелые руки, особенно кисти рук с коротко остриженными ногтями, выдавали близкое знакомство с физическим трудом. Он приподнялся, не зная, как поступить, что и как сказать, чтобы все выглядело непринужденно и естественно, и нужно ли обниматься-целоваться. Но ничего такого от него не потребовалось. «Здравствуй», – спокойно кивнула ему Марина, поставила в угол раскрытый зонт, после чего уселась на пустой стул рядом с мужем и, оглядев стол, стала накладывать на свою тарелку всего понемногу. Ее спокойствие почему-то задело Валентина Юрьевича. Нет, он совсем не хотел видеть фальшивой радостной улыбки на ее лице, но и такого полного равнодушия к собственной персоне не ожидал. Она вела себя так, словно он был чужой, малознакомый человек, случайно оказавшийся с ними за одним столом. Впрочем – впрочем, так оно и было.

– Ну, кроме Варьки с Серегой, кажись, теперь все в сборе, – Анатолий, поднял бутылку и наполнил рюмки. – За встречу!

Обычно Валентин Юрьевич водки не пил, предпочитал хорошие вина, мог себе позволить, но здесь отказаться не решился. От одной рюмки ему, пожалуй, ничего не сделает-

ся. Только бы это был не самопал какой-нибудь...

Марина, едва пригубив, поставила рюмку на стол. Но ела с аппетитом. Он, обычно раскованный, умевший говорить в любой компании на любые темы – годы работы среди студентов научили, – чувствовал внутреннее напряжение, и никак не находил повода к ней обратиться. Наконец, спросил об одноклассниках, кто где, кто и чем занимается. Она подняла на него взгляд, но ответить не успела.

– Да не так уж много здесь наших и осталось, – сказал Анатолий. – Ярошенко в Логунцах завхозом в районной поликлинике работает, Зойка Борцова там же, глазным врачом. Семенов милиционером. Ну, Сомова ты видел... Лялина здесь, нигде не работает. Дома сидит. Только ты к ней лучше не ходи, – поднял предостерегающе палец. – Спилась баба.

– Не может быть! – вырвалось у Валентина Юрьевича помимо воли.

Невозможно было поверить, что Лялина, которая играла Софью в «Горе от ума» и Белоснежку в школьных спектаклях, симпатичная смешливая девчонка с длинной косой, душа компании вдруг непостижимым образом превратилась в опойку, алкоголичку.

– Вот именно, – кивнула тетя Лена, – компании эти ее и сгубили. Вышла замуж за парня, с которым в педучилище училась, только бросил ее муж из-за пьянки этой. Вернулась сюда.

– Остальные поразъехались, кое-кто и умер уже, – помолчав, продолжил Анатолий. – Помнишь, Лыкова? Зимой схоронили. Давление, давление, а потом раз – инфаркт. Пошел в баню, хотел попариться. Ну, и... Пока «скорая» из Логунцов доползла, умер.

Все снова примолкли на какое-то время, они – вспоминая того Лыкова, какой все эти годы топтал землю рядом, какого знали всю жизнь, он – толстого рыжего парня, с которым не раз ходил на рыбалку. В младших классах они даже дружили, на великах ездили купаться, и за ягодами в Дальнюю рощу. И вот – не увидит его больше никогда. Как и многих других, кого знал когда-то. От этой мысли почему-то неприятно сжалось сердце. И Лыкова было жаль, и себя почему-то. У него ведь тоже давление. Впрочем, кто сейчас абсолютно здоров? Особенно, из живущих в больших городах с их загазованностью. Опять же питание, консерванты эти, всякие вредоносные Е-добавки... Ну, нечего раньше времени себя хоронить, одернул себя мысленно. Как раз у него-то все хорошо, несмотря на небольшие проблемы со здоровьем. Он еще сделает кое-что. Жизнь его пока еще продолжает набирать обороты, разве нет? Вот, опять приглашают в Штаты лекции читать. Письма шлют отовсюду, торопят с учебником, которого ждут. Он очень даже востребован. Ему еще очень многое нужно сделать.

– О чем это ты так задумался? Никак, задачу математическую решаешь? – услышал он насмешливый голос тети Ле-

ны. – Я тебя уж второй раз спрашиваю, жену-то чего не привез? Стесняешься нас, деревенских, что ли?

Тут следовало бы отшутиться, сказать что-нибудь вроде того, что ему стесняться нечего, поскольку он и сам деревенский. Девяносто процентов населения этой страны, если поскрести, окажется того же происхождения, но он никак не мог взять верного тона среди этой, самой родной ему по крови, и в то же время, совершенно незнакомой, – ну, за исключением разве что тети Лены, – совершенно чужой семьи с ее чужой жизнью.

– Да нет, – пробормотал неловко. – Просто не получилось как-то.

Обычно он за словом в карман не лез, умел поговорить, и пошутить, особенно красноречив бывал в компании женщин, а сегодня его словно выключили.

От водки все это, подумал он. Вино бодрит и радует, водка же всегда действовала на него угнетающе. Потому он ее даже в компаниях никогда не пил. Лучше ничего, чем сивуху.

– Какие планы на завтра? – поинтересовался Анатолий.

– Какие у него планы могут быть? – с упреком взглянула на сына тетя Лена. – Это у тебя день и ночь всякие планы. Человек в гости приехал, не на работу.

вич засобирался на кладбище.

– Попутно на наш старый дом посмотрю. Кто там сейчас живет?

Тетя Лена, изучавшая инструкцию удобрения для овощей, которое привез ей вчера Анатолий, бросила на него удивленный взгляд поверх больших старомодных очков.

– Так давным-давно уже нету вашего дома, снесли.

– Как снесли? – застыл он. Новость показалась удивительно неприятной.

– Так все ж финские домики снесли. Они же ремонту не подлежат. Не каменные. Дерево, опилки... сгнили. Там же речка близко, сыро.

– И что там теперь?

– Да в тот же год и распахали все, сад там заложили, яблоны посадили. А потом, в девяностых, землю распаёвывали, сад этот тоже на части поделили.

– Частная собственность, теперь, значит? И кому принадлежит?

Тетя Лена махнула рукой:

– Да как было ничье, так ничье и осталось. Кое-какие участки дачники купили, а остальное позаброшено, запущено, все травой заросло. – Сняла очки. – Хочешь, с тобой на кладбище пойду?

– Да нет, я лучше один...

Она покивала головой, соглашаясь. Спросила только:

– Найдешь? Мы там оградку сделали, скамейку постави-

ли. Сирень посадили, белую. Мать твоя очень ее любила. Большой такой куст, с центральной дорожки сразу увидишь.

Валентин Юрьевич опустил глаза. Кольнуло чувство вины. Все эти вещи должен был сделать он. Сделать оградку и скамейку, посадить цветы. Но не сделал, хотя и собирался, действительно думал это сделать. Не сразу, но – обязательно. Но даже на сорок дней приехать не смог. Той осенью его, молодого специалиста, сразу же отправили на стажировку в Европейский университет. Нужно было срочно оформлять документы, а потом так же срочно выезжать. Он горько сожалел о том, что мама уже никогда не узнает об этом. Как бы порадовалась за него.

– Цветов нарви, – уже вслед подсказала тетя Лена. – Там, в палисаднике, бери какие понравятся.

Ну да, верно, здесь букет в цветочном магазине не купишь. Валентин Юрьевич сорвал несколько крупных астр и вышел на улицу. Теплое серое утро было под стать его тихому грустному настроению. Он снова шагал по знакомым улицам и, странное дело, сегодня они уже не казались ему пустыми и заброшенными. Здесь шла своя жизнь. По дороге встретились две женщины с тяжелыми сумками – шли то ли из магазина, то ли с автобусной остановки. Поравнявшись, при молкли, окинули любопытным взглядом. В деревне с каждым принято здороваться, но он чувствовал себя здесь чужаком, а потому, опустив голову, молча, проследовал мимо.

Сельское кладбище стало больше. Валентин Юрьевич

долго бродил по дорожкам, всматриваясь в кресты и плиты, прежде чем нашел могилу матери. Она была почти в центре – значит, кладбище с той поры увеличилось вдвое. Деревня пустела, кладбище росло. Но здесь, во всяком случае, еще хоронят, а не кремируют, подумалось. Почему-то не нравилась ему мысль о кремации. Когда прах человека развеивается над землей, куда, вот так придешь, чтобы побеседовать – пусть мысленно – с дорогим тебе человеком? Слава Богу, здесь есть еще кому ухаживать за старыми могилами. Он мысленно поздоровался с мамой и извинился за свое долгое отсутствие. Собирался произнести свои слова вслух, но, даже откашлявшись, не смог избавиться от жесткого кома в горле. Положив на могилу цветы, присел на скамейку и взгляделся в маленькую фотографию. Мама на ней была совсем молодой. Намного моложе, чем он сейчас. И вот ее нет. Давно нет. Ушла внезапно, не простившись, так и не увидев ни жены его, ни своей внучки. А может, она все-таки видит их, знает, как они живут? Сейчас он жалел, что не может считать себя верующим человеком. Верующему куда легче переживать такие вот минуты. Легче жить и, наверное, легче умирать. Прочитать бы сейчас какую-нибудь молитву, вот только он не знал ни одной. Никто не учил его молиться. К тому же, его математический склад ума всегда плохо воспринимал то, чего нельзя было подтвердить доказательством. Но сейчас ему внезапно, как никогда, остро захотелось верить, просто верить, безо всяких доказательств, что покинув этот

мир, дорогие нам люди, не исчезают бесследно. Что, отбыв земную повинность, лишь тело превращается в прах, а энергетический сгусток, именуемый душой, летит куда-то ввысь, и присоединившись к сонму себе подобных, наблюдает оттуда, из синей сини, за мельтешением оставшихся внизу. Верить, что возможно, когда-нибудь они снова будут вместе, рядом, в одном пространстве, в одном измерении. Он взглянул вверх. Слышишь ли ты меня, мама?

Небо снова затягивало тучами, несколько капель, словно предупреждая о надвигающемся дожде, упало ему на лицо, и Валентин Юрьевич поднялся.

На обратном пути он решил зайти в школу.

Рядом со школой располагался небольшой домик – сельский медпункт. Здесь, на скамейке перед крылечком он провел немало минут, да что там, минут – часов, ожидая, пока закончит работу Марина. Он еще учился, еще был студентом, а она уже работала. Вернулась после учебы домой, здесь требовалась медсестра, кроме того, не захотела своих старых родителей одних оставлять. С этим домиком было связано достаточно много воспоминаний. Больше – приятных. Впрочем, были и не очень приятные... их последняя встреча, например. За день до отъезда он пришел к Марине в медпункт. На улице была холодрыга, мело, зима в разгаре. Поэтому он и решил подождать внутри, хотя и не любил находиться среди больных людей. Да и вопросов идиотских, не любил. Если народу было много, обязательно находилась какая-нибудь

сердобольная душа, которая спрашивала, не заболел ли он, часом? Но в тот раз у кабинета Марины никого не было, хотя до конца рабочего дня оставался еще много времени. И в кабинете пациентов не оказалось. Тети Паши, уборщицы и санитарки в одном лице, тоже не было. Обедать пошла, объяснила Марина. Он уже знал, если тетя Паша ушла «обедать», то вернется не скоро. Хозяйство у нее, внуки. Может только перед концом рабочего дня заглянуть, чтобы медпункт запечатать. И правильно, чего часы зря отсидживать, когда вся работа с раннего утра переделана? Никто ее упрекнуть не сможет, в медпункте всегда чистота и порядок. Он обнял Марину. После нескольких жарких поцелуев захотелось большего. Он расстегнул пуговицу халата, потом вторую.

– Перестань, – сказала, отстраняясь, Марина. – Я на работе. Да и нельзя сейчас.

– И вчера было нельзя, и позавчера, – обиженно произнес он, прижимаясь все теснее.

– Период такой... опасный. И тетя Паша вот-вот придет с обеда. Или еще кто заглянет... бывает, люди к концу работы идут... нельзя.

– Да ладно тебе, – настаивал он. – Я завтра уезжаю, увидимся теперь только в мае... или даже летом, а ты – нельзя, – бубнил тихо, жарко дыша ей в нежную шею.

– Нельзя сейчас, – беспомощно повторила Марина, пытается выскользнуть из его рук.

Но он уже не владел собой. Повалил ее на кушетку и, пре-

одолев Маринкино сопротивление, все-таки получил свое. И едва успел застегнуть брюки, как из коридора кто-то подергал ручку, а потом в дверь решительно постучали.

– Тетя Паша! – испуганно прошептала Марина, торопливо поправляя халат. – Быстро открой дверь.

Он повернул ключ в замке. Это и в самом деле была тетя Паша.

– Марина, срочный вызов. Кузьмичеву плохо, – быстро сообщила, неодобрительно глянув в сторону Валентина. Чего, мол, народ от работы отвлекаешь? – жена его сюда бежала, да меня встретила. Велела передать, что б ты быстрее шла, говорит, лежит, уже еле дышит.

– Астма у него, приступ, наверное, – пробормотала Марина, быстро доставая из стеклянного шкафчика какие-то лекарства.

– Я завтра загляну, – сказал Валентин, быстро отступая к двери. – Завтра забегу. Попрощаться, – объяснил зачем-то тете Паше.

Но как-то так вышло, что не забежал.

Когда-то здание школы казалось ему большим – два этажа, и еще пристройка с мастерскими и спортивным залом. Позади сад, в котором росли и несколько деревьев, посаженных его руками, спортплощадка и стадион, там вечерами и по воскресеньям они до темноты гоняли мяч. Валентин Юрьевич поднялся по ступеням и вошел в вестибюль.

– Вы к кому? – подняв голову от книжки, поинтересовалась сидящая за столом женщина. Она была примерно его возраста, но он ее не знал, точно не знал.

– Я здесь учился, – сказал Валентин Юрьевич. – Просто зашел, посмотреть. В класс заглянуть.

Женщина слегка пожала плечами.

– А чё тут смотреть? Никого в классах нет. Да и закрыты они, сегодня все у директора, на педсовете.

– Тогда я просто по коридору пройду, – сердито произнес он.

В его времена, ни стола, ни охранников (или дежурных?), сидящих у входной двери, не водилось. Каждый мог свободно войти и погулять по коридорам школы. И то, что теперь ему, ученому, приходилось объясняться, униженно просить о такой мелочи, возмущало.

Дежурная еще раз изучающее оглядела незнакомца и, не найдя ничего подозрительного в его внешности, снова пожала плечами, что можно было истолковать и как запрещение, и как разрешение. Он предпочел последнее и двинулся дальше. Тем более, идти было недалеко, нужно было всего лишь свернуть направо. Ему внезапно захотелось проверить одну вещь. Напротив кабинета директора был небольшой холл, где на стенах висели доски с объявлениями и расписанием уроков, а также стенд с фотографиями выпускников. Сохранился ли он? И висит ли еще там его портрет? Вряд ли, усмехнулся, если вывешивать портреты всех достойных

людей, которые учились когда-то в этой школе, стен не хватит. Так и оказалось. Стенд был, его обновили и расширили, только на нем – незнакомые, главным образом, молодые лица успешных людей.

Школьником он вот также останавливался перед этим стендом – примерял профессии тех, кто, покинув деревню, чего-то добился. Чаще всего смотрел на мужчину в темном костюме с галстуком. Он не помнил уже ни лица, ни фамилии, только подпись под фотографией хорошо помнилась: астроном такой-то.

Тогда это его потрясло. Вот учился в их деревне парень, а кем стал! Астрономом. Смотрит на звезды сквозь какой-нибудь огромный телескоп. Он тоже мог бы стать астрономом, с физикой-математикой у него всегда было хорошо, но, поразмыслив, остановился на инженерной специальности. Сколько их нужно стране, этих астрономов? Не больше сотни, ну, в крайнем случае, несколько сотен. А инженеров – десятки тысяч. Инженеры – это класс, несущий в массы научно-технический прогресс. Везде и всюду нужны. Мама поддержала и это его решение. Ей было все равно, куда поступить сын. Главное, чтобы в деревне не оставался и в армию, как соседские лоботрясы, не загремел.

– Вы кого-то ищите?

Валентин Юрьевич оглянулся. Полная женщина средних лет, с короткой стрижкой, с черной папкой в руках смотрела сурово – кто такой? Это уж точно не дежурная. Тон другой,

начальственный. Он снова, теперь уже слегка раздраженно – почему он должен оправдываться? Почему нельзя сюда зайти просто так? Это, что, какой-то секретный объект? – начал объяснять, что приехал к родственникам в гости, вот и зашел в школу, в которой когда-то учился. И к кому же он приехал, если не секрет? Женщина искала и не находила повода поскорее его выпроводить. Прогнать прямо тоже не решалась, вид у него был слишком интеллигентный. Он назвал фамилию тети Лены. И мгновенно, словно он назвал пароль доступа, лицо женщины преобразилось.

– Так, значит, Анатолий Иванович ваш брат? – буквально засияв, спросила она.

– Двоюродный, – буркнул он, удивляясь про себя столь быстрой и необычной перемене.

– Он очень, очень отзывчивый человек, – все сияла и глазами и улыбкой толстушка. – Столько сделал для нас... Я директор школы, – представилась запоздало. – Вы уж извините, что я вас задержала. Подумала, кто-то из района. Сейчас каждый день какие-то проверяющие, все ходят, высматривают, к чему бы придраться. Денег на ремонт почти не дают, а требований – выше головы. Вы, конечно, конечно, пройдитесь, посмотрите...

Услышав гулкие удары мяча, заглянул в спортивный зал. Двое мальчишек по очереди бросали мяч в баскетбольную сетку. Оглянулись на него, увидели, что чужой, вернулись к своему занятию. А он еще чуть-чуть постоял у двери, наблю-

дая за ними. Любимое место Анатолия. Валентин Юрьевич почти увидел, как ловко обходя соперников, брат азартно ведет мяч, мгновение – и вот мяч в корзине. Здесь же когда-то проходили и школьные дискотеки – специального актовое зала в школе не было. Маленькие праздники на фоне скучной деревенской жизни...

Когда Валентин Юрьевич вышел из школы, шел дождь. Хорошо, идти было недалеко.

У ворот тети Лениного двора стоял газик.

– Ну, и загулял ты! – с упреком произнес Анатолий, выходя из машины. – Жду-жду... Мать уже отвез, она там обед готовит. Рассердится теперь, что опоздали. Договорились же вчера, обедаем у нас.

В самом деле, как он мог позабыть? Вчера Толик обещал показать ему свои владения.

– Дождь, – объяснил виновато Валентин Юрьевич. – Вот и задержался в школе.

– Давай быстро в машину, – кивнул Анатолий, запирая калитку.

Баштаны располагались километрах в семи от деревни. Когда-то там и в самом деле были арбузные поля, но им давно пришел конец. Теперь эти земли бывшего совхозного отделения принадлежали Анатолию. Также как и овцеферма, ферма с лошадьми, яблочные сады и пасека, проезжая мимо которых, Анатолий мимоходом сообщал: это я тоже ку-

пил. И это мое. Чем все больше и больше удивлял Валентина Юрьевича. Брат усмехнулся.

– Да все тут, – взмахнул рукой, – даже то, что еще не купил пока, оно ведь тоже мое... ну, наше с тобой, – поправил себя.

– Все вокруг колхозное, все вокруг мое? – улыбнулся Валентин Юрьевич.

Ответом был сердитый взгляд.

– Половина земель по эту сторону речки до революции семье деда принадлежала...

– Шутишь? – не поверил Валентин Юрьевич.

– Какие шутки?

Валентин припомнил, да, случилось, что-то такое про-скальзывало – но редко, очень редко – в разговорах взрослых, слышал он, что дед их был из богатой семьи. Но он деда не знал, тот еще до войны умер, оставив бабушку Василису с двумя маленькими дочками.

– Умер? – Анатолий негодуяще потряс головой. – Если бы умер! И у бабушки Василисы было не двое, а пятеро детей. Только троих, старших сыновей вместе с дедом подняли как-то среди ночи и увели. Ну, не их одних, многих тогда арестовали. Сказали, в область повезут, на допрос. Да только не довели, ублюдки, расстреляли где-то по дороге, и закопали. А где – никто не знает. Чужие, не местные, арестовывать приходили...

– Я слышал только, что деда, вроде бы, в тридцатых раскулачили... – пробормотал Валентин Юрьевич, чувствуя се-

бя отчего-то виноватым за то, что не знал этой трагической семейной истории.

– До революции земли было много, – через некоторое время уже более спокойным тоном повторил Анатолий. – Лошадей держали, овец разводили, пшеницу выращивали. Будет желание, загляни, – усмехнулся, как бы говоря, знаю, что не заглянешь, но вдруг? – загляни как-нибудь в наш областной музей, там кой-чего и про наших есть. Про земли эти, и чем на них до революции занимались. Да и потом, сложа руки, не сидели.

Валентин Юрьевич, смотрел потрясенно на летящую под колеса дорогу, не находя слов. Бабушка Василиса никогда, никогда ни о чем таком не говорила. Суровая была женщина, неразговорчивая. Теперь ясно, почему. Но мама, почему она молчала?

– В те годы болтать не принято было, – на большой скорости пролетев над выбоиной, сказал Анатолий. – Мне мать тоже не сразу все это рассказала, ну, может, лет десять назад. О таком не то что говорить, вспоминать страшно. Тут где-то, – кивнул за окно, – в этой земле кости их и лежат. Только вот не знаешь где крест поставить.

Дальше ехали молча. Ошеломленный Валентин Юрьевич переваривал услышанное, Анатолий сосредоточенно смотрел на дорогу. Когда выехали на взгорок, на горизонте обозначился небольшой лесок. Или рощица, которой раньше на Баштанах точно не было.

– Он, что, и в самом деле такой большой, как кажется? – Валентин Юрьевич напряженно всматривался и не верил глазам своим. В самом деле, странно было видеть здесь, на Баштанах, и эту внезапно появившуюся рошу и коричневато-красную черепичную крышу с высокими башенками. Словно мираж в степи.

– Большой. Если бы сейчас строился, один бы этаж делал. На хрен мне три? – с недоумением спросил сам себя Анатолий. – Земли хватает, чего в гору было лезть, лестницы эти громоздить? Теперь в спальню каждый вечер по этим ступеням карабкайся...

– Зачем же строил такой?

– А сдуру, – вздохнул Анатолий. – Поехал в район с архитектором посоветоваться, тот мне мозги и запудрил, сует проекты под нос, один лучше другого. Вот и купился я на башенки эти. Это сейчас соображаю, что к чему, а тогда... Ты ж помнишь, как мы жили. Бабушка, мать с отцом и я – в халупе с сортиром в огороде. Потом в двухкомнатной хрущобе – с четырьмя-то детьми! Счастья полные штаны, когда переезжали, думали, ну вот, наконец-то, будет и у нас квартира с удобствами. А первый мороз прижал, чуть ли не в пальто спать ложились. Батареи холодные, кочегарка гоняет воду только для того, чтобы система дуба не дала. А летом солн-

це бьет в окна, дышать нечем. Дети все вместе, и мальчишки и девчонки в одной комнатухе, на двухъярусных кроватях. Зайду к ним утром – дышать нечем. Думаю, подрастут ведь скоро, нельзя ж им вместе! Короче, кончилось мое терпение. В сам деле, хер чего дождешься от чужого дяди, от этого совхоза, да и от государства вообще. Но, блин, с другой стороны, мне ведь никто ничего и не должен! Руки есть, силы есть, пока молодой. Ну, и сказал себе, мои дети в такой нищете дальше жить не будут. Построю дом, чтобы всем по комнате, и игровая, и ванные, и сауна, камин, как в кино, все как положено. Своими руками и построю. Я одно время строителем работал в райцентре, навык кое-какой имелся. Успел взять ссуду до всего этого бардака, завез материалы, парней позвал, выгнали за одну осень коробку в три этажа. А на крышу, на отделку денег уже нет. И взять негде. Мать говорит, пасеку заведи, мед хорошо раскупается. Тут гречку тогда выращивали... липы, опять же. Купил несколько семей пчел. Поросят завел, свиньи быстро растут. Думаю, если кормить будет нечем, зарезу, не продам, так сами с мясом в зиму будем. Но в тот год на все хороший урожай был, выстояла моя свиноферма. Ну, и начал дальше свиней разводить, уже не как попало, а по правилам. Даже к немцам в Германию ездил опыт перенимать.

– В Германию? – не сдержал удивления Валентин Юрьевич.

– А чего тут особенного? – пожал плечами Анатолий. –

Хотел посмотреть в натуре, как они там хозяйство ведут, и почему у них такие результаты?

– Посмотрел?

– Посмотрел. По-королевски свиньи у них живут. Везде автоматика. Они, когда к свиньям заходят, даже обувь меняют.

– И как же ты там общался? Курсы немецкого перед поездкой закончил? – пошутил Валентин Юрьевич. В голове не укладывалось, что Толик вдруг стал настолько передовым животноводом, что поехал за границу свиноводство изучать!

– Зачем? – пожал плечами Анатолий. – Я не по этой части, да и времени на учебу нету. Я с Варварой ездил. Она учительницей в Логунцовской школе работает. По-немецки шпарит, только держись. Еще французский знает, правда, не так хорошо. А муж ее, Серега, английский преподает. Так что, когда отдыхать за границу ездим, проблем никогда и никаких не возникает. Ну так вот, про дом-то, – вернулся к основной теме разговора. – Дом этот меня, можно сказать, фермером и сделал. Сначала просто мясом с Маринкой торговали, потом стали свиную тушенку закручивать, а потом, когда инфляция деньги сжирала не по дням, а по часам, купил по дешевке овец в овцесовхозе, пусть, думаю, будут. Оказалось, выгодно их держать, почти весь год на траве, а травы полно, поля вокруг стояли заброшенные. А лошади – это уже не моя затея, а Ваньки с Колькой. Из армии вернулись, пристали, давай купим. Ну, купили. Хотя, скажу я, дорого нам эти ло-

шадки обходятся...

– Зачем же их держать? – спросил Валентин Юрьевич.

– Это пока невыгодно, – уточнил Анатолий. – Но кто знает, что завтра будет? Я когда начинал, пальцами в меня тыкали, вот, мол, тоже еще, американец выискался. Фермер. Все в один голос, ничего, мол, не получится, и техники у нас специальной нет, и народ не тот... Но, как-то ж кручусь. И у пацанов все получится. У них и сейчас уже неплохие конячки. Недавно по дешевке купили производителя, чистопородного ахалтекинского жеребца, и гнедую кобылу украинской верховой породы. Хотят к ним еще пару английских лошадок прикупить. Мечтают жокей-клуб сделать.

– Жокей-клуб?! Здесь? Для кого? – снова не смог сдержать изумления Валентин Юрьевич.

Анатолий усмехнулся.

– Есть народ, интерес проявляет. Даже в пайщики некоторые набиваются. Сейчас же не то, что раньше. Сейчас все, кто мало-мальски зарабатывает, хотят заработанные деньги сохранить. Банки штука ненадежная, лучше в какое-нибудь стоящее дело вложить. А лошади того стоят. Ну, вот, и приехали. Баштаны.

По обе стороны дороги замелькали сосны, потом они въехали в распахнутые настежь ворота и метров через сто развернулись перед широким крыльцом, напоминавшим террасу. Валентин Юрьевич вышел из машины и огляделся. Ну и ну! Там, где когда-то было чистое поле с длинным унылым

сараем, сейчас росли кусты и деревья, у крыльца огромный цветник, а позади дома вообще сплошные заросли. Прямо лес.

– Не лес, а парк, – поправил Анатолий. – Сами сажали. «Белорусом» ям нарыл, а дети саженцев навтыкали. Пока дом до ума доводили, поднялся и парк. Мы же почти десять лет строились. Были деньги, строителей нанимал, а не было, сами и штукатурили, и шпаклевали, и красили, даже плитку клали сами. А что до леса – лес тоже будет. Помнишь Старую Пустошь? Там сроду ничего не росло. А мои тут увидели фильм по телевизору про мужика, который живет на Кипре и уже который год осенью семена собирает, в бетономешалке прокручивает, покрывает питательной смесью, а потом их по гористым местам, значит, раскидывает, вот и загорелись. Решили свой лес посадить, чтобы было, значит, куда за грибами ходить.

– Посадили? – поинтересовался Валентин Юрьевич.

Странными казались ему эти рассуждения. Слышать такое из уст Толика? Анатолия... Сады, леса... Тот уловил легкую насмешку в голосе двоюродного брата, взглянул чуть исподлобья, тоже усмехнулся.

– Идем в дом, заждались нас уже, – переменял тему. – Варя приехала, – кивнул в сторону «запорожца» в кустах сирени.

Поднимаясь на широкое крыльцо, Валентин Юрьевич заметил с левой стороны дома длинное сооружение с большими

ми окнами.

– Теплица?

– Бассейн с подогревом. Еще не все достроили, но купаться уже можно. У нас же тут моря нету.

Черт возьми, прямо Голливуд! Тут уже было не до насмешек. «А что ты думал? – сердито спросил сам себя Валентин Юрьевич, не в силах справиться с нарастающим чувством уважения и легкой зависти. – Один ты шел вперед? Другие тоже на месте не стояли». Хотя странно, странно это было – Толик и такое! Не вышло с тем Толиком, которого он когда-то знал. Ну, что ж, выходит, не знал он своего брата.

У самых дверей их встретила огромная овчарка, молча, внимательно изучала гостя.

– Лежать! – крикнула, появляясь в распахнутом окне над ними, Настя.

– Дрессировщица, – поднял к окну голову Анатолий. – А то мы сами не управимся...

Пройдя через холл, они попали в просторную гостиную, один угол которой занимал домашний кинотеатр. На противоположной стене были полки с книгами. Неужели тут и книги читают? Валентин Юрьевич подошел ближе. Книги были хорошие. Классика, серия «Жизнь замечательных людей». Конечно, и детективы, и женские романы – куда же без них! А сколько художественных альбомов! – целая полка.

– Варька с Настей накупили. Куда поедут, обязательно чемодан книг обратно тащат. А Сашка с Колькой полки сде-

лали, – словно отвечая на его вопрос, хмыкнул Анатолий. – Только ни кино смотреть, ни читать мне лично некогда. Как сяду на диван, сразу засыпаю.

– Что это вы так поздно? – спросила Марина, выглядывая из кухни.

Следом появилась и тетя Лена.

– Давайте скорее за стол, все стынет уже.

– Да, вот, в школу он, понимаешь, ходил! – кивнул в сторону брата Анатолий. – Соскучился! Только чего ходить? Там никого из старых учителей давно уже нет.

Ванная, куда они зашли вымыть руки, была размером больше, чем кабинет Валентина Юрьевича. Метров двадцать-двадцать пять, с душевой кабиной, и джакузи. Ну, неразумно же это! Это же все нужно обогревать, а сколько уборки – мыть все эти пространства! Он, разумеется, бывал в больших пригородных домах своих знакомых, и все, как один, жаловались на дороговизну их содержания. Может быть, Анатолий и научился зарабатывать деньги, но считать он их не умеет. А вдруг лопнет его хозяйство, что тогда? Это не город, такой дом тут никто никогда не купит, он даже и не в деревне, а вообще, на выселках... Неразумно, очень неразумно... почему-то сердился Валентин Юрьевич.

Кухня-столовая блистала кафелем и никелем, была набита импортной кухонной техникой. И по тому как деловито нажимала кнопку миксера в дальнем углу Настя, как заглядывала в окошечко духовки тетя Лена, как быстро, не глядя,

выставляла посуду из посудомоечной машины Марина, ясно было, что всеми этими вещами пользуются. А если вдруг отключат электричество? В глубинке такое вполне возможно. Хотя, наверное, на этот случай у них генератор имеется. Впрочем, он уже нисколько не удивится, обнаружив за домом какой-нибудь ветряк. Или солнечные батареи на крыше.

За раздвинутым и накрытым белой скатертью столом, сидела молодая женщина, а рядом на высоком детском стульчике, как принц на троне, восседал малыш с белыми кудряшками на голове.

– Вот это и есть Варя, – сказал Анатолий.

Таким тоном, словно они о ней только что говорили.

Девушка приподнялась из-за стола и Валентин Юрьевич немного удивился – настолько не похожа была она ни на братьев, ни на младшую сестру. Скорее, в тетю Лену, светлоглазая, тонкая, хрупкая даже в светлых брюках и бледно-розовой кофточке.

– Очень рад, – дружелюбно улыбнулся он племяннице. – Как я понимаю, мы в каком-то смысле коллеги? Я имею в виду преподавательскую деятельность.

– Я школьный учитель, – откликнулась она без улыбки.

От ее, как показалось, слишком внимательного, слишком оценивающего взгляда Валентину Юрьевичу стало немного неловко. Неприветливая. Институт закончила, а простой вежливости так и не научилась. Гости у них, что ли, в диковинку?

– Давай, садись, – кивнул на стул Анатолий. – Вот тут, возле Ваньки. Как тебе Ванька, а? Хорош парень? – спросил, подходя к внуку. – Что это у тебя, Ванька, трактор?

Малыш покачал головой.

– Комбайн?

Ваня с укоризной взглянул на деда – не видит, что ли, что это машина?

– Ага, понял. Шоферишь, значит? – восхищенно произнес Анатолий. – Ну, молодец! Еще чуть-чуть подрастешь, свой грузовик подарю, овечек будешь возить... А ты, че ж это, Варя, без своих приехала? – повернулся к дочери. – Где Серега? И чего Толика, Толика чего не привезла?

– Зашла за ним в детский сад, а он уже спит. Не стала будить. А Сергей занят, сегодня же во всех школах района педсоветы перед новым учебным годом. Обоим нам никак уехать не получалось, тем более, он теперь завуч.

Анатолий снова занялся внуком.

– Ну-ка, Ванька, поздоровайся с дядькой. Покажи, как здороваются мужики, дай руку.

– Сколько ему? – поинтересовался, скорее из вежливости, Валентин Юрьевич, осторожно пожимая протянутую пухлую ручку.

– Год и три месяца, – как о великом достижении с гордостью сообщил Анатолий.

Валентин Юрьевич никогда не знал, как обходиться с маленькими детьми. Не знал, что говорить, и что делать. Он и

дочь-то свою, Лилю, толком не видел в таком возрасте. Как раз на тот период пришлась его самая длинная командировка – в Торонто, куда Светлана ехать с маленьким ребенком не захотела. Он растянул губы в улыбке, стараясь придать своему лицу ласковое выражение. Впрочем, малыш, похоже, не нуждался в общении со своим дальним родичем. Наклонившись, схватил ложку и начал стучать ею по столу.

– Обедать пора! – прокомментировал Анатолий действия внука. – Где там ваш обещанный кролик в сметане? Давайте его сюда!

– Сегодня не кролик у нас, а гусь, – поправила тетя Лена, открывая дверцу духовки. – Будет вам лапчатый...

– Сюда! Сюда! – залился смехом Ванечка и еще громче застучал ложкой.

Валентин Юрьевич, натянуто улыбаясь, думал о том, что он, пожалуй, к такой шумной жизни еще не готов. Разумеется, маленькие дети – источник самых положительных эмоций, – вон, каким довольным выглядит Анатолий в роли деда. Но он лично пока не готов. Не чувствовал ни малейшей потребности в возне с детьми, пусть даже славными и милыми. Впрочем, бывают и не славные, а очень даже вредные. Ночами спать не дают, болеют, капризничают... а какая работа после бессонной ночи? Нет, с внуками спешить не стоит. Впрочем, такое ему пока, вроде бы, не грозит. Лиля у них со Светланой поздний ребенок. Ей еще нет двадцати, и замуж еще рановато, не то что детей рожать.

Тетя Лена водрузила посреди стола блюдо с гусем и оглядела стол.

– Можно и приступать. Настя, зови мальчишек, где они там?

Через минуту в столовую явились и близнецы. Поздоровавшись, заняли свои места.

За обедом Валентин Юрьевич исподтишка рассматривал Марину, ревниво сравнивал ее со Светланой. При дневном свете более заметны были морщинки у глаз и в уголках губ, но выглядела она не хуже, чем вчера, при вечернем освещении, а когда улыбалась, то даже и лучше. А улыбалась она всякий раз, когда взгляд ее падал на Ванечку, который снова занял свое место на высоком стульчике и, деловито орудуя ложкой, раскидывал вокруг себя пюре и мясные ошметки. Сама Марина почти не ела. Правда, ей и некогда было, встала без конца, то поставить на стол хлебницу, то принести сок для Ванечки, то что-то убрать. Все это как бы, между прочим, изредка перекидываясь словом то со свекровью, то с детьми, то с мужем каких-то хозяйственных делах. Только к Валентину так и не обратилась ни разу, ни вчера, ни сегодня ни единого вопроса не задала. Пару раз взгляды их случайно пересекались, но она, хотя и улыбалась, смотрела куда-то сквозь него. В упор не видит, потому что не хочет видеть, нервно отметил Валентин Юрьевич. Явно, не рада его появлению в своем доме. Хотя, с чего, в самом деле, ей радоваться? С чего занимать его, неожиданного гостя, светской беседой,

как сделала бы это Светлана? В деревне это и не принято. Особенно если является кто-то непрошено, вклиниваясь в обычное течение дел. Заставил их всех суетиться, готовить обед, накрывать праздничный стол – ну, в самом деле, не каждый же день все они вот так обедают, с белой скатертью, с розами в вазах, с ножами и вилками... Чем дальше, тем неуютнее себя он чувствовал. Что с ним стряслось? Обычно такой предусмотрительный, приехал к тете Лене без подарков. И сейчас явился в дом брата с пустыми руками. Ничего не принес с собою. Надо было хотя бы вина какого-нибудь купить в магазине. И конфет для Ванечки. Его вон как угощают, гуся специально приготовили.

– Очень вкусно. Давно такого блюда не ел, – поблагодарил Марину, сделал еще одну попытку сближения. – Спасибо.

Марина кивнула рассеянно.

– Гуся бабушка готовила, она же у нас повар, – откликнулась вместо нее Настя.

Ему ли не знать, что тетя Лена всю жизнь проработала поваром в совхозной столовой!

– Ну, не всю, – поправила тетя Лена и потянулась к блюду в центре стола. – Давай-ка я тебе еще положу.

Он отказывался, уже был сыт под завязку, но она все-таки положила еще кусок гуся на его тарелку. И он принялся его ковырять, делая вид, что занят едой. Анатолий тоже не отрывался от тарелки, ел много и жадно, одновременно расспрашивая сыновей, что утром было сделано на ферме, да-

вал какие-то указания. Парни отвечали немногословно, они вообще говорили мало. Но Валентин Юрьевич видел, как они переглядываются. Близнецы. Говорят, чтобы понимать друг друга, им не нужен язык. Варя, занятая сыном, лишь изредка вставляла в общий разговор словечко. Только тетя Лена поддерживала непосредственный разговор с гостем, да еще Настя проявляла к нему какой-то интерес. То о работе расспрашивала, то вдруг начинала рассказывать ему о своих кроликах, у которых, оказывается, нет мышц в желудке, из-за чего им нужно есть ни три раза в сутки, как человеку, а чуть ли не все двадцать четыре часа подряд. Что они и делают, прожоры.

– Похоже, у Коли такой же желудок, – кивнула Варя в сторону брата. – Всю дорогу жует.

– Да нет, желудок у него нормальный, у него в кишечнике солитер, – прыснула Настя.

– И свиной цепень в пять метров длиной, – меланхолично заметил Иван, и близнецы снова понимающе переглянулись.

– Про глисты забыли, – добавил, не переставая работать вилкой Коля.

– Как не стыдно, такие разговоры да за едой! – сердито прекратила этот обмен медицинскими познаниями тетя Лена.

Потом пили чай.

У него одна Лиля, а здесь четверо, не считая Вариного мужа и внуков. Четверо. А когда все переженятся, да детей

нарожают, это сколько же народу будет собираться за этим столом! Считал Валентин Юрьевич быстро. Если у каждого будет, как у родителей, по четверо детей... Двадцать шесть, с Анатолием и Мариной, получается. Хороша семейка. Ему захотелось озвучить свои мысли, неплохой комплимент хозяйевам, но, поймав холодный взгляд Вари, сдержался. Варегость явно не по душе. Наверное, пришлось оторваться от каких-то своих дел, приехать сюда из-за какого-то дальнего родственника.

Странно, но дома они редко обедали все вместе, каждый являлся на кухню, ел и пил, когда вздумается и что вздумается. Это было нормально, учитывая тот факт, что у каждого был свой распорядок дня. Да Светлана и не любила готовить. Поначалу, когда они только поженились, были какие-то порывы, но они скоро сошли на нет. Если он, подписав очередной договор, уезжал читать лекции за границу, и Светлана не ехала с ним, она переселялась с дочерью к матери. Ей так было удобнее. Она работала, а бабушка приглядывала за внучкой, ну, и готовила, естественно. Если бывали за границей вместе, часто заказывали еду на дом по телефону, а по выходным обычно обедали в ресторане. Потом и дома стали делать также. Могли себе позволить и пиццу на дом, и хороший ресторан по субботам-воскресеньям. Если же дома случалось какое-то застолье, обычно приглашали тещу, она умела все организовать самым достойным образом.

Нет, пожаловаться на жену он не мог. Всегда считал, что с ней ему повезло. Да так оно и было. Светлана была на редкость спокойной. Ему казалось, она его хорошо понимала, потому что сама была такой же, как он, – всегда занята, вся в работе, в каких-то своих проектах. Он даже пошутил однажды в компании, что столкнувшись с ним в ванной, жена его не узнала, настолько была погружена в свои мысли. Вон, у Анатолия даже здесь, на кухне, на стене плазменный экран. А у них со Светланой телевизор был старый, допотопный, лишь недавно купили второй, да и то, по настоянию дочери, ей же в комнату его и поставили. Сами телевизор смотрели мало, новости в основном. Он предпочитал тишину. И одиночество. Одиночество его не напрягало, как некоторых других. Он даже любил его, свое одиночество, считая необходимой составляющей жизни ученого. В стремлении «уйти от мира» (по выражению Светланы), виделось ему отличие человека творческого, думающего от тех, кто мог существовать только в стаде, мыслить шаблонами, и питать бедное воображение жуткой смесью дешевых сериалов и страшилок из жизни преступников и экстрасенсов, что потоком льется в каждое жилище с экранов.

– Смотрим все сюда!

Валентин Юрьевич поднял голову. В руках у Насти появился фотоаппарат. Она заходила то с одной, то с другой стороны, нажимая кнопку.

Валентин Юрьевич ощутил легкое недовольство. Фото-

графироваться в последние годы он не любил. С чувством неловкости разглядывал себя, как правило, окруженного молодыми лицами, и мысленно вопрошал: неужели этот усталый пожилой мужчина с глубокими залысинами – он и есть? Как и когда он заменил собой стройного молодой человек с обаятельной улыбкой и высоким лбом интеллектуала? Варя, похоже, внезапной фотосессии тоже не обрадовалась. Предупреждать надо, сказала, я хотя бы накрасилась.

– Ты у нас и без косметики красивая, – не согласилась Настя.

– Ладно тебе, Варя, – поддержала младшую внучку тетя Лена. – Пусть сделает пару фотографий на память. Валентин жене и дочке покажет, какие у него родичи в деревне.

– Очень надо меня показывать! – фыркнула, отворачиваясь, Варя.

– Не тебя одну, всех. И, вот что, – поднялась решительно тетя Лена, – давайте в комнату перейдем. Пусть Настя сфотографирует нас не за столом с грязными тарелками, а на диване под фикусом.

Пришлось перебазироваться в комнату. Настя взялась за дело как профессионал, усадила на диван тетю Лену с Ванечкой на руках – в центре, Валентина Юрьевича разместила справа, отца и Марину слева, за диваном, ворча, стали в ряд Ваня, Варя и Николай. После нескольких кадров сестры поменялись местами. Настя, прежде чем занять свое место между братьями, побежала переодеваться. «Фотосес-

сию», прервал звонок мобильного.

– Павлюченков, – озабоченно объяснил Анатолий, переговорив по телефону. – Просит, в поле подъехать.

Варя взглянула на циферблат больших часов на стене и тоже заторопилась домой. Близнецам надо было на ферму.

– И мне пора, – сказала тетя Лена. – Кто меня отвезет?

– Я и подброшу, кто ж еще, – сказал Анатолий.

Валентин Юрьевич тоже поднялся с дивана.

– Нет, ты оставайся, – брат решительно поднял руку. – Переночуешь сегодня у нас. Вечером пивка выпьем, шашлычок сделаем. Я постараюсь по-быстрому управиться и сразу домой. А ты пока отдохни. В бассейне, что ли, поплавай. Книжки, если хочешь, посмотри или фильм какой. Настя все покажет.

Валентин Юрьевич нерешительно взглянул в сторону Марины. Но она уже шла на кухню и, по-видимому, слов мужа не услышала, сквозь дверной проем видно было, как что-то ласково приговаривая, она вытирала Ванечке салфеткой руки.

– Нет, – Валентин Юрьевич потряс головой. – Я лучше у тети Лены. По деревне еще пройду, посмотрю, какие тут изменения. И с Сомовым договорились встретиться вечером, – вспомнил.

– Да ему бы только выпить и желательно за чужой счет, – хмыкнул Анатолий. – Ладно, как хочешь.

Это быстрое согласие – не хочешь, ну, и не надо, – вызва-

ло легкую досаду. Валентину Юрьевичу как раз очень хотелось остаться, хотелось еще раз, не впопыхах, осмотреть дом и двор, а вечером поговорить с братом, вспомнить школьные годы, да и в бассейне неплохо бы искупаться. Было бы, о чем дома рассказать. Но, в тоже время, он понимал, что поступает правильно, уезжая вместе с тетей Леной. Здесь все заняты, рабочий день, как-никак, не до него. Да и приглашения от хозяйки так и не последовало.

– Мы уезжаем домой, – сказала Варя Ванечке, беря его на руки. – Помашаи всем до свидания. Скажи: пока-пока.

– Пока-пока, – послушно повторил Ванечка и зевнул.

– Пока-пока, – пробормотал Валентин Юрьевич, глядя на малыша и чувствуя, как отчего-то неприятно заныло под ложечкой.

4

Давным-давно уехав отсюда, он редко думал о своем детстве, да и о юности тоже. В городе своя жизнь текла, плотная, насыщенная, требующая сосредоточенности. Не вспоминал, но, оказывается, всегда помнил, носил в себе великое множество деталей из своей прошлой жизни. И сейчас детали эти стали подниматься на поверхность сознания, подсовывая то одну, то другую картинку из того, давнего, времени. И он вдруг так разволновался от нахлынувших воспоминаний, что никак не мог уснуть. А может быть, так водка подейство-

вала. Знал же, что нельзя ему мешать водку с крепким чаем. Теперь бессонница обеспечена. И, как назло, снотворное с собой не прихватил. Был у него специальный пакет с лекарствами «на всякий случай», который он всегда возил с собой. Возраст уже такой, что надо быть предусмотрительным. Но вот снотворного там сейчас почему-то не оказалось, не пополнил запасы. Лежал, глядя широко раскрытыми глазами в обрамленный занавесками квадрат окна, сквозь которое заглядывал в комнату круглый, желтоватый глаз луны. Вот так же подростком лежал он на своей кровати, мечтал, думал о будущем. В разные годы оно представлялось ему поразному, но одно он знал наверняка – в деревне он жить не останется.

Кто мог тогда подумать, что Анатолий станет таким... таким уверенным в жизни? Совсем другой человек. И Марина другая. Он так и не понял, какой она стала, но, несомненно, эта спокойная молчаливая женщина ничем не напоминала ту, застенчивую и немного неловкую от этой застенчивости девушку. Его девушку. Тогда ее легко было ввести в состояние крайнего смущения, она краснела, замирала, слова не могла вымолвить из-за этого смущения. Иногда это ему нравилось, иногда раздражало. Еще – тогда – ей не хватало вкуса и умения одеваться. Сейчас же на ней, и вчера и сегодня, были удобные, но довольно дорогие вещи. Впрочем, чему удивляться – имея такие деньги, глупо носить мешковатые, собственноручно сшитые платья.

Анатолий и Марина были не только частью той старой жизни, они были частью его самого в той жизни. До школы, да и в младших классах, бабушка Василиса присматривала за обоими внуками, пока обе ее дочери и зять, отец Толика, были на работе. Маринка жила по соседству, и они часто все вместе играли около Маринкиного дома. У них был большой, огороженный штакетником, заросший мягкой травой двор, по которому можно было бегать босиком, не боясь наколоть ногу. В один год все трое пошли в школу. Учились в одном классе. Где-то лет в десять, он вдруг обнаружил, что Маринка ему нравится – из-за косы. Ни у кого в классе не было такой длинной и толстой косы, как у нее, и Маринкина мать каждый день вплетала в эту косу красивую ленту. Толик, случалось, в шутку дергал ее за эту ленту, развязывая бант, но он – никогда. Именно потому, что Маринка ему нравилась. Он ей тоже нравился, она сама это сказала, когда они как-то шли вдоль высокого и длинного сомовского забора, то и дело приостанавливаясь и заглядывая в щели. Там за забором росла на редкость крупная и сладкая малина. Одна из досок была выломана и Валик, расхрабрившись неожиданно даже для себя, засунул наполовину в сомовский малинник и, замирая от страха, быстро-быстро нарвал пригоршню ягод. Выбравшись наружу, протянул их Маринке. «Ты такой смелый, – шепотом восхитилась она. – Там же собака, как волк!» Съев малину, добавила: ты вообще самый лучший. «В классе или в школе?» – поинтересовался он, стараясь го-

ворить равнодушным тоном, в то время как его маленькое сердце отчаянно стучало. Нет, помотала она головой, ты самый лучший... везде.

Дружба их длилась все школьные годы, хотя это не мешало ему в старших классах видеть и других симпатичных девчонок. Некоторые кокетничали с ним напропалую, и случалось, Маринка ревновала, хотя и старалась этого не показывать. Впрочем, ему тоже пришлось немного попереживать, когда в девятом классе к ним пришел новенький. Игорь сразу же выделил Марину среди других девчонок. Только зря старался. Марина его словно не видела, а когда донимал шутками, только пожимала плечами и, краснея, отворачивалась.

Господи, как же давно это было! Давно, а как будто вчера. Как будто вчера возвращались, взявшись за руки, из кино длинной пустынной улицей. Деревья стояли все в хрустальных сосульках. После оттепели к ночи крепчал мороз. И они, почти оледенев, как висящие над ними сосульки, дрожа от холода, все целовались и целовались под окнами Маринкиного дома, не в силах оторваться друг от друга. Но вот раскрывалась форточка, это означало, что их засекли, и сейчас послышится голос Маринкиной матери: Мари-и-нка, домой! Предупреждая этот крик, они размыкали, наконец, свои объятия, и Марина, простучав каблучками по стылým деревянным ступеням, исчезала за скрипучей дверью старого дома. Дальше поцелуев дело долго не шло. Так был воспитан. Да и она была пугливой и застенчивой, и родителей боялась, они

у нее были старые и очень строгие. В кино ходить, правда, не запрещали. Ему вообще доверяли.

Такие, вот, у них были отношения. Даже тогда – несовременные. Некоторые парни из их класса к окончанию школы уже имели кое-какой сексуальный опыт, и, случалось, покуривая за школой, делились впечатлениями. Сомов, например, не стесняясь, в подробностях рассказывал, чем они занимаются с Людкой, когда родителей нет дома. И на сеновале тем же. Валентин и восхищался Сомовым, и завидовал ему – тот уже знал и умел делать вещи пока недоступные Валентину. В то же время, он Саньку презирал. Не за то, что тот делал, а за то, что всем об этом рассказывал. Гадко это было, отвратительно – так грубо, цинично говорить о *своей* девушке. Так говорить мог только последний хам и придурак, каким Валентин никогда не был и не будет.

Отмалчивался при таких разговорах и Толик, хотя уж ему-то точно было о чем порассказать – не раз и не два видели его около сельского общежития, он ходил в гости к Даше – штукатурщице. Той уже двадцать пять стукнуло, старуха, шептались мальчишки, но говорят, о-опытная в этих самых делах. Толика подначивали, хихикали над ним, пока он, разозлившись, не давал пару подзатыльников тем из насмешников, кто ближе сидел. Те в ответ смущенно посмеивались, но ответить тем же, сдачи дать никто не решался. Он был от природы здоровый, Толян, с крепкими кулаками, с таким связываться себе дороже.

Время шло, близились выпускные экзамены. Погода стояла – только гулять. Под окнами всюю цвела сирень. Но, обложившись книгами, Валентин скрупулезно учил билет за билетом. Чтобы поступить в хороший вуз, нужен был хороший аттестат. Он не мог обмануть ожиданий матери и не поступить. Не было у них в семье лишних денег, чтобы можно было их попусту прокатать. Они матери тяжело доставались, и он это понимал. Опять же, в случае провала в армию загребут, а Валентин совсем не горел желанием наращивать себе мышцы в ущерб мозгам. Да и наслушался об армии всякого от деревенских парней, которые прошли эту школу жизни. Марина тоже старательно готовилась и иногда брала у него тетрадки. А может быть, предлог искала лишний раз прийти. Также, как и он. Он постоянно думал об одном – когда они снова смогут остаться вот так наедине... Но экзамены оба сдали хорошо.

Возбужденные, разодетые, выпускники толпились у стен перед сценой, с которой один за другим напутствовали их учителя. Стулья занимали, в основном, родители. То ли от волнения, то ли от духоты, стоящая рядом с Валентином Шлемова вдруг хлопнулась в обморок. Все вокруг засуетились, физрук спрыгнул со сцены, поднял ее на руки и понес во двор. Это маленькое происшествие смяло речь математики и, на радость всем присутствующим, резко сократило затянувшуюся торжественную часть. Всем не терпелось

сесть за столы, организованные родителями, – естественно, без спиртного, – а потом и потанцевать.

После выпускного вечера всем классом отправился гулять. Прошлись по центральной улице, потом вышли к реке. Санька Сомов спрятал под лодочным причалом, купленные на заранее собранные деньги вино и водку. Бутылки в сетке, сетка в воде – для охлаждения. И катание на лодках, кажется, тоже была его идея. Сначала все согласились, девчонкам показалось это романтичным, такое на всю жизнь запомнится, но на подходе к берегу желающих испачкать нарядное платье становилось все меньше и меньше. Мальчишки тоже начали сомневаться, как-никак и они были в новых костюмах. Кончилось тем, что глотнув на берегу, кто вина, кто водки, пошли встречать рассвет на горку. «Мне не хочется, – тихо сказала Маринка, ловя его руку. – Я ногу натерла, туфли новые... Давай лучше тут посидим». Ему хотелось пойти со всеми, посмотреть с холма на округу в первых лучах солнца, – да и в таком составе все они гуляют в последний раз, – но увидев страдальческое выражение на ее лице, уступил. В самом деле, взбираться по проселочной дороге на холм на высоких каблуках, да еще если и ногу, в самом деле, натерла, мало радости.

Прижавшись друг к другу, долго сидели на берегу на скамейке. «Может, все-таки, покатаемся?» – кивнул он на сомовскую лодку, она была чище других. Предложил, впрочем, без особого энтузиазма. «Давай», – неожиданно согласилась

Марина, поднимаясь. Он помог ей войти в лодку, сел на скамейку напротив и приналег на весла, но через несколько минут перестал грести. На какое-то мгновение потерял ориентировки, не мог понять, где они находятся, – в предутреннем сумраке посреди реки над водой поднимался туман. Казалось, они были одни в целом мире. Только он и сидящая напротив Марина, которая, поживаясь от холода, обнимала себя за плечи руками. Он снял пиджак, протянул ей. Он и кожу был готов в тот момент снять с себя, только бы согреть ее, укрыть и защитить, такую тоненькую и такую беззащитную. И каплей дегтя в радостном предвкушении перемен была мысль о том, что, возможно, и с нею он расстанется надолго.

Первый год в университете оказался трудным. Нет, с учебой у него все было в порядке, все предметы давались ему легко. Может быть потому, что лекций он не пропускал и скрупулезно конспектировал все, что говорили преподаватели. Донимала острая тоска. Он даже представить не мог, уезжая, что будет так скучать по дому. Раньше он никогда надолго не покидал родных мест, и не знал даже, что может так сильно тянуть домой. А уж как ему не хватало Маринки! При всякой возможности садился в поезд и ехал, благо цены на проезд тогда были доступными, а по студенческому билету и вообще стоили вполтину меньше. Он проводил дома октябрьские, новогодние и майские праздники. Ну, и, конечно же, зимние и летние каникулы. До половины дороги

думал о своих студенческих делах, а подъезжая ближе, уже только о ней, о Марине.

5

Следующий день выдался теплым и солнечным. Валентин Юрьевич встал рано и, выйдя в сад, отыскивал место, сквозь которое в сад забиралась соседская коза. Отыскав кусок ржавой проволоки в сарае, крепко привязал болтающуюся сетку к столбикам. После завтрака помог тете Лене выкопать лук, перенес его в сарай на просушку, а когда она занялась обедом, решил еще раз пройтись по деревне. Шел медленно, разглядывая когда-то такие знакомые и родные улицы. Дома вроде бы те, но уже и не те. Кое-где старые, но какие-то осевшие, потерявшие вид, с латаными крышами, обветшавшими заборами. Другие же вообще исчезли, а на их месте – где разросшиеся деревья, где новые постройки. Нет, не узнавал он места, где родился. И редких прохожих, бросавших в его сторону любопытные взгляды, не узнавал. Это как-то слегка подавляло. Ну, может быть, и не подавляло, но однозначно, не радовало. Почему-то ему казалось, что он обязательно встретит кого-то из одноклассников, кого-то из старых соседей. Но не было ни того домика, в котором он жил с матерью, ни знакомых лиц. Спустился к речке, но и здесь все выглядело по-другому. Обмелела Вертушка, там, где обычно купались, уже вброд можно было ее перейти. А по берегам

густо разросся колючий кустарник.

Уже возвращаясь, на обратном пути встретился-таки с Санькой Сомовым.

Опираясь на лопату, тот стоял у своих ворот в майке и в растоптанных тапочках.

– Так и не посидели, – с упреком произнес, поздоровавшись.

– А чего же ты вечером вчера не зашел? – спросил Валентин Юрьевич.

– В район ездил по делам, вернулся поздно, – туманно объяснил Санька, – жена и не пустила. Куда, говорит, по-прешь, на ночь глядя. А сегодня с утра опять запрягла, – объяснил, оглядываясь на дом, – огород у нас в поле, вот, только вернулся. А ты откуда?

– На речке был, – Валентин Юрьевич почему-то рад был этой встрече. – Обмелела.

– Так это к осени всегда так, – кивнул Сомов. – Ты бы на эту Вертушку весной поглядел!

– На рыбалку ходишь?

Вспомнил, что когда-то Санька был страстным рыбаком. Часы проводил на берегу с удочкой.

– Само собой. Правда, такой рыбы, как раньше, уже не попадается. Так, мелочь одна, – вздохнул. – А пляж братец твой захапал, забор до самой воды поставил, – добавил с обидой. – Считает, видно, что раз он на его земле, значит, ему только и принадлежит.

– Что, никого не пускает? – не поверил Валентин Юрьевич. – Непохоже как-то на него.

– Да пускает, – неохотно признал Санька. – Только кто ж пойдет, когда у него там собаки здоровенные бегают.

– Он у реки лошадей выпасает, собаки их стерегут, – вспомнил Валентин Юрьевич. – Был я у него вчера, он рассказывал.

– Видал, значит, какой дворец себе отгрохал? – оживился Санька. – Ну, скажи, зачем простому, нормальному человеку такие хоромы? Собак завел. Зверюги! Тут один пришлый около его овцефермы гулял, да и полез, ясное дело, из любопытства, посмотреть, что там у него, за забором. Так ведь всю одежду на нем порвали! Знаешь, как его сейчас все у нас зовут? Фермер! И слово-то, какое-то не наше, – сплюнул Сомов. – И злой стал, донельзя. Что деньги с народом делают, а? – покачал головой.

Валентин Юрьевич опустил глаза, промолчал. Сомов был явно несправедлив, но здесь у них своя жизнь, кто он такой, чтобы эту чужую жизнь оценивать, вмешиваться в нее, принимать чью-то сторону?

– Я к нему, как к человеку, в одном же классе учились, возьми, говорю, трактористом. Я ж в танковых частях служил, во всякой технике разбираюсь. А он мне – от тебя говорит, будет больше убытку, чем пользы. Нет, ну ты слышал такое? – продолжил Сомов. – Ну и родичи у тебя!

Валентин Юрьевич пожал плечами, я-то тут причем? По-

смотрел на часы, чувствуя, что пора завершать разговор.

– Варьку видел? – внезапно сменил тон Санька, бросив на него странный взгляд.

– Да, приезжала, – кивнул Валентин Юрьевич. – С младшим сыном.

– Жаль, мамка твоя так внука и не увидела.

Внучку, хотел поправить Валентин Юрьевич, удивляясь внезапному скачку мыслей Сомова, дочь у меня, а не сын. Но скажи Саньке слово, он в ответ скажет десять, увязнешь в разговоре. А Валентину Юрьевичу было уже не до разговоров. Время поджимало.

– Побегу я, Саня, – извинился. – Анатолий на станцию обещал подбросить. Вот-вот подъедет, а я еще вещи не собрал. Счастливо оставаться.

– И тебе не болеть! – протянул заскорузлую руку Сомов. – Может, свидимся еще. Приезжай как-нибудь.

– Время покажет, – улыбнулся Валентин Юрьевич. – Может быть, как-нибудь и выберусь.

Хотя он совсем не был в этом уверен. Что ему здесь делать?

Анатолий был точен и через час они уже подъезжали к железнодорожной станции.

– Возьми на заднем сиденье конверт, там Настя фотографии положила, те, что у нас делали, – произнес, открывая багажник и доставая оттуда объемистую парусиновую сумку. За ней на асфальт опустилась такая же вторая. – Здесь

фрукты, Марина собрала.

– Это, что, мне? Но куда столько! – возмущенно запротестовал Валентин Юрьевич, глядя на деревенские дары и засовывая конверт с фотографиями в боковой карман куртки.

– А это мать тебе в дорогу дала, – не обратив ни малейшего внимания на протест, Анатолий достал из багажника еще один пакет, поменьше. – Пирожки, курица, что ли.

– Ну, зачем, зачем все это? – снова, уже беспомощно, спросил Валентин Юрьевич, оглядывая неожиданный багаж. – И как же я со всем этим поеду?

– Справишься. Здесь я помогу, а там такси возьмешь. Деньги-то на такси, надеюсь, есть? – ухмыльнулся.

Противиться не было ни сил, ни времени. Гул локомотива и замедляющийся перестук колес возвестили, что скорый уже на подходе к станции.

Анатолий взял сумки потяжелее, а Валентину Юрьевичу ничего не оставалось делать, как прихватить последний оставленный пакет, и поспешить следом к тормозящему составу. Стоянка была всего пять минут. К счастью, далеко бежать не пришлось, его вагон остановился почти напротив них. Быстро внесли вещи.

– Да, вот, – когда снова вышли на перрон, спохватился Анатолий. Достав бумажник, как-то суетливо раскрыл его и вынул оттуда еще один снимок. – Вот, возьми. На память. Ты уж извини Варю, за то, что Толика не привезла. Ты ж, наверное, хотел его увидеть...

– Значит, есть повод приехать еще раз, – почти радуясь, что уезжает, наконец, отшутился Валентин Юрьевич. Похоже, что старший внук у Анатолия в любимцах, но ему-то с какой стати желать встречи Толей-младшим? Сейчас он желал только одного – поскорее оказаться дома. Еще в туалет хотелось. – В следующий раз обязательно...

– Он парень боевой, – обрадовано продолжал о внуке Анатолий, – И очень умный, весь...

– Все, хватит прощаний, – высовываясь из тамбура, грубовато вмешалась в их беседу толстая проводница. – Кто тут из вас едет? Быстро в вагон, отправляемся.

Словно подтверждая ее слова, состав дернулся.

Валентин Юрьевич сунул снимок, который дал ему Анатолий, в тот же карман, где лежал конверт, протянул брату руку.

– Ну все. До свидания.

– Приезжай, – глядя уже снизу на поднявшегося в тамбур Валентина, пригласил Анатолий. – Лучше летом. Всем семейством приезжайте!

– Да-да, как-нибудь обязательно! – торопливо откликнулся Валентин Юрьевич из-за спины проводницы. Поезд тронулся.

Ему повезло – пассажиров в вагоне было немного, а в купе он вообще оказался один. Вот и славно, подумал, можно будет отоспаться. Устал он от этой поездки. Хорошо, конечно, что съездил, на могиле матери побывал, родных повидал, но

– устал. Он занял свою нижнюю полку, выложил на стол продукты, собранные тетей Леной в дорогу, переоделся, сходил в туалет. Посидел некоторое время, размышляя, самому ли идти за чаем или же подождать, пока принесут. Остановился на последнем. Сунул руку в карман за мелочью и наткнулся на конверт. Фотографии. Он-то думал будет два-три снимка – за столом и в гостиной, всем семейством на диване, а оказалось, Настя их много нащелкала. В столовой, в гостиной, во дворе... когда только успела? Валентин Юрьевич разложил фотографии на столике. На диване он не очень хорошо вышел. У камина – ничего, можно даже сказать, импозантно выглядит. В столовой за столом тоже неплохо. А вот Марина, Варя, Ванечка. Снова Ванечка, на коленях у деда. Где же его второй-то внук? Валентин Юрьевич достал из кармана последнюю фотографию. Внезапно сердце у него дернулось и замерло. Потому что с фотографии, которую дал ему напоследок Анатолий, на него смотрел... он сам. Пятилетний. Почти точная копия пожелтевшего снимка, который бережно хранила в старом альбоме его мама. Он попытался унять легкую дрожь в руках. С чего это так вдруг заволновался? Ничего удивительного, что мальчик похож на него, Валентина, его мать и тетя Лена, как-никак, родные сестры. И он, Валентин, получается, двоюродный дед этих мальчишек. А может быть... не двоюродный? Он снова взгляделся в фотографию Вариного старшего сына. Толик. Толик-младший. Да нет же, пробормотал, глупость какая. Но его трез-

вый ум математика уже знал, нет, не глупость. Очень большая вероятность, очень. Лицо у него внезапно запылало – поднялось давление. Он отложил снимки и, чувствуя легкое головокружение, откинулся к стенке, прикрыл глаза. Обычно предусмотрительный, на этот раз он отправился в поездку, не прихватив с собой никаких лекарств. Точно, давление поднимается. Нужно выпить воды. Перед глазамиплыли цветные круги, сквозь которое проступало замкнутое, равнодушное лицо Марины.

Но – почему он никогда не думал об этом раньше? Ведь это так легко было проверить, так легко просчитать. И математиком для этого не надо быть. Да мне такое и в голову не приходило! – едва не крикнул он неизвестно кому. Никогда. Не приходило и все.

– Чай, кофе? – голос проводницы заставил его вздрогнуть.

– Чай, – отозвался, поднимая к дверному проему свое красное лицо. – А вода есть?

Через минуту проводница вернулась с подносом.

Валентин Юрьевич открыл бутылку воды. Чушь, чушь все это, снова попытался уверить себя. Завтра, в трезвом свете дня, все эти мысли покажутся ему просто глупыми. Тут темно, при таком свете чего только не примерещится. Выпив воды, он снова взял в руки фотографии, снова напряженно вглядывался в лица Вари и ее сыновей. Нет, не воображение разгулялось. Вот оно, тому подтверждение, все, как говорится, налицо.

С опозданием больше, чем в четверть века, он вдруг узнал то, о чем давно было всем известно. Об этом знала тетя Лена. Знал Анатолий. И мама... мама знала? Что за вопрос, вся деревня знала! Не город, в толпе не спрячешься. Валентин с Маринкой были у всех как на ладони. Им только казалось, что они надежно спрятаны, укрыты толстыми стенами бывшего поповского дома, в котором жила Маринкина семья. Что никто ничего не заподозрит. Они же с детства дружат, одноклассники, соседи. И оба всегда были такими положительными.

Валентин Юрьевич горько рассмеялся. Он-то, он сегодня чего только не перебрал в голове, пытаюсь объяснить себе нынешнее поведение Марины. Мелькала даже мысль, что, возможно, до сих пор к нему не совсем равнодушна, если жива в ней старая обида, из-за которой смотрела на него, как на пустое место, ни единого вопроса не задала, молчала, не пригласила переночевать у себя в доме. А с чего, она должна была это делать, спрашивается? Приехал и сел с ними за стол чужой, незнакомый человек, что же, встречать его с распростертыми объятиями? Облизывать? Того Валентина, которого она знала и, может быть, любила, давно не было. Если вообще существовал когда-либо.

А до этого чужака ей, действительно, и дела не было. Да и не только ей, никому из этой большой семьи не было до него никакого дела. Никто из молодежи его не знал, а старшие едва помнили. Его вина – слишком долго отсутствовал.

Чужой. А где он свой? Если смотреть правде в глаза, то он везде чужой. В университете, занятый то диссертацией, то книгой, так и не смог найти настоящих друзей. В командировках это сделать еще труднее, если вообще возможно. И надо признать, при всем внешнем семейном благополучии, не было у него душевной близости ни с родной дочерью, ни с женой, не говоря уж о ее родственниках.

Валентин Юрьевич уставился невидящим взглядом за окно.

Ему, вполне успешному и уважаемому человеку, на мгновение показалось вдруг, что он прожил не свою жизнь. Что его настоящая жизнь должна была протекать здесь, где он родился. Не у Толика, а у него должен был быть большой, наполненный веселым шумом и возней, дом. Не у Толика, а у него должно было быть четверо детей. Ванечка, заливаясь счастливым смехом, должен был карабкаться не к Анатолию на колени, а к нему. Ведь это он его настоящий дед! А в просторной спальне, на широкой деревянной кровати рядом с ним должна лежать не холодная Светлана, всегда неохотно исполняющая супружеские обязанности, а та, рядом с которой вырос и которую он когда-то так любил.

Это такая минута, минута слабости, одернул сам себя с горькой насмешкой. Вернусь домой, и все эти мысли покажутся просто смешными. Кем он мог здесь быть? Конюхом? Свинопасом? Нет, ему грех жаловаться на свою жизнь. Он делал все насколько мог хорошо и результаты его работы

очевидны. Но, отчего этот колючий ком в горле?

Как он тогда пылал праведным гневом! Как недоумевал! Удивлялся ее выбору. А оказалось, что не Маринка предала его тогда, выйдя замуж за Толика. Это он ее предал, покинув в самый трудный момент жизни. А вахлак Толик, потевший над простейшим уравнением, не колеблясь, подставил ей свое крепкое плечо. И стала Марина женой его двоюродного брата, которого он всегда слегка презирал. Будущий тракторист, как и его отец. Но что мы имеем в итоге? Не знавший высшей математики Толик успешно ведет свой бизнес, который, похоже, приносит немалый доход. Построил дом, о каком Валентин, и мечтать не мог. Что ж, что далеко от города. Счастливым можно быть и на необитаемом острове. Толик не мог уберечь Марину от деревенских пересудов, но сумел дать то, что не смог умница Валентин, сумел создать с ней крепкую и дружную семью. И за границей он тоже бывает, но ездит туда не работать, как Валентин, а возит отдыхать жену, детей и внуков. «Эту книгу мы в Лувре купили», сказала мимоходом Настена, увидев, что он рассматривает богато иллюстрированное издание «Дворцы Парижа». Таким тоном произнесла, как будто в соседнем селе на ярмарке купила.

Стыл принесенный проводницей чай, а Валентин Юрьевич снова и снова перебирал снимки. Как много могут они рассказать, эти фотографии «на память».

Ах, мама, мама! Не устроив свою судьбу, привезя из го-

рода, куда поехала работать на швейную фабрику, ребенка, вела ты себя в дальнейшем осторожно и осмотрительно. За-
муж не вышла, хотя, случилось, присылали и к ней сватов. Все силы свои душевные вкладывала в сына. Все свои ску-
пые накопления берегла для него. Мечтала в город уехать,
учиться, но не смогла. Ребенок маленький, к тому же, дочь
раскулаченного, на что она могла рассчитывать в своей бед-
ной юности? А вот для сына дороги уже были открыты. И он
должен был этим воспользоваться, поучиться, пожить, мир
посмотреть и за нее и за себя. Все сделала, чтобы направить
его на путь истинный. Самым ценным, что могло бы радовать
в старости – если бы дожила до старости, – пожертвовала. Не
пропала та фотография, на которой он поднимает Светлану
из сугроба. Оставила ее мама себе, чтобы в подходящий мо-
мент показать деревенским кумушкам. Те донесли все, что
полагалось, до нужных ушей. Вот какие девушки у моего Ва-
лентина в городе, не чета нашим, деревенским! Примерно
так могла она сказать, показывая соседкам фотографию.

Но кто он такой, чтобы осуждать свою мать? Она отдала
ему все, что могла и что имела, чтобы он смог стать тем, кем
стал. Сколько помнил, всегда работала, то бежала на совхоз-
ные поля, то в сады, а в остальное время не вылазила из свое-
го огорода – выращивала овощи на продажу. Никуда не ездил.
Редко что-то себе покупала, всегда – только самое необ-
ходимое. Можно ли осуждать ее за то, что она хотела ему
лучшей – в ее понимании – доли? Оберегала его, как мог-

ла. Не нагружала работой, не тревожила рассказами о прошлом своей семьи. Он так и не узнал, кто, и кем был его отец. «Что о нём говорить? Он того не стоит», – уронила с горькой усмешкой, когда Валентин – один-единственный раз – решился задать матери так мучивший его вопрос.

Если на кого и стоило сейчас сердиться, так только на себя – за то, что поехал. Нельзя, нельзя возвращаться туда, где когда-то был счастлив. Это, все равно что на пепелище приехать, сколько ни броди, ничего уже не найти, сторело все дотла, превратилось в дым. В быстро исчезающий, тающий дым воспоминаний. Ещё бывает, такие вот, неприятные сюрпризы случаются. Есть вещи, о которых лучше не знать. Правда ранит, а главное, ведь ничего – ничего – невозможно изменить. Ни событий, случившихся много лет назад, ни даже мнения о себе, любимом. Коллеги уважали его, да и студенты – так ему, во всяком случае, казалось, – относились к нему очень хорошо. И женщины его любили. Он был уравновешенным, сдержанным человеком, никогда не выяснял отношений, не забывал о днях рождения, не жмотничал, не был мелочным, а вот, поди ж ты... Вот ведь, парадокс, для родных людей – для Анатолия, Марины, Вари – он был и навсегда останется нехорошим человеком, негодяем. Наверное, таким же был и его отец, сделавший ребенка и оставивший девушку в трудном положении. И не объяснишь им, не докажешь, что не знал ничего, просто не знал.

Ну, а если бы знал? Вернулся бы? Вряд ли. Как вряд ли

Марина куда-то отсюда поехала.

Но, рассердился он, почему он должен обо всем этом думать? Пусть мысленно, но оправдываться перед людьми, которые, занятые своими делами, своим хозяйством, наверное, уже и позабыли, что он к ним приезжал? А зачем приезжал, и себе не объяснить. Ему захотелось порвать лежащие перед ним фотографии, вычеркнуть эту поездку из своей памяти.

За окном на темнеющем небе уже зажигались первые звезды, когда, вытерев лицо вагонным полотенцем, так и не выпив чаю, не съев и кусочка из собранного тетей Леной пакета, Валентин Юрьевич, наконец, улегся. Натянув одеяло под самый подбородок, он повернулся на правый бок и закрыл глаза. И через несколько минут уже спал, – а думал до утра глаз не сомкнуть! – и поезд, несущийся сквозь холодную августовскую ночь, увозил его все дальше от прошлого, в его обычную, четко выстроенную жизнь.

ОХОТА

1

Василина зашивала дыру на рубашке Ивана-дурака, когда в дверь осторожно постучали. Она подняла голову. Кого принесло в такую рань? К ней мало кто заходил. А если заходил, то исключительно по делу. И раз спектакля сегодня нет, значит, кому-то понадобился какой-то ремонт. Отложив шитьё, она поднялась, проходя мимо зеркала, пригладила волосы и

повернула ключ в двери. На пороге, держа в руках большой букет ромашек, стояла Варвара, именуемая на афишах Виолеттой.

– С днём рождения! – пропела, протягивая Василине цветы и перевязанную розовой лентой коробку. – От наших.

От изумления брови Василины поползли на лоб. Откуда народ прознал, что именно сегодня ей, – согласно лежавшему в сумочке паспорту, – стукнуло пятьдесят? А уж то, что на подарок скинулся, было ещё удивительнее. В их коллективе было как-то не принято дарить подарки.

– Спасибо! Неожиданно как... Да ты проходи, – спохватившись, Василина отступила в сторону.

– Не, не могу, – Варвара помотала головой. – Я даже не умывалась ещё. Проснулась и сюда, боялась, что уйдете. Вы ведь встаёте рано.

Это было правдой. Василина обычно поднималась не позже шести.

– Что тут? – кивнула она на коробку.

– Сюрприз! – улыбнулась Варвара. – Посмотрите и узнаете.

Сунув букет под мышку, Василина сдёрнула ленту и приподняла крышку. В коробке лежал коричневый пластмассовый домик с белым циферблатом и дверцей под крышей. Часы. Да ещё с кукушкой! Василину, как многих старых дев, влекло к мистике и всякого рода тайным знаниям. Дома у неё имелась специальная полочка с эзотерической литерату-

рой и несколько тетрадок, куда она выписывала из старинных библиотечных фолиантов кое-какие рецепты, заговоры и приметы. Ей было известно, что кукушка у древних славян олицетворяла собой грусть, неустроенность и одиночество, а в китайской поэзии это был символ плача. Ещё она знала, что иероглиф, обозначающий часы, напоминает иероглиф, описывающий смерть. С китайскими иероглифами Василина, конечно, лично знакома не была, но журналу “Мистика” вполне доверяла.

Актёры же кукольного театра от эзотерических знаний были далеки, потому купили то, что сочли подходящим по подходящей цене. Да и выбор товаров в провинциальном универмаге, ясен пень, невелик. Спасибо, что вообще этим озаботились. Закрыв коробку, Василина перевела взгляд на гостью, ещё раз повторила: спасибо и, поколебавшись слегка, добавила:

– Вечером приглашаю всех на ужин. В ресторан.

Она умела быть благодарной.

Варвара-Виолетта вытаращила глаза:

– Всех? В ресторан?

День рождения это, конечно, праздник, тем более, тут юбилей, но по силам ли Василине Лапотковой, носившей, главным образом, самодельные наряды, оплатить ресторанный ужин на тринадцать человек?

– А может, – нерешительно произнесла Варвара, – может, просто купить торт и выпить чаю в номере?

Но Василина жалкое предложение отвергла. «На тортик» в номер к ней не придут. А в ресторан, соблазнившись дармовым ужином, кто-нибудь да явится. К тому же, по большому счету, она не столько для них, сколько для себя старается. В самом деле, почему не побаловать себя в честь дня рождения? Тем более, что деньги есть, водились у неё деньги, просто в театре этого никто не знал.

– В семь, в ресторане. Который на углу за гостиницей, – уточнила. – Конечно, те, кому в моей компании скучно, – добавила, – могут не приходиться.

Варвара фыркнула. Чтоб кто-то отказался пожрать и выпить на халяву, да ещё когда зарплату задерживают? Ага!

– Будет аншлаг! – Поняв, что всё серьёзно, заторопилась. – Ладно, надо оповестить всех, пока не разбрелись.

Закрыв за девушкой дверь, Василина нацепила на нос очки и вернулась к своей работе. Лишь приведя в порядок рубашку Иванушки, она позволила себе достать из шкафа серое платье «на выход». Давненько она его не одевала, хотя всегда возила с собой. На всякий случай. Приложив его к плечам, придирчиво осмотрела себя в зеркало. К платью претензий не было, а вот подстричься пора, лохмы во все стороны торчат. Сто лет в парикмахерской не была.

Надо же, ещё полчаса назад она и не подозревала, что будет главным действующим лицом в такой интересной пьесе! Конечно, полтинник лучше отмечать в кругу близких. Но по-настоящему близких – как родственников, так и дру-

зей – у неё не водилось. Нет, дома нашлось бы кого пригласить. Соседок, например, и диковатую парочку дальних родичей, живущих у озера на окраине города, давным-давно их не видела... Но то – дома, а юбилей настиг актрису Лапоткову в небольшом провинциальном городке, куда театр выехал на гастроли. Поскольку проводить день рождения в одиночестве плохая примета, она решила, что ближе к вечеру отправится в гостиничный бар посидеть среди народа. Музыку послушать, выпить бокал вина за своё здоровье. И может быть, даже погадать, узнать, что судьба приготовила ей на следующие пятьдесят лет...

Но теперь план на вечер будет другим. Раз уж коллеги её поздравили, Василина Лапоткова в долгу не останется, выставит им угощение. А они, в свою очередь, побалуют её представлением, в центре которого будет она, некрасивая, малозаметная артистка областного кукольного театра по прозвищу Баба-Яга. Все, конечно, вряд ли явятся, но Варвара с парочкой друзей точно будут, значит, уже не придется коротать вечер одной за столиком. А самовлюбленные непризнанные таланты, типа Птахина, могут и не приходить, они Бабе-Яге малоинтересны.

Но Варвара оказалась права. К семи в просторном и почти пустом зале за сдвинутыми вместе столами у большого окна, затянутого грязноватым капроном, сидели даже те, кто всегда на репетиции опаздывал и на спектакли в послед-

ний момент прибежал. Сам Игорь Иванович снизошёл. Похозяйски разместившись напротив Василины на другом конце стола, он оглядывал уже принесённые закуски и бутылки, и по его лицу видно было, как он доволен. Остальных же его присутствие не слишком радовало. Точнее, совсем не радовало, а наоборот, слегка сковывало. Режиссёра не любили. Но в том, что явился, был и свой плюс, он уже одним своим присутствием не давал превратиться культурному мероприятию в заурядную пьянку. Кроме того, на тусовках он обычно брал на себя роль тамады. Не изменил своей привычке и сегодня. Когда бокалы были наполнены, приподнялся и, взглянув на виновницу торжества, произнёс низким звучным голосом, который так нравился молодым актрисам до первого разбора полётов:

– Желая прожить ещё три раза по столько же! Надеюсь, вы и дальше будете радовать нас своими маленькими шедеврами!

За столом кто-то закашлялся, маскируя невольно вырвавшийся смешок. С чего это он вдруг таким пожеланием разродился, читался в глазах немой вопрос, и о каких шедеврах, пусть и маленьких, вдруг заговорил? Всем было известно, что режиссёр Лапоткову в качестве артистки в грош не ставил. Большая часть присутствующих имела возможность наблюдать, как перед самым отъездом на гастроли он в очередной раз демонстрировал своё презрительное к ней отношение. Речь зашла о новом спектакле и Лапоткова робко по-

интересовалась, не найдется ли там роли и для неё? На что Игорь Иванович громогласно возвестил, что она уже достигла пика своих возможностей в качестве Бабы-Яги. Вроде бы пошутил, но при этом ясно дал понять, что ничего ей опять не светит. Впрочем, это ещё он мягко ответил. Возраст всё же служил Бабе-Яге некой защитой, с другими он вообще не церемонился и в выражениях не стеснялся, если что-то было ему не по вкусу.

– Что бы мы делали без ваших замечательных кукол! – завершил режиссёр свой тост после эффектной паузы. И всем ясно стало, что он специально её выдерживал, стервец: пусть старушка попереживает.

Кто-то торопливо зааплодировал, всегда находятся подхалимы, заглядывающие начальству в рот. Впрочем, актриса Лапоткова после таких слов тут же простила Игорю Ивановичу его очередную бестактность. Ну, почти простила. Ладно, играет Василина, и в самом деле, неважно, но кое-чем тоже может гордиться. Большинство актеров с движением куклы ещё справляются, а вот как её, в случае чего, починить, понятия не имеют, не говоря уж о том, чтобы самим куклу сделать. Надеются на художника Савочкина. Только диплом в кармане не делает его кукол лучше тех, что создает своими руками самоучка Василина. Так что режиссёрскую похвалу она вполне заслужила, куклы у неё замечательные.

– Они просто живые! – воскликнула Варвара-Виолетта, бросив неодобрительный взгляд в сторону режиссёра. – Ещё

и с характером! Правда-правда, иногда мне кажется, – понизила голос, – что не я веду Мальвину, а она меня.

Среди них есть куда более живые, чем многие из присутствующих, усмехнулась про себя Баба-Яга. И да, каждая кукла имеет свой характер. Всё как у людей. А если посмотреть с другой стороны, то и люди всего лишь куклы и ими также можно научиться управлять.

– Лучшей Бабы-Яги я в жизни не видел, – пробубнил Хрякин, запуская вилку в блюдо с мясным салатом-ассорти. – Особенно когда на метле. Помните метлу? Зря её из спектакля убрали.

Тут уж все засмеялись. Не забыли, как носилась по залу над зрителями на венике с длинным дрючком беззубая старуха. Действительно жаль, что из постановки этот трюк убрали, почему-то сочли его пугающим. Хотя дети тогда визжали не от страха, а от восторга. Они не видели старой тётки, управлявшей большой куклой, они видели настоящую, живую Бабу-Ягу. Это немало – хорошо играть хотя бы одну роль. Особенно если ты на артистку не учился, о чём вскользь, но часто любит напоминать ей Игорь Иванович. Да, не было у неё профессионального образования, но играя Бабу-Ягу, Василина и чувствовала себя Бабой-Ягой, напрочь забывая, кто она на самом деле. Впрочем, в такие минуты она и была Бабой-Ягой и никем больше.

Лиля Толстунова, принцесса из «Капризули» восторженно сообщила, что школьницей она видела тот самый спек-

такль с летающей Бабой-Ягой, и это было что-то! Что-то! Лиля, как и полагается Принцессе, меняла наряды каждый день и любила быть в центре внимания, но своих мыслей в её голове не водилось, мозгов хватало лишь на то, чтобы повторять чужие слова. Если вокруг чем-то восторгались, восторгалась и она, если ругали, она тоже подключалась, гневно сводя брови и сверкая глазами. После Лилии ещё кто-то вставил пять своих поздравительных копеек. Естественно, хвалебных. В юбилейный вечер, как на похоронах, хмыкнула Василина, даже о Бабе-Яге полагается говорить только хорошее. Впрочем, чествование длилось недолго. Как только принесли ярославские колбаски с жареной картошкой, всегда голодный актёрский коллектив мигом сосредоточился на еде. А подкрепившись и выпив ещё по бокалу, окончательно позабыл о юбилярше. Каждый заговорил о своём.

Минута славы Лапотковой осталась в прошлом.

Ну что ж, она к этому привыкла. Она всегда была сбоку припёка в этом разношерстном и, главным образом, молодёжном коллективе. Сама по себе. Впрочем, то, что на неё больше не обращали внимания, было не так уж и плохо. Можно было расслабиться и посмотреть на других. Она вслушивалась в реплики, вглядывалась в лица, запоминала слова. В её копилку всё годилось.

Справа от Василины сидела Варвара, потом Птахин, а за ним Лиля. Птахин то и дело поворачивался к ней, отпуская шуточки. И сидевший напротив Кот Базилио, Василий

Непейпиво, тоже не отставал. Толстунова смеялась и всю кокетничала с обоими. Непейпиво ладно, а вот Птахина ей лучше бы не трогать. Но Лиля никак не желала замечать того, что кому-то её кокетство не по душе. По слухам, у Варвары с Птахиним дело шло к свадьбе, но когда на горизонте возникла Лиля, он вдруг к Варваре как будто охладел, и теперь вот неизвестно, как дальше у них будет. Может быть, всё ещё сложится. А может быть, и нет. Впрочем, если нет, подумалось Василине, то, это и к лучшему. В самом деле, зачем Варваре этот самовлюбленный индюк? Не нужен он ей, решила вдруг Баба-Яга. И она ему не нужна, не пара они. Варвара мечтает о семье, а у него все разговоры сводятся к тому, что его талант и красота пропадают зря. Вот и сейчас оседлал любимого конька.

– У киноактёров возможностей намного больше, чем у артистов театра. Если бы у меня был шанс... Если бы у меня был шанс!

– У каждого он есть, только не каждый может им воспользоваться, – пробормотала Баба-Яга, но её, конечно же, никто не услышал.

Уже через час о Василине окончательно забыли, не заметили даже, что именинница исчезла. От шума и громкой музыки, которую кто-то включил неизвестно зачем, у неё разболелась голова. Она решила вернуться в гостиницу, и попутно немного прогуляться по свежему воздуху. Не дожидаясь десерта, поднялась и незаметно выскользнула из зала.

Стоило отойти с десятков метров от освещённого центрального входа в ресторан, как она попала в удивительную, бархатную провинциальную ночь. Фонари на улице не горели, – то ли их не включали в целях экономии, то ли лампы в них перегорели и никто не озаботился тем, чтобы их заменить, – ничто не приглушало сияния луны и ярких звёзд. Конечно в своём областном центре, она не стала бы бродить одна по ночным улицам. Но здесь, в маленьком городке, Василина почему-то чувствовала себя в полной безопасности. И, видимо, не только она. В шагах десяти впереди маячило светлое пятно платья какой-то женщины. Вот ведь, тоже одна идёт. И, возможно, тоже в гостиницу. А может быть, просто гуляет.

Вернулась Василина в свой номер непривычно поздно. Но, несмотря на усталость, уснуть сразу не получалось и, уже улёгшись в постель, она ещё долго думала. Можно сказать, некоторые итоги за полстолетие подводила. И пришла к выводу, что жизнь у Василины Лапотковой всё-таки в какой-то степени удалась. Пусть нет у неё семьи, тут ей, надо сказать, не очень повезло, но разве это не счастье – делать то, что тебе нравится? Таким не каждый может похвастаться. А всё потому, что в своё время не побоялась сменить профессию. Была тихой, малозаметной школьной библиотекаршей, а потом – раз! – и стала актрисой, ушла работать в кукольный театр.

Кто только не убеждал её не делать опрометчивого шага. «Кукольный театр! Это даже звучит несерьёзно! – пытался втолковать ей завуч. – Там вообще платят деньги? Тебе о пенсии думать пора. Включи здравый смысл!» Но Василина Лапоткова, ничего включать не пожелала и на уговоры окружающих остаться в школе не поддавалась. В неё словно бес вселился. Проснулось вдруг какое-то дикое упрямство, не позволявшее оглядываться назад. ВИ незнакомый прежде внутренний голос твердил, что наступил тот самый «час икс» когда необходимо свернуть на другую дорогу. И она никому не позволит становиться поперек пути!

«Ты чего это, – спросила её озадаченно секретарша Тоня, – с каких щей завучу-то грубила? Он же как лучше хотел». «Может быть, это мой последний шанс начать делать то, что действительно нравится», – сердито ответила Василина. «Да чем тебе в библиотеке-то плохо? – изумилась секретарша. – Другие только мечтать могут о такой работе, это же не балбесов учить! Тишь да гладь! Сиди себе, книжки перекладывай, а уж в свободное время лепи своих кукол». Но перекладывать книжки Василина Лапоткова почему-то больше не хотела. Пусть кто-нибудь другой их теперь перекладывает, злорадно сказал всё тот же внутренний голос. Нельзя зарывать свой талант в землю. Каждый должен делать то, что должен, и её дело – куклы.

А начиналось всё так невинно!

Когда-то, ещё до школы, мама повела Василину в кукольный театр. Впервые. Если бы она знала, к каким последствиям приведёт её материнское желание порадовать ребёнка, возможно, и не стала бы этого делать. Спектакль произвел на её пятилетнюю дочь неизгладимое впечатление. Всю обратную дорогу они с соседской девчонкой горячо обсуждали увиденное. Нет, не спектакль, – что за пьеса была, Василина уже и не помнила, – а маленьких человечков, которые бегали по сцене. Обе сошлись на том, что хорошо бы заполучить хотя бы одну такую вот, волшебную куклу. Чтобы посмотреть, как она сделана и потом сделать самим такую же. И может быть даже не одну. Напрасно мать объясняла им, что куклы эти самые обычные, Василина не верила. Она собственными глазами видела, как куклы двигались, слышала, как куклы говорили и даже пели! Разговор закончился слезами. На другой день мать принесла из библиотеки книгу с картинками и вечером, усадив рядом с собой Василину, начала ей читать. Василина внимательно выслушала объяснения о том, из чего состоит и как работает кукольный театр. Долго рассматривала картинки. И, в конце концов, согласилась с тем, что кукол в театре в движение приводят люди. Вроде бы её в этом убедили, но как-то не до конца. Ведь театры, как и книжки, бывают разные. Например, в книжке о Буратино кукольный театр выглядел совсем по-другому. Значит, живые куклы все-таки где-то существуют? Она не стала больше спорить с ма-

мой, поскольку уже знала, что есть вещи, о которых со взрослыми лучше не говорить, не поймут, а решила попробовать делать кукол сама – вдруг у неё получится сделать настоящую? Мама была не против, и вначале помогала ей клеить головы из папье-маше, шила наряды. Потом ей это надоело, но Василина к тому времени уже и сама справлялась. Ничего кроме кукол её теперь не интересовало. И с возрастом никаких других увлечений не появилось. Родителям оставалось только скорбно наблюдать, как их дочь вместо того, чтобы по свиданиям бегать, всё свободное время лепит, клеит и шьет. Деньги в мусор переводит. Так и умерли, не дождавшись ни внуков, ни того времени, когда авторские куклы стали пользоваться спросом, и за некоторые экземпляры коллекционеры готовы были выкладывать просто безумные, по понятиям скромной библиотечарши, суммы. Она стала делать кое-что на заказ, кое-что сдавала в магазин подарков, но своими тех кукол изначально не считала. Своих кукол Лапоткова не продавала. Она просто не могла с ними расстаться. С большинством из них. Отдать их в чужие, холодные руки? Нет, нет и нет! На каждую уходило столько труда и времени.

Её «двушка» была заполнена куклами. Те, что попроще, сидели столиках и на диванах. Те, в которые было вложено больше душевных сил, хранились в шкафах, где родители Лапотковой когда-то держали свои книги и чайные сервизы, давно перекочевавшие в картонные коробки. Особо ценные экземпляры, до половины завернутые в матовую папи-

росную бумагу, стояли в специально сделанных коробках на шкафах, наблюдая сквозь прозрачные, целлофановые окна крышек за протекающей внизу жизнью.

Она с ними иногда разговаривала, рассказывала о том, что происходило на работе. Она даже ход своей жизни мерила куклами. «А, – говорила, припоминая то или иное событие. – Это случилось, когда я Чарли Чаплина делала». Нет, совсем законченной жадиной она не была, и, случалось, дарила то одной, то другой приятельнице какую-нибудь куклу, но всегда проверяла, приходя в гости, как там с ними обходятся, не обижают ли их? Конечно, куклы ничего не могли ей рассказать, – они не говорили, не улыбались, не плакали, – но все они были чувствующими.

Однажды в каком-то журнале она прочитала статью о галерее восковых фигур и ей пришла в голову мысль попробовать делать ещё и таких кукол. Одну сделала с лицом подруги детства, той самой, с которой когда-то ходила на первое в жизни кукольное представление. Подруга детства от подарка пришла в восторг. Да у тебя талант! Подруга работала в областной газете и вскоре там появилась статья о восковых «портретах». Потом была передача по местному телевидению. «Редкое хобби», называлась. Куклы в ней, как и в жизни, смотрелись великолепно, чего нельзя было сказать о размахивающей руками тощей тётке в бесформенной хламиде. Телеэкран безжалостно показал Василине то, чего она

о себе не знала, поскольку редко заглядывала в зеркало. «Ты хотя бы какой-нибудь наряд приобрела для таких мероприятий, – ворчливо заметила при встрече соседка. – Пугалом выглядишь». «Ну, пугало ни новый наряд, ни даже новая соломённая шляпа не украсят», отшутилась Василина, но пару платьев всё же прикупила.

Вот после той телевизионной передачи ей и позвонили из кукольного театра. Спросили, не сможет ли она сделать большую Бабу-Ягу? Театр в тот момент начинал работать с ростовыми куклами, а купить их было негде. Хотя Лапоткова до этого ничего подобного не делала, Баба-Яга получилась у неё отменная. Из чистого любопытства, – поскольку никогда не видела, как работают с куклами, – Василина пришла на репетицию. И ей сразу же стало ясно, что молодая актриса совсем не чувствует свою героиню. Робко приблизившись к режиссёру, сама не зная, почему и зачем это делает, Василина попросила разрешения показать, как должна говорить и вести себя настоящая Баба-Яга. Интерпретация Лапотковой настолько пришлась тому по вкусу, что режиссёр тут же, глядя на неё сверху вниз, поинтересовался, не хочет ли она попробовать себя в этой роли? Василина опешила. Я же не актриса, пробормотала. Ну и что, пожал плечами режиссёр, у нас тут каждый второй любитель. В самом деле, подумала Василина, почему бы и нет? Почему бы ей действительно не попробовать себя в новой роли?

Чем больше она размышляла по дороге домой о Бабе-Яге,

тем больше та ей нравилась. Это на первый взгляд Баба-Яга персонаж отрицательный. На самом же деле, в большей степени – таинственный и неоднозначный. Женщина старая, но словно бы без прошлого. Никто не может сказать, откуда и как она появилась на свет, сколько ей лет, и была ли она когда-то молодой. Всемогущая вещая старуха, хозяйка леса, повелительница зверей и птиц... Вдобавок к этому, она, похоже, была ещё и бессмертной! Может быть, даже бессмертнее самого Кашея Бессмертного. Поскольку всем известно, где таилась кашеева смерть, а вот о смерти Бабы-Яги ни в одной сказке не упоминается. Нет, быть Бабой-Ягой совсем даже неплохо.

В исполнении Лапотковой старая ведьма была настолько убедительной, настолько правдоподобной, что на все следующие репетиции на неё даже уборщицы прибегали посмотреть. Все хвалили.

Вот тогда-то и явилась к ней шальная мысль поменять маршрут своей жизни. Уволившись, она пришла к режиссёру со своей трудовой книжкой. Тот в первый момент просто обомлел, не ожидал такого от скромной библиотекарши. Но она уже вошла в новую роль. Точнее, роль вошла в неё и сделала Лапоткову другой, и возвращаться назад к себе прежней она не собиралась. Режиссёр это, видимо, почувствовал. И потому со вздохом приняв трудовую, предложил ей ещё пару незначительных ролей, сказав, что святым духом брэнное тело не накормишь.

«На этой работе у меня будет больше свободного времени, чтобы делать кукол, – объясняла Лапоткова любопытствующим свой скоропалительный уход из школы, – сами знаете, какая зарплата у библиотекаря. Теперь буду зарабатывать куклами». Скажи она правду, никто бы её не понял. А куклы на продажу, это да, самым тупоголовым понятно, что это выгодно.

Через какое-то время у Василины родилась идея написать пьесу, в которой Баба-Яга была бы главным действующим лицом. Кое-какой опыт в этом деле имелся, – работая в школе, она сотворила не один сценарий для детских праздников. Да, да, пьеса получилась, покивал режиссёр, но ставить её нельзя. Слишком необычна, больше подходит для взрослой аудитории, а театр у них, как известно, детский, к тому же, со сложившимся репертуаром. Отказ её не охладил, а только раззадорил, писать Лапоткова не прекратила и, отложив в дальний ящик приключения Бабы-Яги, сотворила несколько пьес для детей. И одну из них, после многочисленных переделок, приняли-таки к постановке. Но превратить в спектакль не успели. Старый режиссёр, относившийся к ней благосклонно, ушёл на пенсию, а новый, Игорь Иванович, Лапоткову невзлюбил с первой минуты знакомства. Он не только её пьес ставить не собирался, он от неё самой избавился бы с радостью, если бы не куклы, которых она создавала и чинила совершенно бесплатно.

И всё же, несмотря на такой поворот событий, Василина

писать не перестала. Она всегда носила в своей торбе тетрадь – вдохновение могло настичь её в любой момент.

Вот и сейчас, повертевшись с боку на бок в постели и поняв, что в эту волшебную ночь ей вот так сразу не уснуть, она поднялась и, присев к столу, подняла глаза к сиявшим за окном звёздам. А потом принялась быстро-быстро царапать ручкой. Запись заняла две страницы и заканчивалась словами: «На следующий день они ничего не помнили».

Они и не помнили. Балаганщики, большей частью вздорный народец с неустойчивой психикой, – что с них взять? Она и сама часто не помнила, что там сотворила накануне.

2

У Птахина был угловой номер с двумя окнами. Одно выходило на площадь и кинотеатр, другое смотрело на маленький базарчик, за которым начинался то ли парк, то ли сад. У этого, открытого, окна стояла Варвара и, глядя вниз с третьего этажа, изучала ассортимент прилавков.

– Помидорами торгуют. Редиска, огурчики, – вздохнув, она развернулась к Птахину. – Так мы идем в буфет?

– Разве что бутербродов купить. А чай у нас вкуснее того, что там подают, – Птахин наклонился, открыл тумбочку, на которой стояла наполненная водой литровая банка с опущенным в неё кипятильником, и достал коробку со слонком. – Вот. Китайский. И вафли ещё есть. Кстати, как правильно

сказать, пачка вафлей или вафель?

– Какая разница? Я на них уже смотреть не могу! Хочется нормальной пищи. Котлету, пюре, салат помидорный...

– В это время помидоры только тепличные, а значит, нитратные.

– Но это лучше, чем вафли!

– Не хочешь, не ешь, – пожал плечами Птахин. – Мне больше останется.

Варвара отошла от окна и, шлепнувшись на стул, с тоской уставилась в потолок в паутиных трещинках и разлапой люстрой по центру.

– Начало июня, а такая жара! И душ не работает. А ночью Катерина храпит. Тебе повезло, один живёшь. Слушай, может быть, все-таки в буфет сходим?

Ответить Птахин не успел. Из коридора донёсся топот, дверь без стука распахнулась, и в комнату ввалился Вовка Хрякин, чьи круглые плечи и выпирающий живот обтягивала жёлтая майка с многочисленными надписями на иностранных языках.

– Сидите? – закричал он с порога. – А в буфете холодное пиво! Хотите, принесу для освежения души? Варька, одолжи денег.

– Завтра сколько угодно.

– Завтра я и сам себе одолжу, если зарплату дадут, – сказал Вовка и повернулся к хозяину номера. – Птахин, дай, я знаю, у тебя есть.

– Откуда?!

– Ты же домой на днях мотался.

– Тебе бы так съездить! – огрызнулся Птахин, морщась от одного воспоминания о неудачной поездке.

Зря только время потратил. Матушка накануне его приезда отбыла в Крым, упала ей сверху горящая путёвка. Вообще-то её директору магазина, в котором мать работала, предложили, но тот не взял, сказал, что в начале лета море ещё холодное. А матери морские купания по барабану, она и плавать-то не умеет, а просто погулять и подышать воздухом всегда полезно, вот и махнула на юга. Пришлось Птахину возвращаться, несолоно хлебавши. Правда, немного денег он у соседки бабы Доры всё же перехватил, и ещё кое-какие продукты привёз, из того, что нашлось дома.

– Я эти гастроли Салопегову припомню! – сердито произнес Хрякин, опускаясь на стул. – «Отдохнете-позагораете в сельской местности, река-озеро, раки-пескарики, и народ культурой не избалован – сборы гарантирую!» – очень похоже спародировал директора. – Сидит, гад, сейчас у себя в кабинете с кондиционером и над нами, идиотами, посмеивается. И зарплату ему, как нам, не задерживают, получает в конвертике день в день, как положено!

– Вовка, не петушишься. Салопегов не меньше нашего заинтересован в том, чтобы были зрители, – примирительно произнесла Варвара. – Но кто знает наперёд, что будет на гастролях, да ещё и летом? Хотя, конечно, – согласилась, после ко-

роткого молчания, – в этот раз здесь дела уж совсем никуда. Пустой зал как-то не вдохновляет. Ладно, – она сунула руку в карман ситцевого халатика и достала кошелек. – На вот тебе, на пиво. Да, Вовка! Купи ещё нам по паре бутербродов! – крикнула вслед.

Последнюю фразу Хрякин уже вряд ли слышал. Он обладал поразительной для его комплекции скоростью, и вечно носился так, словно в одном месте у него был реактивный моторчик. Жажда гнала его к источнику влаги и заполучив деньги, он мгновенно растворился в полутьме коридора, оставив дверь открытой.

– Вовка прав, ехать в такой, богом забытый городишко в начале лета просто глупо, – сказал Птахин и, выдернув шнур из розетки, вытащил из банки кипятильник. – Летом на юг надо ехать, – добавил, вспомнив о матери. – Туда, где народ отдыхает, а не залазит после работы в свои огороды.

– С таким как у нас руководством мы всегда будем болтаться на периферии, – вздохнула Варвара. – Вот скажи, откуда берутся бесталанные руководители?

– Оттуда, откуда и все. Но дуракам, как известно, везёт. Родился бездарем – быть тебе директором, – пошутил Птахин. Бросив горсть заварки в банку, он взял со спинки стула полотенце и обернул её. – Пусть настаивается. А ты пока сполосни стаканы. Честно говоря, я этим театром сыт по горло, давно бы куда-нибудь ушёл. Да вот хоть в массовку на киностудию, там и то больше зарабатываешь.

– Могу предложить роль.

Это прозвучало так неожиданно, что спешащая в ванную Варвара от испуга выронила один из стаканов, который, конечно, не мог не разбиться. Оглянувшись, она увидела в дверном проёме женщину.

– Могу предложить роль, – повторила та негромким, каким-то тусклым голосом. – Извините, что без стука, но тут было открыто.

Варвара с негодованием посмотрела на осколки, потом перевела взгляд на незнакомку. Так можно довести человека до инфаркта, после чего мило извиниться и сказать: у вас было открыто. Открытая дверь совсем не означает, что можно вот так, запросто, войти. Наоборот, в открытую дверь нужно входить особенно осторожно. А если вас не ждут, то лучше не входить совсем. И подслушивать чужие разговоры и, тем более, вступать в них, это уж, извините, полное бескультурье! Птахин тоже некоторое время молчал, разглядывая незнакомку, потом сделал слабый приглашающий жест рукой:

– Проходите... Присаживайтесь.

Женщина не заставила себя ждать, быстро продвинулась к столу и опустилась на стул. У неё не только голос был невыразительным; тусклым, каким-то смазанным был весь её облик. Трудно было понять не то что выражение лица, – уплывало, терялось само лицо, и совершенно невозможно было определить, во что она одета. Что-то бесформенное и

бесцветное. Просто какая-то абсолютная серость, подумала Варвара. Из такой актриса никогда бы не получилась.

– Ваш последний спектакль...

– Это какой? – хмуро поинтересовалась Варвара-Виолетта. – У нас две новые постановки, «Волшебная дудочка» и «Хамелеоны».

– Ваш спектакль «Хамелеоны» случайно увидела одна важная персона. Потому выбор и пал на вас. Вы – Главный Хамелеон, – кивнула она Птахину, – а вы – вы ведь Варвара-Виолетта? И играете роль Лани, я не ошиблась?

– Верно, – изумилась Варвара. – Лань, и ещё Бабочка...

Было чему удивляться. Незваная гостья, что, по голосу определила, кто какую куклу приводит в движение? И откуда ей известно не только псевдоним Варвары, но и её настоящей имя? Впрочем, скорее всего, эта тётка уже побывала у администратора.

– Вы можете изобразить любое животное? – все так же тускло и бесстрастно поинтересовалась женщина.

– Мы можем с ы г р а т ь роль любого животного, – поправила гостью.

– А что за роль? – спросил Птахин. – Что за спектакль? Где?

– Представление на открытом воздухе...

– Так вы из детского лагеря? Вот! – с упреком произнес Птахин, оборачиваясь к Варваре. – Вот решение вопроса! Я Игорю Ивановичу говорил о детских лагерях. Они же везде,

в каждой области, в каждом районе есть. И нам хорошо и детям приятно. Так он уперся! Пускай, говорит, заказывают автобусы и привозят школьников в городской Дом культуры.

– ... в условиях, приближенных к реальным, – закончила фразу женщина, оставив без внимания птахинский пассаж. – Преследование.

– Преследование? Что значит «преследование»? – с подозрением спросила Варвара-Виолетта.

Незнакомка определенно не вызывала доверия. Странная женщина. Приходить в гостиницу к актерам кукольного театра, чтобы пригласить их поучаствовать в каком-то непонятном представлении непонятно где в непонятно какой сцене преследования?

– А нельзя взглянуть на сценарий?

– Сценария нет.

– Как это, нет сценария? – оторопела Варвара. – А что тогда играть? И как? Импровизация, что ли?

– Экспромт. Всего одна сцена с вашим участием. Вы согласны?

Варвара открыла было рот, чтобы, прежде, чем соглашаться, всё-таки докопаться до истины и узнать, что за сцена такая, но спросить не успела.

– В принципе, да, – опередил её Птахин. – Согласны. Похоже, работа не займет много времени. Одна сцена, да ещё и экспромтом, без репетиций... Сделаем в лучшем виде. Но, – он слегка наклонился вперед и понизил голос, – надеюсь, это

не благотворительное представление на какой-нибудь воскресной ярмарке? Как с оплатой?

– Деньги получите вперед. Сколько вы хотите?

От небывалого вопроса Птахин и Варвара на какое-то время утратили дар речи. Переглянувшись, они одновременно присели, Виолетта на стул напротив незнакомки, Птахин на кровать.

– Вы предлагаете нам самим назначить цену за выступление? – кашлянув, решила уточнить Варвара.

– Да. Сколько это будет стоить?

– Ну-у... Я вообще-то много могу запросить, – на Птахина вдруг снизошло нервозно-игривое настроение. – Спектакль ваш, как я понимаю, любительский, раз даже сценария нет, а мы все-таки профессионалы. Импровизация, опять же, а ещё нужно переговорить с нашим режиссёром, согласовать время... вы когда хотите нас видеть?

И, не дождавшись ответа, выпалил:

– Сто. На каждого. За час рабочего времени. В... в валюте, естественно.

Варвара застыла, не в силах слова вымолвить от птахинского нахальства. Птахина иногда заносило, случалось такое, да. Он всегда был склонен себя переоценивать, но нельзя же так наглеть. Если эта тётка и в самом деле предлагает реальную работу, которая не займет много времени, то просить надо и реально возможную сумму.

– Ну, Птахин, – прорезался у неё, наконец, голос, – думай

же, что говоришь.

– У вас другая цена? – повернула голову в её сторону женщина. – Сколько?

Варвара растерялась.

– Ей всегда мало, – хмыкнул Птахин. – Но за двести она, возможно, согласится. А если предложить триста, то точно не устоит. Триста зеленых, то есть, долларов. Только в местной валюте, поскольку в этом селении, скорее всего, и банка-то не найти, чтобы их поменять, а у нас как раз сейчас возникли некоторые экономические затруднения... Да, думаю, по триста каждому – это справедливая цена.

Уже ясно было, что Птахин просто дурачится, прикалывается, но женщина, похоже, этого не замечала.

– Договор заключен, как только вы получаете деньги, – ответила она.

И тут до Варвары дошло. Или это розыгрыш, или эта тётка, эта серая мышь сбежала оттуда, откуда сбежать не полагается. Поскольку трудно было представить, что кто-то из их разношерстной команды мог устроить такое представление, значит... Точно! Как она сразу не догадалась? Ведь это ясно, как день! Что делают в таких случаях? Куда в такой ситуации принято звонить? В больницу или в милицию? Скорее всего, в милицию. Там разберутся. Главное, в присутствии таких больных не делать резких движений. Чтобы не спугнуть. Она медленно поднялась и так же медленно направилась к двери, которая, к счастью, оставалась открытой.

– Деньги, – произнесла женщина. – Возьмите деньги.

Раздался изумленный возглас Птахина. Варвара обернулась и тоже едва не вскрикнула – на столе лежали деньги. Довольно много. Как, когда она их туда положила? И откуда достала? Ведь у неё с собой не было ни сумки, ни даже пакета... вроде бы. Или что-то все-таки было? В этот критический момент из коридора донесся знакомый топот и в комнату снова ввалился Хрякин. Обладая орлиным зрением, он сразу засек то, что лежало на столе, и тоже на мгновение замер, но только на мгновение. А потом заорал так, что прохожие, если таковые имелись поблизости, наверняка останавливались под окнами гостиницы, думая, что там кого-то режут.

– Во! Во, дают, а? Приносят зарплату с утра пораньше и никому ни гу-гу! Народ голодает, живет вторую неделю, можно сказать, при поддержке святого духа, потому как, если верить начальству, денег пока нет и неизвестно когда будут, а тут... Все же разбежались с утра, потому как выходной! Я сам на речку собрался. В такую собачью жару в этом захолустье больше некуда и податься. Здесь даже о нормальном душе приходится только мечтать. За что только на этом постоялом дворе деньги берут! Давайте скорее ведомость, я распишусь. Что такое?

Хрякин, наконец, заметил гипнотизирующий взгляд Варвары.

– Это не наша зарплата, – тихо и медленно произнесла та

и, скосив глаза в сторону сидящей к ней спиной женщины, покрутила пальцем у виска. – Я хочу сказать, это, конечно, оплата, только деньги...

– Это нам с Варькой аванс, за участие в одном, пока несыгранном спектакле, – ухмыльнулся Птахин.

– Так аванс или оплата?! – взвыл Хрякин. – Впрочем, чёрт, аванс это или оплата за роль в несыгранном спектакле, какая разница! Я тоже хочу в нём участвовать! Что за спектакль, где и когда?

Хрякин мог здорово напортить.

– Там только две роли, – произнесла Варвара, делая большие глаза, чтобы до Вовки дошло, наконец, что здесь всё совсем не так, как видится со стороны, что ситуация непростая и даже опасная. – Понимаешь, только две. И мы с Птахиным уже, можно сказать, подписали приговор... то есть, договор! А ты... ты, вот что, пойди к Игорю Ивановичу и попроси, чтобы зашёл, нужно с ним время согласовать.

– Сама сходи к своему Игорю Ивановичу, – огрызнулся Хрякин и ринулся вперед. Он прямо затанцевал вокруг стола, стараясь привлечь внимание гостей.

– Я согласен на самую маленькую роль. Даже без слов.

Женщина оглядела плотное тело Хрякин.

– Хотите принять участие в сцене преследования?

– Да просто горю желанием! Я ведь могу сыграть кого угодно! Вы спросите у нашего режиссёра, кто самый талантливый в театре? Все знают, что это я! А вы не с «Мосфиль-

ма»? Слышал, здесь идут какие-то съёмки в Сосновой Роще, в бывшем имении князя...

– Тебе же ясно сказали, там только два действующих лица! – сердито прервала его Варвара.

– Что мешает ввести третье? – удивился Хрякин. – Все думают, их только двое, а тут – раз! И появляется третий! Эффект неожиданности всегда оживляет действие!

– Возможно, – помолчав, произнесла женщина. – Но в сцене погони нужно быть сильным, агрессивным, а у вас в последнем спектакле, если не ошибаюсь, роль доброго поросёнка.

– Это все из-за фамилии, только из-за неё, – заверил Хрякин, ничуть не удивившись осведомлённости гостыи. – Режиссёру показалось, это будет забавно, если поросёнка сыграет актёр по фамилии Хрякин. А фамилия, между прочим, сильная. Известная фамилия. У меня дед мастер спорта по жиму лежа был. Так что не ошибётесь, если возьмёте меня! У меня и сила, и агрессия самые что ни на есть природные. Гены, от которых, как говорится, не уйти! Я, можно сказать, с первых дней в театре мечтал о роли, где можно было бы проявить свой характер, показать свои возможности! Обратите внимание, и внешность у меня подходящая! – Хрякин расправил плечи. – Я всегда знал, что в кино актёров ценят больше, чем в театре, где хороших ролей тебе никогда не видать, если ты не лижешь зад известно кому. А уж о кукольном и говорить нечего.

– При чем тут кино?! – занервничал Птахин, обеспокоенный тем, что неожиданно-негаданно упавшая с неба нереальная какая-то роль, вкупе с лежащими на столе вполне реальными деньгами, могли запросто уйти к другому. – Речь о спектакле на природе!

– Не дурак, – фыркнул Хрякин, – понимаю, что такое съёмки на натуре. Мне без разницы, где работать. Настоящий актёр хорош везде! Значит, я участвую? Тогда как с авансом и для меня? А лучше – выдайте всю сумму сразу и делу конец. Я не подведу, честное слово!

Варвара схватилась за голову.

– Ой, совсем забыла! Мне нужно было позвонить ровно в девять, а уже десятый час.

– Деньги, – повелительно напомнила женщина.

Главное, не раздражать. Варвара повернула назад к столу. Можно и деньги взять, только бы поскорее добраться до телефона... Боже, сколько денег!

Хрякин завертелся как уж на сковородке, не зная, куда приткнуться две бутылки и бумажный пакет с бутербродами – стол-то был занят! – и, в конце концов, не придумал ничего лучшего, как свалить всё на край постели Птахина.

– Что за идиотские выходки! Мог бы и на подоконник пиво поставить! – возмутился Птахин. – И бумага жирная, а мне потом на этой кровати спать. – И вдруг остановился как вкопанный. – Смотрите!

Но странный шум уже достиг ушей и остальных.

– Вот это да! – Воскликнул Хрякин и тоже повернулся к окну.

Это был не просто дождь – с неба словно водяная стена вдруг обрушилась.

– Надо же, – ошеломленно пробормотала Варвара. – Глазам своим не верю, утром солнце жарило, никаких туч и в помине не было.

Она подошла к окну и, вытянув руку, подставила ладонь под тугие струи.

– Перед дождем как раз всегда печёт! – Хрякин тоже приблизился к окну. – Во льёт! Сроду такого дождя не видел. М-да. А день-то пропал, сиди теперь, как заложник, в этом старом клоповнике! Выходной называется. Разве что в кино пойти? Говорят, в этом ихнем «Сатурне» или, как его там, «Юпитере», какие-то приключения показывают. Фильм то ли американский, то ли испанский... забыл название. А – а когда начинаются ваши – то есть, я хотел сказать, наши, – съёмки? То есть, спектакль под открытым... О! Братцы!

«Братцы», взбодренные вскриком, тут же повернули головы в сторону Хрякина, вид которого выражал крайнее изумление. И неудивительно. Стул, на котором только что сидела гостья, был пуст. Никакой женщины в комнате не было.

– Ушла! – облегченно выдохнула Варвара, но тут же нахмурилась. – Но все-таки надо бы в милицию позвонить, наверное, её уже разыскивают.

– С какой стати? – вскинул брови Хрякин.

– А деньги? Что с ними делать? – Птахин не мог оторвать взгляда от поверхности стола.

Некоторое время все молчали. Деньги не исчезли вместе с женщиной, а по-прежнему лежали там. Хрякин внезапно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Как же я сразу не допетрил, балда! В буфете говорили, что на местном сахарном заводе кассу взяли!

Теперь все тарасились друг на друга.

– Ты думаешь... – начал Птахин.

– Ну да! – уверенно произнес Хрякин. – Она принесла немного сюда, чтобы запутать следы или, – он прищурился, – что ещё хуже, чтобы бросить на нас подозрение! Мало ли кто под видом артистов мог сюда приехал? Гастролёры, они разные бывают.

– Да вы что? – опомнилась Варвара. – Даже если она и принимала участие в этом грабеже, – опять же, если он и в самом деле был, этот грабёж, – кто же будет просто так деньгами разбрасываться? Разве какой-нибудь сума... – тут она снова вспомнила о своих подозрениях и замерла на мгновение. – Да она же явно была не в себе! Я сразу это поняла и хотела позвонить, вызвать «скорую». А вы-то, вы-то хороши! «Спектакль на лоне природы! Натурные съемки!»! С первых слов ясно было, что у неё непорядок с головой! Приходит, предлагает работу, нас знать не знает, а даёт аванс, но ни слова о том, что за работа, когда, куда идти. Она ещё всё о преследовании говорила, о погоне, а это первый признак сами

знаете чего. Но, правда, откуда у неё такие деньги? Может быть они не настоящие? – Она подошла к столу.

– К деньгам не прикасаться! – предостерегающе выкрикнул Птахин неожиданно тонким голосом. – Могут остаться отпечатки пальцев! Ох, кажется, мы влипли, – констатировал, опускаясь на пакет с бутербродами. – Если где-то что-то действительно ограбили, а найдут эти деньги здесь, представляете, что может быть? Нам это дело пришить – нечего делать! Кто поверит в то, что явилась какая-то тётка и что-то мутное несла, участвовать непонятно в чём предлагала? Она ведь так и не сказала, спектакль это или кино, и где всё это будет конкретно происходить.

– Да, вот где теперь эту даму искать? – растерянно спросила Варвара.

– С какой стати мы должны её искать? – пожал плечами Хрякин.

– Значит, звонить в милицию не будем? Или как?

Некоторое время все снова молча смотрели на стол, не в силах оторвать взгляд от денег. Соблазн оставить их себе был очень велик. Как велика и вероятность того, что их, непонятно как и зачем, втягивают в какое-то тёмное дело.

– Ки-и-но-о, – протянул Птахин. И вдруг встрепенулся. – Это мысль! Вот что, – оглядевшись, произнес шепотом. – Сейчас мы запираем дверь и идем в кинотеатр. Здесь оставляем все как есть, если милиция по следу идёт, и эту сумасшедшую уже разыскивает, то нас, извините, не впутать! Мы

ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем. Нас здесь в это время вообще не было, мы в кино были. На дневном сеансе! Короче, идём! Заодно разузнаем, что там слышно по поводу ограбления. Ключ дежурной не оставлять и никому из наших, если встретим вдруг, ни слова. Из гостиницы выходим по одному, чтобы не привлекать внимание.

– Голова идет кругом. Давайте поедим и всё ещё раз обдумаем, – сказала Варвара. – Из-за этой тётки у нас и чай остыл.

– Нечего обдумывать. Как решили, так и сделаем, – решительно произнёс Хрякин, взглянув на свои часы. – Пейте свой чай, а я пива хлебну. Есть чем бутылку открыть? – повернулся к Птахину.

Поймав перочинный нож, сдёрнул крышечку с бутылки.

Минут пять все молчали. Сидя на краю постели у тумбочки Птахин жевал бутерброд, шумно запивая его чаем, Варвара елозила на другом краю кровати, нервно покусывала нижнюю губу и крошила вафлю. Наконец, не выдержав, поднялась.

– Ну что, я пошла?

– Давай, – кивнул Хрякин. – Я следом.

После её ухода Птахин отставил пустой стакан, вытер губы бумажной салфеткой и повернулся к приятелю.

– А что, если эта тётка действительно с какой-нибудь киностудии? Что если возьмёт и пришлёт кого-нибудь за нами, чтобы сниматься в лесу?

– Если пришлёт, будем сниматься, в чем проблема? – удивился Хрякин. – Это вообще было бы лучше всего. Зарабатываем.

– Ну, не знаю, лучше или нет, – Птахин кивнул в сторону окна, за которым по-прежнему шёл дождь. – Представляешь, как сыро в лесу после такого потопа? И говорят, клещей в этом году полно... – Он осёкся, некоторое время молчал, потом искоса взглянув на Хрякина, неожиданно продолжил совсем другим, вкрадчивым голосом. – Слушай, Вовка, а ты не мог бы один справиться, если что? Я не отказываюсь, конечно. Хотя там всего одна сцена, чего ж вдвоем пыхтеть? К тому же, она ведь не сказала, что берёт тебя... но я, я готов уступить тебе свою роль при одном условии, – закончил уже более решительно, – при условии, что деньги делим на троих, и я в любом случае получаю свою долю. Идёт?

3

Когда случалось выезжать на гастроли, Василине всегда доставался одноместный номер. Молодые предпочитали свою компанию, держались вместе, никто не рвался жить с ней в одной комнате. С такой и не поболтать, всё время молчит, возится со своими куклами. Да и слишком стара, чтобы делиться с ней секретами и сплетнями. А когда рот открывает, то что-то такое, учительское в интонациях проскальзывает. Видимо, работа в школьной библиотеке наложила свой

педагогический отпечаток. А молодым не нравится, когда их поучают, советы дают. Так что Лапоткову не то, чтобы не любили, но как-то обходили стороной. Впрочем, и она ничьей дружбы не искала и одиночества не боялась. Привыкла. Одиночество, оно не так уж плохо. Никто не внедряется в твоё сознание и в личное пространство, не нарушает твоих планов в самый неподходящий момент.

Закрыв номер на ключ, она отправилась на завтрак в гостиничный буфет. Прошла длинным пустым коридором и оказалась в просторном холле, где тоже было пусто. Лишь за стеклянной перегородкой сидели и вяло перебрасывались фразами две женщины из гостиничной obsługi. Похоже, в гостинице, кроме их театральной группы, никто не жил. Артисты же просыпаются поздно.

Но сегодня рано поднялась не только Баба-Яга.

В холле Василина увидела Варвару. Та, издали поздоровавшись, сделала озабоченное лицо, дескать, некогда, спешу, и прямехонько – к входной двери.

– На улицу? В такой дождь? – сделала изумлённое лицо Василина. – Далеко?

Варвара нехотя приостановилась.

– В кино, – пробормотала.

– Где это так рано начинают фильмы показывать?

– В кинотеатре, естественно, где же ещё? – уже с несвойственным ей раздражением дернула плечом Варвара. – Первый сеанс в двенадцать, но надо ещё купить билеты.

– Сомневаюсь, что в такую погоду за ними стоит километровая очередь, – хмыкнула Василина. – Ты хотя бы зонт взяла.

– У меня его нет.

– Давай я за своим схожу, – предложила Василина.

У неё был прекрасный чёрный зонт, который она, в отличие от молодёжи, всегда предусмотрительно возила с собой. Но Варвара от зонта отказалась, кинотеатр вот он, за углом, рукой подать! Так в тонком платье и выскочила в дождь.

Покачав головой Баба-Яга продолжила свой путь в направлении буфета. Она дошла до широкой, ведущей наверх лестницы, когда послышался быстрый топот и сверху вниз слетел, едва не сбив её с ног, Вовка Хрякин.

– Осторожнее! – Василина отпрянула в сторону.

Всегда-то он носится как угорелый!

– Опаздываю! – бросил в ответ Вовка, не останавливаясь, и тоже устремился к выходу.

Это было, по меньшей мере, странно, бежать куда-то сломя голову в такую погоду.

– Вот молодёжь, – послышался голос из-за стеклянной перегородки. – И дождь им нипочём!

Василина оглянулась. В проёме окошка в стеклянной перегородке, над которым красовалась надпись «Администратор», маячило лицо сильно накрашенной дамы неопределённого возраста. Мощные плечи обтягивала ажурная кофточка.

– Вы посмотрите, как льёт! За порог выйдешь, так сразу в канализацию и смое! Не-ет, – протянула администраторша, – в такой ливень зря бежать куда-то никто не будет. Что-то тут... Тань! – повернув голову, окликнула девушку, сидевшую у окошка над которым было написано «Касса». – Не хочешь прогуляться? Похоже, в универмаге какой-то дефицит выбросили!

– Я, что, ненормальная? – фыркнула Тань.

В самом деле, подумала Василина, нормальный человек переживает непогоду под крышей. Мудро она поступила, отказавшись от утренней прогулки. Погуляет позже, после дождя и воздух будет чище. Правда, пришлось отказаться и от завтрака в кафе, где, погуляв, она обычно ела свою овсянку. Но позавтракать можно и здесь. Правда, она ещё ни разу в гостиничном буфете не была, найдется ли там что-нибудь, кроме выпивки и каких-нибудь заветренных бутербродов?

Уже входя в буфетную, услышала торопливые шаги и оглянулась. Птахин. Судя по непромокаемой курточке, тоже решил выйти на улицу. Администраторша была права – явно что-то было не так в это утро. Чего это в такой ливень их всех куда-то потянуло? Ладно, решила Василина, рано или поздно все разъяснится, а сейчас нужно позавтракать

– Нет, овсянки нет. Но если надо – приготовим, – бойко откликнулась на её нерешительный вопрос рыжеволосая девушка за барной стойкой. – Делов-то. Вы какую любите – на воде или на молоке? Сладкую? С изюмом, может быть?

– Лучше с молоком, если есть молоко. Только, пожалуйста, не кладите ни сахара, ни изюма.

– Ясно. Будет вам овсянка. Минут через десять.

Пораженная уровнем сервиса Баба-Яга огляделась и, как ей показалось, поняла причину столь внимательного к себе отношения.

– У вас всегда так пусто?

– Только по утрам, – ответила девушка, выживая из недр подстоля кастрюльку. – Вечерами сюда и те, кто в гостинице живёт, спускаются, и местные заглядывают. А по выходным иногда столько набегит народу, что только поворачивайся! – добавила гордо. – Да вы присаживайтесь пока, я принесу вам вашу овсянку.

Василина проскользнула к самому дальнему столику у окна и, усевшись, ещё раз окинула взглядом помещение. Как и во всей гостинице, обстановка была довольно старомодной – тёмные дубовые панели до половины стены, покрытые белыми скатертями столы, массивные стулья, – но это как раз ей и понравилось, был в этом какой-то старомодный успокаивающий уют. Напротив окна прямо на стене была нарисована маслом большая картина в стиле пятидесятых: на переднем плане резво бегущая лань в светлых пятнышках, а в отдалении таилась в ядовито-зеленых кустах фигура то ли собаки, то ли волка, она художнику как-то не слишком удалась. Лапоткова перевела взгляд на окно, за которым её взору предстала картина живая. Проезжающие машины взбива-

ли колесами водяные фонтаны, редкие прохожие бежали по щиколотку в воде, держа над головой кто – газету, кто – пакет, кто – какой-то мешок. Зонтиков почти ни у кого не было, дождь всех, за редким исключением, застал врасплох. Он уже не лил с прежней силой, но и прекращаться, похоже, пока не собирался. Не зря ей сегодня спалось дольше обычного и вставать не хотелось, организм словно чувствовал, что погода переменится. И проснувшись, она почти наверняка знала, что день будет необычным. Предчувствие не обмануло, вот, пожалуйста, ливень, в одно мгновение поменявший все её планы.

В такие вот, непригодные для гуляний дни ей работалось как-то особенно хорошо. И сегодня, когда она не занята в спектакле, она зря время терять не будет. Прямо здесь и поработает. Место хорошее, спокойное, никаких посетителей.

– Давно у нас такого дождя не было. А может быть, и вообще никогда, – сказала девушка, ставя перед нею тарелку с овсянкой.

– Да, настоящий тропический ливень, – согласилась Василина. – В такую погоду только большая нужда может на улицу выгнать.

Покончив с овсянкой и выпив кофе, она извлекла из своей большой сумки потрёпанный блокнот, ручку и, покусывая её кончик, задумчиво уставилась на картину. Куда всё-таки бежали эти трое? Варвара сказала, что идёт в кино. В кино так в кино, в выходной каждый имеет право занимать-

ся тем, чем хочет. Можно и фильм посмотреть. Но почему она, обычно доброжелательная и спокойная, так нервничала при разговоре?

Баба-Яга перевела взгляд на белеющую перед нею страницу. На чём она тут остановилась?

4

Как он оказался здесь, на опушке леса, под кустом с блестящими твердыми листьями, волк не помнил. Все вокруг было незнакомым – высокие деревья с могучими кронами, растения, которых он не знал. Но настораживало, пугало его не столько неизвестное место, где он вдруг, непонятно как, оказался, сколько странная тишина. Он поводил ушами, пытаясь уловить хотя бы один звук, но не было ни звуков, ни намека на какое-то движение. Он твёрдо знал, что в ветвях деревьев должны быть птицы – скрипящие, свистящие, щебечущие, – а на земле, среди травы, много мелкой шуршащей живности, но, сколько ни поворачивал голову из стороны в сторону и сколько не шевелил ушами – ничего. Лес словно вымер. И – это тоже пугало – он не чувствовал никаких запахов. Он был голоден, очень голоден, но как искать еду, если нет запахов? Сквозь листву он видел поле, убегавшее вниз по склону сразу за опушкой. Безмолвные волны бежали по высокой траве. Что-то манило его, что-то толкало его туда. Почему-то казалось, что там будет чем утолить

голод. Но, как и отсутствие запахов, настораживала, пугала, мешала выбраться из кустов на открытое, залитое светом вечернего солнца пространство эта неестественная тишина. Но поскольку голод всё сильнее жёг его внутренности, в конце концов, волк решился.

Осторожно выбравшись из кустов, пробежал несколько шагов вперёд и замер. Стоило ему оказаться под солнцем, как он сразу услышал шорох травы, стрекот цикад, пронзительно зазвенели комары. Следом накатила мощная волна запахов. Среди множества которых, он сразу же безошибочно распознал главный, и всё остальное мгновенно утратило всякое значение. Вначале медленно, а затем всё быстрее и быстрее он побежал туда, куда звал его этот запах. Стараясь не потерять след, волк пересек опушку, потом поле и оказался на берегу широкого ручья. У воды волшебный, манящий запах исчез и волк понял, что та дичь, по чьему следу он бежал, пересекла здесь поток. Волку не хотелось входить в воду и, постояв несколько мгновений у воды, он повернулся и побежал по берегу.

Ручей мягко петлял в низине, и волк, повторяя его извивы, серой тенью скользил рядом, пока в одном месте не увидел, наконец, торчащий из воды внушительных размеров камень. Прыжок – и он оказался на другом берегу. И тут же зашуршали и сомкнулись кусты впереди, и снова возник запах. Большими прыжками волк ринулся по следу. Добыча была пока ещё невидима, но она была уже точно близка.

Заходящее солнце освещало пологий склон горы, над которым парила огромная птица. Сверху хорошо просматривалось горное селение с плоскими крышами домов, сады около них, люди. В вечерних лучах всё это, очерченное контурами сгущающихся теней, виделось особенно отчетливо и ярко. Пастух гнал отару овец, две больших собаки помогали ему, следя за животными и отгоняя их подальше от крутого обрыва. Внизу петлял ручей, из которого пила воду лань, а вдоль ручья к тому месту, где она стояла, бежал огромный волк. Но вот стало быстро темнеть, солнце медленно опускалось за горный выступ, а потом и скрылось, подкрасив напоследок облака в красновато-розовый цвет. Но вот погасли и облака, словно тёмный занавес упал на землю сверху и скрыл эти декорации. Но ненадолго, прошло ещё немного времени, и в небе ярким пятном засияла луна, освещая изменившийся до неузнаваемости пейзаж.

Лань стояла у самой воды.

Внезапно она что-то почувствовала, что-то встревожило её. Вздернув голову, пугливо огляделась. Два огонька, как сигнал тревоги, блеснули меж колючих кустов, давая понять, что рядом смертельный враг. Лань рванулась вперёд. Бежать, бежать! Охвативший её панический страх гнал вперёд, придавал силы. Ручей в мгновение ока остался далеко позади, а впереди возник крутой склон, заросший невысоким ку-

старником. Чем дальше она бежала по нему, тем круче он становился. Исчезла трава, из-под ног сыпался щебень. Перепрыгивая с камня на камень, она взбиралась всё выше и выше. И вдруг резко остановилась и замерла. Дальше бежать было некуда – перед нею открылась пропасть. С другой стороны провала убегал вверх отвесный кряж. Площадка, на которой стояла лань, оказалась ловушкой. Смерть ждала впереди, и смерть следовала по пятам. Волк тоже понял это и приготовился к последнему прыжку. Теперь их разделяло совсем небольшое пространство. Совсем близко был дрожащий хвост, мягкая, шелковистая шея, которую через несколько секунд будут рвать его крепкие зубы...

Заглянув снова в пропасть, лань отпрянула, заметалась в панике, подняла голову вверх, словно моля о спасении тёмное небо с холодным ярким ликом луны, а потом обернулась. Волк увидел глаза своей жертвы.

Он узнал их – он видел их раньше. Они были хорошо знакомы ему, эти раскосые глаза, в которых стоял ужас. И этот ужас внезапно передался ему. Волк понял вдруг, что не сможет вонзить свои зубы в эту нежную плоть, даже если ему будет грозить голодная смерть. Но и уйти он не мог. Грозный внутренний голос запрещал ему отступать. Он подталкивал. Он приказывал: вперёд! Один прыжок и пища твоя! Но волк не мог прыгнуть. Окаменев, они стояли у края расщелины, глядя друг другу в глаза. Мгновения растянулись в вечность.

Облака надвинулись от края горизонта и поглотили луну.

В их огромной вспученной массе там и здесь начали вспыхивать безмолвные всполохи зарниц. Усиливаясь, нарастал странный шум. Казалось, на вершины деревьев в лесу налетел ветер, и ветви закачались, зашумели, захлопали листьями. Шумела, пульсировала, вспененная страхом кровь. А, возможно, где-то пошел дождь и его шелест стал походить на далёкие аплодисменты.

Невидимый кукловод всё сильнее и нетерпеливее дергал за веревочку – вперёд! Взыв, волк закрыл глаза и прыгнул. Яркий свет расколол чёрное пространство над головой. На несколько мгновений его тело обрело невесомость и, прежде чем напороться на острые камни внизу пропасти, он несколько мгновений парил в воздухе словно птица.

И когда оболочка его агонизировала в ярких сполохах боли, открылось внезапно сверхвидение, и он – нет, не увидел, а осознал каким-то новым, вдруг проявившимся чувством, что находится на арене. И лес, казавшийся до этого бесконечным, и небо над ним были лишь декорациями, и всё сжалось вдруг до размеров сцены, на которую из тёмной бездны были устремлены жадные глаза зрителей. И он – нет, не услышал, но понял, благодаря тому же шестому чувству, что зрителям понравилось то, что они увидели. И боль исчезла, телесная оболочка растворилась, но он все ещё был жив и, как ни странно, мог слышать, как чей-то голос спросил: смерть или жизнь? И многоголосый хор ответил ему – жизнь! Жизнь...

Когда они снова оказались на улице, было парко и душно одновременно, как бывает после сильного дождя, внезапно пролившегося в жаркий день.

– Зачем только снимают такую муть? Зря только последние деньги на это дерьмо истратил, – вздохнул Хрякин. – Лучше бы на комедию сходили.

– Это называется интеллектуальное кино, – снисходительно пояснил Птахин. – Не для слабых умов. Поиск новых изобразительных средств. Смещение реальности и выдумки, переключка разных миров. Борьба, поединок – чтобы привлечь зрителей, это всегда интересно. Человек в шкуре животного. Или животное в человеке. Что пересилит – инстинкты или разум? Внутренняя борьба...

– Режиссёр Птахин расправляет крылья своей неуёмной фантазии, – насмешливо протянул Хрякин. – Слушайте и внимайте! Мэтр дает интервью!

– Помолчал бы, если ни хрена в искусстве не смыслишь, – обиделся Птахин.

– Кому нужно твое интеллектуальное кино в этой забытой богом дыре? На такое и в большом городе мало кто пойдет.

– Такие, как ты, точно не пойдут. Таким, как ты, только бы пожрать да поржать, – сказал Птахин. – Да Луи де Фюнеса на закуску.

– Ладно вам, – примирительно произнесла Варвара. – Фильмы разные нужны, фильмы разные важны. И авторские, и комедии, в том числе, и Луи. Идёмте назад в гостиницу.

Сохраняя молчание, они поднялись по ступеням на свой этаж. Никого не было ни в холле, ни в коридоре. Навстречу попалась лишь горничная, которая катила перед собою тележку с бельём.

– Не хватало только, чтобы они сейчас начали уборку, – проворчал Хрякин. – И не отдохнёшь, пока не закончат пылесосить. Эх, лучше бы я утром на речку пошёл! Это вы меня потащили в этот кинотеатр.

– Никто тебя силой не тащил. Мы пошли, потому что... потому что... – Птахин замер на полуслове.

Поражённые внезапно одной и той же мыслью, все трое остановились перед дверью номера Птахина и некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Как же мы могли такое забыть?! – почему-то шепотом произнесла Варвара.

Птахин торопливо извлёк из кармана ключ и от волнения не сразу смог вставить его в замочную скважину.

– Да что ты копаешься? – возмутился Хрякин. – Открывай скорее!

В номере было убрано, постель Птахина застлана, стол чист.

– Деньги! Она украла наши деньги! – Закричал Птахин и пулей выскочил за дверь.

Хрякин и Варвара-Виолетта бросились следом. Но ни горничной, ни её тележки в коридоре уже не было.

Женщина, сидящая за столиком дежурной, оглянулась на громкий топот. И закричала от удивления и ужаса – ей показалось, что прямо на неё неся огромный, неизвестно откуда взявшийся волк. И может быть, даже не один... Она зажмурилась и приготовилась к неминуемой смерти... а когда снова открыла глаза, в коридоре было пусто. Не было никого в коридоре.

Дежурная дрожащей рукой перекрестилась. Чего только не привидится под конец суточного дежурства! Нет, пора, пора уходить с этой работы, день отсидишь нормально, но не спать ночь в её возрасте уже просто опасно для здоровья.

6

Василина подняла глаза на хозяйку кабинета и тяжело вздохнула. Разговор шёл уже не первый час.

– Я же вам уже всё рассказала, – устало произнесла она. – Два раза.

А может быть и три, добавила мысленно, учитывая то, что многие вопросы повторялись, чередуясь с новыми.

– Вы могли что-то упустить. Какую-нибудь деталь, которая показалась вам неважной, а на самом деле имеет большое значение, – с холодной вежливостью ответила женщина. – А пересказывая, вдруг да вспомните что-то новое.

У неё были черные, гладко зачёсанные назад и собранные в жидкий пучок волосы, которые резко контрастировали с маленькими светлыми глазками. Из-за этих крашенных волос трудно было определить её возраст, но она явно была не моложе Лапотковой. Как же её зовут? В начале разговора назвала своё имя, но оно в памяти Василины почему-то не задержалось.

– Значит, вы видели их последний раз в холле гостиницы?

– Я уже говорила, что по утрам я всегда иду подышать, – устало начала в очередной раз Лапоткова. – Даже когда выезжаем на гастроли. Но в то утро начался сильный дождь, поэтому я осталась в гостинице, решила, что могу позавтракать и в гостиничном буфете, а не в кафе, как обычно. Вот, в холле всех их и встретила. То есть не всех вместе и сразу, а по очереди. Сначала Евсюкова побежала на улицу...

– Но ведь был сильный дождь, так?

– Ливень! Я ей ещё сказала, чтобы надо бы зонт взять, а она ответила, что зонта у неё нет, но идти недалеко, кинотеатр рядом.

– Рано утром в кинотеатр? Вы ничего не путаете? – в очередной раз попыталась сбить с толку Бабу-Ягу черноволосая.

– Не путаю! – снова начала сердиться Василина. – Это вы меня стараетесь запутать!

– Продолжайте, – словно не заметив её выпада, кивнула женщина.

– Потом спустился с лестницы Вовка, то есть Хрякин, а за

ним следом Птахин, и оба тоже выскочили на улицу.

– И вы их после этого уже не видели?

– Не видела. Потому что мы в тот день не играли, выходной у нас был. А потом оказалось, что их найти не могут, и спектакль на следующий день отменили.

– А больше ничего вы не хотите рассказать? – помолчав, тихо, но, как показалось Лапотковой, с угрозой спросила черноволосая.

Василина немного подумала, морща лоб, и пытаюсь выудить из памяти какие-нибудь новые подробности того несчастного утра. Но ничего нового, увы, не припоминалось.

– Я рассказала всё, всё, как было.

– А как вы тогда объясните вот это? – Голос хозяйки кабинета стал неожиданно фальшиво-ласковым. – Что это?

Следователь положила перед Лапотковой её блокнот. Раскрытый посредине. Как раз там, где обрывались записи. Кровь бросилась Василине в лицо. Нет, какая наглость! Пока она сидит здесь и пытается изо всех сил помочь следствию, к ней идут в номер и, не спросясь, шарят везде в поисках каких-то несуществующих улик! Неужели они всерьёз думают, что она, Василина Лапоткова каким-то образом причастна к этому происшествию?

– Это блокнот!

– Это записи...

– Это рукопись моего нового рассказа!

– Вы описываете исчезновение трех артистов кукольного

театра, прибывших на гастроли в наш город. Очень странное исчезновение.

– Это всего лишь рассказ.

– Но имена там фигурируют реальные, – почти торжествуя провозгласила черноволосая. – И по странному совпадению, имена тех людей, которые исчезли!

– Понимаете, – попыталась объяснить Василина, – мне легче писать, когда я имею перед глазами кого-то из знакомых... ну, в качестве прототипа, что ли. Но всё то, что с ними происходит, это уже сплошная выдумка. Вы же не станете утверждать, что то, что здесь написано, может быть правдой? Это фантастический рассказ!

– Рассказ может и фантастический, – сухо произнесла хозяйка кабинета, – и всё, что в нём описано, это всего лишь выдумка, но почему-то там слишком много реальных фактов. Например, ограбление завода. Вы слышали об ограблении?

– А кассу, что, действительно ограбили? – похолодев, едва слышно пробормотала Василина.

– Разве я сказала кассу? Выходит, это вам известно? – Женщина торжествуя улыбнулась и впиалась в неё взглядом. – Откуда у вас эта информация? Кто вам это сообщил?

Василина испуганно пожала плечами. Если сказать, что она всё это придумала, ей вряд ли поверят.

– В буфете услышала, – пробормотала она.

– От кого? – Следователь подалась вперед, продолжая

гипнотизировать Лапоткову пронизывающим взглядом.

– Откуда мне знать? Какие-то посетители говорили об этом, – беспомощно произнесла Василина. – Сидели за соседним столиком.

Женщина откинулась на спинку стула, её глаза сузились в хищном прищуре.

– Мы опросили персонал. Не считая приходящей уборщицы, в то утро там побывало лишь два человека. Забегал мужчина, по описанию похожий на одного из пропавших, он покупал пиво и бутерброды, и вы. Вы заказали овсянку, правильно?

– Утром я всегда ем овсянку, – кивнула Василина, лихорадочно соображая, что ещё может быть известно следователю.

– Так что же в то утро произошло на самом деле? – после долгой паузы последовал новый вопрос.

– Но я ведь всё, что знала, уже рассказала!

Женщина помолчала, глядя куда-то поверх головы Лапотковой.

– Ладно, можете не отвечать, если не хотите. Но рано или поздно придётся рассказать правду. А что вы знаете о пропавших?

Что она знает? Да не очень много.

– Мы как-то тесно не общались. Я намного старше, молодым со мной неинтересно.

– Ну, а все-таки?

– Да все они нормальные, в театре работают давно. Во всяком случае, когда я туда пришла, они уже там работали.

– Может быть, вы случайно знаете кого-то из их знакомых или родственников?

– Откуда? – пожала плечами Баба-Яга. – Мы только в театре и встречались.

– О их семьях вам ничего не известно?

О семьях?

– Евсюкова живет одна, – припомнила Василина. – Квартиру снимает, она откуда-то издалека, с юга, кажется. Не замужем. Птахин живёт с матерью, а Хрякин – в общежитии театрального училища, а вот откуда он родом, я не знаю.

Помолчав, женщина за столом кивнула.

– Ладно. На сегодня всё.

– Отдайте блокнот, – тихо попросила Василина.

– А вот его мы пока оставим у себя. На некоторое время, до выяснения обстоятельств таинственного исчезновения артистов, – сказала черноволосая.

– Пожалуйста, это очень важно для меня...

– Пока идёт следствие – нельзя, – отрезала хозяйка кабинета. – Вы наш главный свидетель и всё, что касается этого дела, останется здесь до полного прояснения ситуации.

Она протянула руку, взяла блокнот и сунула его под лежащую сбоку от неё картонную папку. После чего, склонившись над столом, начала что-то быстро строчить на бланке. И ведь, в самом деле, ни за что теперь не отдаст, дошло до

Лапотковой, да ещё и на основании всего, что там написано, в камеру посадит, снова допрашивать будет, а как ей объяснить необъяснимое? Василина живо представила, во что всё это может вылиться и ей стало плохо. Физически плохо, так плохо, что она едва не сползла со стула и, не сдержавшись, громко охнула. Женщина прекратила писать, оторвалась от своей бумаги и с подозрением взглянула на Лапоткову.

– Что такое? Что с вами?

– Что-то мне дурно, – почти прошептала Василина. У неё кружилась голова.

– Вызвать врача? Вам нужна помощь?

Помощь Бабе-Яге была очень нужна, но не врачебная.

– Нет... со мной такое случается, – произнесла она не своим, а каким-то чужим, слегка каркающим голосом. – Небольшие проблемы с сердцем. Возраст, знаете ли... можно воды?

С грохотом отодвинув тяжёлый стул, женщина поднялась из-за стола и направилась к окну, где на подоконнике, на круглом стеклянном подносе стоял графин с водой и два стакана. Наполнив один из них, она поднесла его свидетельнице.

– У меня лекарства в гостинице, – отпив несколько глотков, сказала Баба-Яга. – Приму, полежу, всё и пройдет.

Вид у неё был действительно совершенно больной. Она вдруг как будто ещё больше усохла, постарела лет на десять.

– Ладно, пока возвращайтесь в гостиницу. – Поколебав-

шись, произнесла следователь, окинув взглядом жалкую тощую фигуру. – Но, боюсь, скоро придётся вас снова побеспокоить.

Выйдя на улицу, Баба-Яга повернула за угол и на мгновение приостановилась, соображая, в какую сторону ей идти, чтобы побыстрее добраться до гостиницы.

– Думаю, что мне удалось ухватиться за ниточку, – услышала она вдруг знакомый голос и вздрогнула от неожиданности. – Похоже, вся эта компания связана с ограблением. Я уже сделала запрос по поводу этих кукольников, посмотрим, что ответят.

Баба-Яга оглянулась по сторонам, не сразу поняв, что голос её недавней собеседницы звучит у неё над головой. Сообразив, прижалась к стене, хотя этого можно было и не делать. Кабинет был на первом этаже, но окно располагалось довольно высоко над землей и, к тому же, было зарешечено, так что высунуть из него голову, и увидеть стоящую под окном свидетельницу Лапоткову было практически невозможно.

– Зачем ты позволила ей уйти? – спросил мужской голос. – В изолятор её...

– А если ей действительно плохо и придётся вызывать скорую? А если она там вообще копыта отбросит, представляешь, какой шум по этому поводу поднимется? Бедную старуху замордовали в изоляторе без суда и следствия! Нет уж,

пусть идёт в свою гостиницу и там сама лечится.

– Не такая уж она и старуха, судя по дате рождения, что там у тебя записана.

– Какая разница? По виду ей все сто можно дать! – со смешком ответила женщина. – Доходяга какая-то, настоящей пугало, хоть в огород ставь. Нет, я правильно сделала, что отпустила её. Куда она денется? А надо будет, завтра снова вызовем.

Баба-Яга почти рассердилась. Она, что, действительно похожа на пугало?

– Нет, не похоже, что какие-то кукольники в этом замешаны, – после некоторого молчания произнес мужской голос. – Для этого слишком много им нужно было бы предварительно разузнать. Время, когда привозят деньги, место... не состыковывается всё это.

– Если я ошибаюсь, откуда тогда эта тётка знает все подробности? Нет, все-таки они имеют к этому отношение. Но каким образом?

– Вот и мне хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

– Узнаем. Это пугало нам всё и расскажет рано или поздно.

«Пугало» осторожно отлепилось от стены и медленным шагом двинулось в сторону гостиницы. Хотя следовало бежать. Потому что Бабе-Яге известен был ответ на вопрос, над которым ломали головы те двое за толстой стеной. И именно потому, что она знала ответ, надо было торопиться. Хо-

рошо, что она какая-никакая, а актриса, иначе плохо было бы её дело. Могли и не выпустить. Со стороны такое совпадение – кража денег на местном молокозаводе и исчезновение нескольких актеров кукольного театра, действительно выглядит подозрительно. Соответствующий вывод сам собой напрашивается. Хотя уж она-то абсолютно точно знает, что ничего криминального никто из артистов кукольного театра не совершал. Как знает и то, что доказать это в данный момент практически невозможно, несмотря на то, что все факты у неё на руках. Точнее, в её руках. Пока ещё. Да, кое-что сделать пока ещё в её силах, но нужно спешить. За ней, несомненно, будут следить. Если уже не начали. И, если не поторопиться, вполне могут упечь за решетку. И тогда выправить ситуацию будет намного сложнее. Хорошо, что удалось вырвать эту небольшую отсрочку. Теперь всё зависит от того, успеет ли она ею воспользоваться. Времени у неё, Бабы-Яги, или, как назвала её следовательша, “огородного пугала”, очень мало. Время удивительная вещь. Волшебная. Только ему по силам всякие трансформации вещей и событий...

Но неужели она и впрямь стала похожа на пугало? Казалось, совсем недавно у неё в наличии имелось вполне милое лицо и стройная фигура. Войдя в холл гостиницы, Баба-Яга приостановилась у огромного зеркала, которое с готовностью отразило худую фигуру, одетую в блеклой расцветки ситцевый костюм-балахон, и с вязаной торбой-само-

делкой на плече. Жесткие волосы торчали в разные стороны. Уж как только Лапоткова не стригла их, как ни укладывала, – не поддавались. Баба-Яга поймала упавшую на глаза непокорную прядь и заложила её за ухо и, внезапно ухмыльнувшись, подмигнула своему отражению. Да, приходится признавать, что она уже давно дама не первой свежести, но, впрочем, вполне ещё ничего...

Внезапно она услышала позади себя возбужденные голоса и оглянулась.

– Нет, ты только представь, она утверждает, что видела волка! – сказала касса.

– Уволить её давно надо было к чёртовой матери, – суровым голосом произнесла ажурная кофточка. – Она и раньше-то приходила не всегда трезвая, а сейчас прямо на работе напилась! Волки ей мерещатся! А у нас там ценного имущества сколько!

Баба-Яга замедлила шаг, а потом и совсем остановилась. Нет, в номер ей, пожалуй, идти не стоит. Чего только не случается в старинной гостинице в жаркие дни. Кого-то преследуют волки, а кого-то милиция... Она оглянулась. Да, заехать сейчас в номере не самое лучшее решение. Мало ли что. Вдруг следователь пошлёт за ней прямо сейчас? Но где же тогда укрыться? Не в парк же идти... Весело смеясь, двое мужчин с красными лицами вышли из двери в другом конце холла. Буфет! Она посидит в буфете, вот что она сделает. В первой половине дня туда редко кто заглядывает, зна-

чит, никто не будет ей мешать. Побывать пару часов в тихом и спокойном месте, это именно то, что ей сейчас больше всего необходимо. Она пересекла холл, потянула на себя ручку, и большая тяжёлая дверь отсекла её от опасной зоны. За стойкой оказалась уже знакомая рыжеволосая девушка, которая радостно, как старую знакомую, поприветствовала её и так же радостно сообщила, что только что поступили свежие пирожные. Баба-Яга посмотрела на ряд бутылок за спиной, на неаппетитные сладости в стеклянных вазочках в витрине и согласилась на пирожное. И кофе, пожалуйста.

Она не хотела ни кофе, ни пирожного, она этого не любила, но не сидеть же здесь просто так, это могло показаться девушке подозрительным. Сделав заказ, Баба-Яга прошла в самый конец зала и заняла дальний столик у окна, тот самый, за которым сидела раньше. Бросив быстрый взгляд в сторону девушки, отхлебнула из чашки, после чего вытащила из-под просторной кофточки блокнот, украденный со стола следовательницы, раскрыла его на нужной странице, нашарила в сумке шариковую ручку и, склонив голову, начала торопливо выводить какие-то каракули.

7

В дверь осторожно постучали.

Лежавший в постели мужчина открыл глаза, непонимающим взглядом обвёл стены комнаты и сел на кровати. Стук

повторился, на этот раз громче и настойчивее.

– Вадим Петрович!

Недовольно засопев, мужчина поднялся и открыл дверь. За дверью стояла его помощница, ассистент Нина со встревоженным выражением лица.

– С вами все в порядке?

– Что может быть со мною не в порядке? – с лёгким раздражением произнёс он.

– Дежурная сказала, что вы просили разбудить вас в шесть часов, – извиняющимся тоном объяснила Нина. – Она звонила несколько раз, но никто в номере не брал трубку. И она не видела, чтобы вы из номера выходили, вот и заволновалась. Сказала, что у них тут недавно один постоялец от инфаркта помер... ой, простите!

– Да спал я, просто спал! – ещё более недовольно ответил Вадим Петрович и взглянул на часы. – Впрочем, – смягчился, – и в самом деле, пора вставать. Спасибо, что разбудили. А теперь идите, идите, мне нужно принять душ, одеться.

Он прикрыл за отступившей Ниной дверь, потянулся, зевнул, обвел взглядом комнату и вдруг замер, так и не опустив поднятых вверх рук. Ему показалось, что он уже переживал этот момент. Дежавю, пробормотал он, опустил руки и направился в ванную. И не дойдя, снова огляделся. Что-то знакомое было в этих стенах. Он нахмурился, остановился посреди комнаты и, глядя на висюльчатую люстру в центре потолка, некоторое время морщил лоб, припоминая. «Ну

конечно же! – пробормотал через несколько мгновений. – Я уже жил в этой комнате! Останавливался когда-то в этой гостинице!» И пожал плечами, словно удивляясь, что сразу не увидел этого и не вспомнил. Впрочем, заселялся ночью, устал с дороги, было не до того, чтобы интерьеры разглядывать. Но сейчас ясно стало, что здесь он уже бывал. Только когда? Он снова огляделся. Подошел к окну и, отодвинув портьеру, взгляделся в улицу. Базарчик, кинотеатр... Лет тридцать назад, если не больше, прошло. Точно. Был он здесь, был, в самом начале своей карьеры. Впрочем, тогда слово «карьера» и молодой, и надо сказать, ещё довольно глупый артист кукольного театра были абсолютно несовместимы.

И, тем не менее, именно здесь в заштатном провинциальном городишке она и началась, его карьера. Больше того, она началась именно в этой комнате, как ни странно. Именно сюда, узнав, что в городе гастролируют кукольники, явилась неприглядного вида дама, чтобы пригласить на съёмки пару-тройку человек. Это было приключение, неожиданно поджидавшее их в таком невероятном месте, в городе, где со времен царя Гороха ничего не менялось. Кажется, их пригласили всего на один эпизод. И потому, что они на радостях тогда много выпили после съёмок, пропивая, видимо, нежданно-негаданно упавшие с неба деньги, он толком и не запомнил ни места, где снимался, ни самой работы, ни людей на съёмочной площадке. Что за эпизод он тоже сейчас не

мог вспомнить. Скорее всего, это была массовка, в каких он участвовал бессчётное множество раз в молодости, пытаясь подзаработать. И фильма он почему-то так и не увидел. Сначала собирался, но времени не было, а потом просто-напросто о нём забыл. Потому что после того эпизода приглашения от режиссёров внезапно посыпались как из рога изобилия. Но что это был за фильм? Сколько Вадим Петрович ни морщил лоб, сколько ни напрягал свою память, припомнить названия он не смог. Впрочем, это, в конце концов, неважно, махнул рукой. Важно то, что он состоялся как актёр.

Чего не скажешь о других его сокурсниках. Вот и у Варвары с Хрякиным, которые тогда снимались с ним в той же массовке, артистическая карьера не сложилась. Зато сложилась личная жизнь. Неожиданно для всех они поженились, а в девяностые уехали в Штаты. Это было особенно странно для него, Птахина, – не то, что уехали, в девяностые многие из страны свалили, – а то, что Варвара замуж за Хрякина вышла. Со студенческих времён она была по уши влюблена в него, Вадима, из-за него пошла работать в кукольный театр, просто, чтобы рядом с ним быть, он это точно знал, а потом вдруг, ни с того, ни с сего, переключилась на Хрякина! Она была неплохая, Варька, надёжная была и добрая, но не в его вкусе, ему нравились тогда, как впрочем, и сейчас, полненькие блондинки. И он мог тогда выбирать, девчонок вокруг него всегда хватало. А когда начал сниматься в кино, то и вообще от поклонниц отбоя не стало. Женился поздно, почти в

сорок лет, через год развёлся. Жена была тоже довольно востребованной актрисой, снимались они в фильмах на разных киностудиях, так что почти и не виделись. Брак их, можно сказать, был с самого начала обречён. Такое сплошь и рядом в актерских семьях. Второй брак тоже оказался неудачным, хотя новая жена была не актрисой, а учительницей и даже родила ему дочь. Третьей женой стала массажистка, которая следовала за ним повсюду, что с одной стороны было очень удобно. Правда, недолго, пока Раиса не узнала о девчонке из массовки. Какой был грандиозный скандал! Решили с годик пожить отдельно, а уже столько лет прошло... Сейчас это не кажется странным – свободный брак, а тогда это было не принято.

Впрочем, Варвара с Хрякиным тоже вряд ли до сих пор вместе, очень уж они были неподходящей ни по каким параметрам парой, – довольно неглупая Варька и недалёкого ума, грубоватый, и толстый Вовка. Скорее всего, она вышла за него замуж лишь потому, что хотела выехать в Штаты, а у Вовки там родственники оказались. Вадим Петрович огляделся. Вот ведь какие подробности припоминаются в этой комнате... Да, похоже, что так и было. Хрякин приезжал пару лет назад, даже звонил ему, чтобы как-то пересечься, но Вадим Петрович с ним так и не увиделся. По причине своей загруженности. Работа, работа, работа... А сейчас вот ему жаль, что не встретились, жаль. Что бы он сказал, узнай, где сейчас находится Вадим Петрович? А почему бы, пришла

в голову внезапная мысль, почему бы ему прямо сейчас не позвонить? В самом деле, ведь номер телефона у него есть! Хряктн оставил. А он предусмотрительный, все новые номера сразу же забивает в память своего телефона. Так, на всякий случай, мало ли, вдруг пригодятся. Иногда казалось бы ерундовое знакомство помогает решить важное дело... А тут бывший товарищ в Штатах... Вадим Петрович подошел к столу и взял в руки телефон. Вот, пожалуйста, есть у него и хрякинский номер. Вот будет «сюрприз» так «сюрприз»! Улыбнувшись, он нажал кнопку.

К его большому разочарованию, Хрякин телефонному звонку ничуть не удивился. Ответил так, словно они только вчера расстались. Или, по крайней мере, раз в неделю перезванивались. Впрочем, он и в юности был толстокожим, этот Хрякин, что с него взять?

– Откуда звонишь? Всё путешествуешь?

– Догадливый, – засмеялся Вадим Петрович. – Ну, а раз догадливый такой, угадай с трёх раз, где я сейчас гастролирую? Даю подсказку, мы тут когда-то вместе побывали, ещё в те времена, когда в кукольном работали...

– Да где мы с тобой только не гастролировали! В каких только мухоскансках не бывали, – засмеялись в ответ на другом конце.

– Нет, это место особенное, заколдованное место! – настаивал Вадим Петрович. – Мы тут с тобою тогда упились так,

как нигде и никогда, неужели не вспомнишь? Я же вообще не пью, да и раньше не злоупотреблял, а тогда непонятно с чего надрался. Небывалый случай, проспали почти сутки в парке под какими-то кустами, пока нас Баба-Яга не нашла. Помнишь, моталась с нами такая старая тётка? Кукол делала.

– Помню, – помолчав, отозвался Хрякин. – Она и в самом деле на Бабу-Ягу смахивала. Померла уже, наверно?

– А ты, что, ничего про неё не слышал? – удивился Вадим Петрович.

– А что я, собственно говоря, должен слышать? – удивился в ответ Хрякин.

– Она тут, после того как на пенсию ушла, стала довольно известной писательницей. Очень популярна у женской половины читателей. Говорят, и за рубежом её издавали. Я, правда, ничего не читал, – признался. – Я женских романов не читаю, а уж тем более, фантастических. А в последнее время и вообще ничего не читаю, кроме сценариев... Неплохая старушенция была, добрая. Мне вот часы с кукушкой подарила, – вспомнил вдруг. – Можешь представить, сколько лет прошло, а они до сих пор тикают. На кухне у меня висят. Хотел выбросить, когда в новую квартиру переезжал, а потом передумал, они же теперь особую ценность имеют, как-никак, известная писательница презентовала. Когда-нибудь кучу денег будут стоить.

– Часы? Тебе? С каких это щей?

– Да уж и не помню, по какому поводу. Кажется, когда я

из театра уходил...

– Так жива ещё старушка?

– Я давно потерял её из виду... Вряд ли, она же старше нас лет на двадцать была. Да ты набери её фамилию в интернете, если интересно, и узнаешь.

– Мне, что, делать больше нечего? – фыркнул Хрякин. – У нас тут своя жизнь, только поворачивайся.

– Мне тоже вздохнуть некогда, – пожаловался Вадим Петрович. – Время расписано чуть ли не на год вперёд... Но здесь – здесь, в этом городе, представь, почти ничего не изменилось! У меня в какой-то момент даже возникло ощущение, что мне вся моя последующая жизнь приснилась, что мы молодые и снова здесь даём свои кукольные представления...

– А может быть, ты всё-таки выпил вчера на каком-то банкете в свою честь, потому и расчувствовался? – засмеялся Хрякин.

– Какой банкет? Я же сказал, что давно не пью. Поджелудочную и печень в нашем возрасте надо уже ой как беречь. Нет, если бы и ты сейчас каким-то чудом оказался здесь, у тебя тоже было бы такое же чувство, точно тебе говорю. Здесь время как будто застыло! – Вадим Петрович подошел к окну. – Даже кинотеатр, где мы смотрели тот знаменитый фильм, которому потом «Оскара» дали, представь, стоит! Я на него из окна сейчас смотрю... «Сириус» называется. А гостиница – он оглядел комнату – всё такая же ободранная,

как будто тут никогда ремонта не делали. Но самое удивительное то, что я попал в тот же самый номер, где когда-то жил! Представляешь, какая комбинация?

И это сообщение, похоже, никакого впечатления на Хрякина не произвело.

– И какими ветрами тебя, всего такого знаменитого, в глушь занесло?

– Ну, насчет «знаменитого» ты слегка переборщил, – польщённо отозвался Вадим Петрович, не заметив или проигнорировав легкую иронию в голосе давнего приятеля.

– Да знаем, знаем, интернет регулярно сообщает о твоих трудовых подвигах, – хмыкнул Хрякин.

А, следит! Интересна ему птахинская траектория жизни!

– На открытие автомобильного завода пригласили. Завод здесь построили.

– А говоришь, что ничего там не изменилось. Целый завод! И ты там, значит, в качестве свадебного генерала присутствуешь? Ленточку будешь перерезать?

– Да нет, я концертную программу веду. Концерт будет.

– Всего лишь?

На этот раз насмешка прозвучала совершенно отчётливо, а Вадим Петрович не любил, когда над ним подшучивали.

– Каждый зарабатывает, как может, – ответил сухо.

Сказал и пожалел. Прозвучало так, словно он оправдывался. А с какой стати он, довольно известный артист, должен оправдываться перед каким-то Хрякиным? Тем более,

объяснять, что делает он то, что делает, не бесплатно. Дай бог каждому столько получать, сколько получает он за такой вот выезд. Лишь за то, что пару часов потолкается за кулисами и несколько раз выйдет на сцену! Можно подумать, Хрякин там, в своей Америке стал миллионером и сидит в кабинете с дубовыми панелями. Нет, зря, зря он вообще Хрякину позвонил. Глупая трата и времени, и денег. Ну, оказался в том же самом городе, в той же самой гостинице и даже в том же самом номере, где когда-то они вместе сидели, ну и что с того? Мало ли в его жизни было всяких забавных совпадений? Ему захотелось побыстрее закончить разговор. Но вот так взять и сразу отключиться было неудобно, Вовка ещё подумает, что он, Птахин, обиделся, потому Вадим Петрович спросил:

– А ты-то как там?

– Нормально. Живём. Варька уроки музыки даёт, я в кафе работаю. А твоя чем занимается?

–

Ты о жене? Да я свободен.

– Один, значит?

–

Ну почему же, – усмехнулся Вадим Петрович. – Всегда найдётся женское плечо... – продекламировал бодро чьи-то стихи, чтобы скрыть чувство досады.

Почему-то кольнуло его ревнивое чувство, которому Птахин и сам удивился. Да, один, и что? Сейчас это обычное

дело. Кто бы мог подумать, что они так долго вместе протянут. Варвара, значит, оказалась верной женой. Не разбежались. Ну да и что? Какое ему дело до их семейной жизни? Ну, вместе. Делов-то. И вместе невысоко взлетели. Уроки музыки, работа в кафе. Наверное, официантом каким-нибудь или полы моет. Стоило ради этого переться за океан! Впрочем, Хрякин никогда большим умом не отличался, а чтобы в чужой стране найти хорошую работу, нужно хотя бы язык на приличном уровне освоить. Вряд ли Хрякину это удалось. А вот он зря времени не терял, и кое-чего достиг. Во всяком случае, в кафе не работает. От этой мысли настроение у Вадима Петровича снова улучшилось.

– А сейчас ты не на работе, случайно? Не отвлекаю?

– Да нет. Сегодня там сын делами заправляет.

– Чем же он там заправляет? – снисходительно улыбнулся

Вадим Петрович. – Полы натирает?

– Бывает, что и полы натирает, – согласно откликнулась трубка. – Говорю же, кафе у нас, при спортивном клубе. Давай я тебе фотку на телефон сброшу, посмотришь.

– Да не надо, – начал, было, Вадим Петрович, но Хрякин всё же отправил.

Вадим Петрович увидел на экране мужика в бейсболке, стоявшего на фоне стеклянной двери, на которой был нарисована морда волка и написано название кафе. Он хотел было поинтересоваться, что за мужик, – на молодого хрякинского сына тот однозначно не тянул, – как вдруг понял, что

это Хрякин, собственной персоной. Тот самый Вовка Хрякин, которого он помнил круглолицым и толстым, за прошедшие с последней встречи годы сильно переменялся. Он как будто приобрёл новое тело. Но не раздобрел, как Птахин, а наоборот, стал поджарым и от этого, видимо, казался теперь выше ростом.

– А ты неплохо сохранился, – произвольно вырвалось у Вадима Петровича. – Похудел. А меня вот распирает...

– Ну, так ведь приходится крутиться! Говорю же, Варька кафе не занимается, говорит, это не для неё. Так что всё на мне. Продуктами обеспечить, за персоналом присмотри, за стойкой иной раз целый день, да и уборка, полы, по твоему выражению, тоже приходится натирать. Я и бухгалтерию сам веду. Но сегодня у меня выходной.

– Ясно, – пробормотал Вадим Петрович, чувствуя, что почему-то снова попал впросак. – И чем занимаешься в свой выходной?

– С внучкой гуляю.

– В такую-то рань?

– Это у вас там рань, а у нас вечер уже! – засмеялся Хрякин и загугукал.

Ясно, это ласковое гудение к Вадиму Петровичу никакого отношения не имело.

– И сколько внучке твоей? – задал он последний вопрос, прежде чем окончательно распрощаться.

– Год скоро, – с гордостью сообщил Хрякин. – На Варьку

в юности похожа. Глаза такие же. Оленьи...

ДОРОГА НА АЙ-ПЕТРИ

Самолет приземлился около двух ночи. Борясь с поташиванием, которое было обычным для нее при долгих перелетах, Вера ступила на трап и, после духоты салона, с облегчением вдохнула влажный холодный воздух. И почти сразу замерзла, север есть север даже летом, всего плюс восемь, как сообщили в самолете перед посадкой.

Бледная лимонная полоса высвечивала зябкое мелколестье над низкими сопками. Летное поле, здание аэропорта и несколько щитосборных домиков поодаль – все окутывал прозрачный сумрак, в котором желто и ненужно тлели фонари и окна. Уже не верилось, что из Симферополя вылетали в тридцатиградусную жару, как не верилось в то, что бывают другие ночи, с чернильно-глубоким небом, усеянным крупными звездами, со звоном цикад и густым сладковатым запахом степного чабреца.

Через душный зал ожидания, заполненный истомленными бессонницей пассажирами, она вышла к стоянке такси. В тепле машины ее окончательно разморило. Сквозь мутный полусон пробивался к сознанию знакомый ландшафт – склоны, поросшие мелким березняком и кустарником, черепичные и шиферные крыши домов пригородного совхоза, трубы ТЭЦ. Среди причудливо искривленных деревьев мелькнула

лунная ладонь залива, поворот, и он открылся весь – огромным мерцающим зеркалом. Начался город, тихий, незнакомо безлюдный. Вера закрыла глаза. Серебристая рябь залива сменилась видением бесконечного, дышащего солнцем, пространства... «Брызги света отражаются в глазах. Пляжи – утренних часов молитва... Евпатория. Песок и солнце в волосах. Бьются волны учащенным ритмом».

Вчерашний день – уже вчерашний, хотя сегодняшний еще не наступил, – наплывал то видением пестрого и шумного утреннего базара, то пляжа, переполненного шоколадными телами, то накатывал тяжелой зеленоватой волной... После жаркого песка вода в первый момент казалась холодной, но через минуту тело блаженствовало, взгляд выхватывал стайку мальков, разлетающихся из-под ног на мелководье, взвихрения солнечных бликов на песчаном дне, россыпь ракушек и камешков, далекую округлую линию горизонта... Возвращение к обеду – последний раз по узким улочкам старого города в зыбкой полуденной тени акаций.

Обедали на старой, увитой виноградом, террасе. Собралась довольно пестрая и шумная компания. Этим летом, кроме Веры, у Светки гостили ее институтские друзья, Аня и Вика, кроме того, к обеду пригласили соседа, Светкиного коллегу, учителя, – то ли физкультуры, то ли трудов, – Вера так и не уяснила чего, хотя он забегал почти каждый день. А однажды даже провел ее на закрытый санаторский пляж, где было просторно, а вода выгодно отличалась от общедо-

ступного моря. Когда уселись за стол, хлопнула калитка, и появились два курортника, снимающие времянку в углу сада, после секундного замешательства Светка позвала и их.

– Вот, – кивнула на Веру, – уезжает. Всего десять дней побыла, представляете? Нет, чтобы приехать на все лето.

Вера удивленно подняла голову – в Светкином письме были указаны твердые сроки, «до двадцатого». Потом еще кое-кто нагрывает, «...ты же знаешь, какая у Кости обширная родня». Нет, Вера не знала, что у Кости обширная родня, но стеснять сестру не собиралась, отлично зная законы южного курортного лета.

Чтобы, «как следует» отметить Верин отъезд, Светка в полную силу проявила свои кулинарные способности. Салаты, пироги, тушеный кролик, фрукты и какой-то совершенно немислимый торт, с которого двухлетняя Наташка – племяшка все порывалась содрать вилкой шишечку. Чтобы отвлечь ее, Вера рассказывала сказку.

– ... от дедушки ушел, и от бабушки ушел, и от тебя, заяц, я тоже уйду!

– Вера, попробуй вот этот салатик, – Светка пытается втиснуть в переполненную тарелку ложку еще чего-то бело-оранжевого. – Понравится, дам рецепт. Лопай, тебе нужны калории, ишь, худющая какая.

– Спасибо, – кивает Вера и продолжает сказку. – И покатишься колобок дальше...

Костя сидит как раз напротив. Вернулся из своей очеред-

ной командировки ночью. А утром ее не было – рынок, море. Только за столом и увиделись по-настоящему. Перекинулись парой слов. После пяти или шести лет? Так сразу и не вспомнишь. Где только не бывала она в свои длинные, северные отпуска за эти годы! А вот в Крым – как-то не получалось. Да и в этом году не собиралась, но получила Светкино письмо и решила, что пора приехать. Костя виновато улыбается:

– Как там у вас, в Заполярье, холодно?

– А у вас как? Все так же жара и жара?

Физкультурник захохотал – видно, понравился ее ответ.

– Ездишь ты, Константин, по стране, а ничего, значит, кроме запчастей своих вокруг не видишь!

– Ешь, Вера, ешь. Салат-то попробуй. Ну, как? Правда, в самолетах такими вкусностями не кормят? – Светка в роли хлебосольной хозяйки. – А теперь возьми кролика кусочек.

– Спасибо, не хочется.

– Я возьму, с вашего позволения, – говорит пожилой курортник. – Потому как от общепита сплошное расстройство аппетита.

Физкультурник снова расхохотался.

– Да, в наших столовых такого не увидишь! Твои бы кулинарные способности, Светлана Андреевна, моей жене! Молился бы!

Светка розовеет. Нежный такой румянец на щеках.

– Ска-а-зку, – тянет Наташка. – Колобок...

– Катился-катился и повстречал медведя.

– Иди, Натка, ко мне, дай тете Вере поесть перед дорогой, – Светлана берет дочь на руки. – Неизвестно, когда она теперь снова сядет за стол.

– Да еще за такой! – Пожилой курортник вытирает потную лысину. – Хотя я здесь гость случайный, а позволю себе тост сказать: за хозяйку!

– Нет-нет! – Светка машет рукой. – У нас есть за что выпить.

Но все поддерживают курортника и Светлане это приятно. Приятно сидеть в разношерстной компании, приятно чувствовать себя хозяйкой, матерью, этаким центром дома. На секунду Вера встречается с ней глазами. Наташка тянет ее за руку – дальше!

– А дальше лису встретил. Спел ей свою песенку, а лиса и говорит: сядь мне на нос и еще раз спой!

Наташка делает круглые глаза.

– Съест!

– Да нет, – Вера задумчиво оглядела стол. – Не стала она его есть, а наоборот, всякой всячиной угостила. И покатился колобок дальше...

– Папа! Укатился! – Наташка восторженно смотрит на Веру и хлопает в ладоши.

– Укатился, – подтверждает Костя. – Дальше катился и катился, и катился и приобрел вид совсем неаппетитный. Зачерствел, припылился. Уже и рад бы, чтоб съел кто, да желающих нет.

Костя вздыхает и разводит руками – такой вот, тяжелый случай. Вера невольно улыбается. Курортники усиленно наворачивают кролика. Сидящий рядом физкультурник стучит ножом по тарелке – ему тоже хочется сказать тост. В честь гостеприимного края, который всегда рад гостям! Который щедро дарит свое тепло северянам, и который не прощается с ними, а говорит до свидания, до встречи следующим летом! Костя сосредоточенно ковыряет вилкой фаршированный перец. Пожилой курортник, не переставая жевать, хмыкает: дорогое удовольствие! Курортник в шортах, не проронивший еще ни слова, блаженно жмурится – винцо на славу. Действительно, оно удалось Светке, как и многое другое.

– Главное, не отступать от рецепта, – объясняет она свои удачи. – Выдержать пропорции, ну, вес, чтобы до миллиграмма, время...

– Светлана Андреевна у нас лучший математик в школе, – говорит курортникам физкультурник и тут же поворачивается к Вере. – А художникам ведь тоже, кажется, все эти граммы-пропорции нужны в работе, а? Это нам, профанам, искусство – праздник! Художнику важны соотношения всякие, законы, формулы, да? Жаль, что быстро уезжаете, есть тут недалеко места красоты удивительной, только рисуй! И никакого народу. Когда летите? Поздно вечером? Слушайте, – загорелся вдруг, – сдайте свой билет, пока не поздно, у меня колеса на ходу, завтра покажу такой пейзаж – пальчики облизете! Бывали на Тарханкуте?

– Да мы с ней в свое время весь Крым излазили, – смеется Светка. – Как выходной или каникулы, так сразу в горы, в лес или еще куда! Какой у нас туристический клуб был в институте, да, Вер? Иной раз вспомнишь – до чего же здорово бывало!

Бывало. Правда, Светлана в те времена не особенно увлекалась туризмом. Походы она терпеть не могла и всегда, даже в самых коротких, приходилось с ней мучиться. Правда, тогда Вере казалось, Светка тянется за ней, и это даже где-то льстило. Как же она ошибалась! А впрочем, так ли уж хорошо она понимает сегодняшнюю Светку? Взять это письмо – единственное за шесть лет. «Все-таки сестры» и что там еще? «...просто необходимо увидеться» и «всем вместе собраться» – чего ждала Светка от этой встречи? Зачем ей понадобилась Вера? «Просто увидеться»? Посмотреть, какой стала старшая сестра? А если «всем вместе собраться», то почему именно тогда, когда муж в длительной командировке?

Физкультурник заглядывает в лицо.

– Так приедете? – О чем это он? Ах да, о новой встрече на гостеприимной крымской земле...

Вера отворачивается. У физкультурника близко посаженные, выпуклые глаза и хлебные крошки на усах.

– Следующая встреча на Севере. Там тоже есть что посмотреть.

Физкультурник снова весело скалит зубы, словно она ска-

зала что-то отменно остроумное.

Зачем собрала Светка это странное застолье? Ладно, друзья, но зачем пригласила этого физкультурника? И этих двух курортников усадила за стол... вон как уплетают бесплатную снедь. И во главе стола она, щедрая розовощекая хозяйка, по бокам которой сидят Вера и Костя.

Мыли посуду. Кухня у Светки сияла испанским кафелем. И газ провели, колонку поставили, в старом чулане оборудовали ванную.

– Да все это недавно... Но тут что не сделай – вздыхает Светка, – лучше не будет. Тесно. И комнаты, и кухня и коридор – все крошечное, не развернешься. А как мучаемся летом, когда гости! И не пригласить нельзя, все-таки у моря живем, а пригласишь – никакого отдыха, одни мучения. Но мы нашли выход. Знаешь, мы решили этот дом продать, – Светка внимательно посмотрела на Веру. – Ты как, возвращаться не думаешь?

– Да нет пока.

Светка понимающе кивает головой.

– Конечно, там у тебя все-таки какие-никакие перспективы, работа интересная. Здесь так никогда не устроиться, просто негде... И квартира у тебя, не чета этой развалине. Значит, ты не возражаешь, если мы этот дом продадим? Понимаешь, тут такая формальность, на продажу требуется твое разрешение. Наследницы-то мы обе. Конечно, если вдруг задумаешь вернуться – твоя часть дома, вернее, стоимость...

– Светка на секунду смешалась.

– Я согласна, – все равно ведь ничего не осталось от их старого дома, все перестроено и перекроено.

– Тогда давай сейчас в нотариальную сбегаете, а? – быстро говорит Светка, вытирая руки. – У меня все документы готовы. Это всего полчаса у тебя отнимет. Понимаешь, не хочется откладывать. Я уже дом присмотрела, там участок в три раза больше нашего, молодой сад, сама знаешь, что такое фрукты – всегда живая копейка! И дом просторный, хотя, конечно, запущенный страшно, что хорошо, с одной стороны, недорого продают, но придется повозиться...

Светка оживилась, разволновалась даже, рассказывая, какие она наметила переделки в том, новом, еще не купленном доме, какой ремонт, какие купила обои для детской, и какие для спальни.

– Я покажу, если хочешь.

– Некогда уже, в другой раз, – Вера сняла фартук. – До автобуса три часа, а мне еще вещи нужно уложить.

– Конечно, конечно, – понимающе кивает головой сестра. – Тогда быстро к нотариусу, это рядом, через улицу. Я с ним уже договорилась... по телефону.

Потом были поспешные сборы. Светка заворачивала в целлофан огромную бройлерную ногу, бутерброды, мыла и вытирала персики – «прямо с дерева!», наполнила компотом огромную бутылку иностранного происхождения.

– Зачем все это? Я не собираюсь носильщика брать.

– Мы проводим! А дорогой не съешь, так выбросишь. В самолетах сейчас, сама говорила, не очень-то кормят.

– Да что со мной за четыре часа случится, если и не поем?

Но возражать Светлане бесполезно. Нагруженные чемоданом, сумками и корзинкой, двинулись на автостанцию. Последние рукопожатия, поцелуи у автобуса, идущего в аэропорт.

– Не забывай нас, – Светка неожиданно всхлипывает. – Совсем затерялась на своем Севере. Как мама умерла, ни разу ведь не приехала. И позвони, слышишь, обязательно позвони, как долетела. Обязательно!

Костя улыбается напряженно и больно стискивает Веру ладонь. Обещает нагрянуть – чем черт не шутит! Должность у него такая – колесить по стране. Звучит не престижно – снабженец, но нужнее работника на заводе нет. Вот и мотается. И не без личной выгоды, – бесплатно путешествует. Мало кто может похвастаться, что умывался водой из Байкала, Охотского и Белого морей, не говоря уже о Черном в один год!

– Не трещи, – останавливает его Светка. – Помоги лучше с багажом.

Последний взгляд, слабый кивок: как ты? Я-то в порядке, а вот ты, вечно командированный... ты как, бедный колобок?

Вера открыла глаза – такси остановилось. Расплатилась с

водителем, взяла саквояж, корзинку с сумкой и медленно потащила к подъезду, а потом с этажа на этаж, также медленно, подолгу отдыхая на площадках. Лифт на ночь почему-то отключали. Наконец-то, шестой. Отыскала ключ. Как будто никуда и не уезжала, до того привычно, знакомо все. Дверь захлопнулась, мягко шлепнулся на пол саквояж. Все, все по-прежнему, никаких изменений, если не считать слоя пыли на полу и зеркале. Вера стягивает свитер, роняет на пол. Нагибаться лень. Устала и очень хочется есть, чайник – на плиту, включить холодильник и – под душ. Вначале под горячую, потом под холодную струю. Вера долго растирается полотенцем, влезает в теплый халат, в комнате прохладно. Это тебе не жаркая южная ночь, когда нечем дышать, несмотря на раскрытые настежь окна. Поеживаясь, заваривает чай, достает приготовленные Светкой бутерброды. Действительно пригодились. А бройлерную ногу – на обед, пусть пока посидит в холодильнике. И яблоки туда же с персиками заодно. Наливает чай, огромную бульонную чашку, выбирает бутерброд с сыром и идет в комнату. Опустившись в кресло, впиивается в него зубами, запивает маленькими глотками. Глаза привычно скользят по акварелям над рабочим столом. Давно пора их снять, пока окончательно не выгорели. А над диваном убрать наброски и снова повесить «Дорогу на Ай-Петри». Наверное, это лучшая ее вещь.

Допив чай, Вера встает, перебирает журналы на столе. «Дорога на Ай-Петри» – лучшая работа молодой талантливой

вой художницы...». Даже какие отзывы были! Собственно говоря, статьи всего две – в молодежном журнале и областной газете. Приятно, конечно, но было и кое-что поважнее них – картину хотел купить Дворец молодежи. Почему она тогда не продала? Вера встает, шлепает босыми ногами в конец коридора и достает из кладовки «Дорогу...», ставит на диван. Лес – охра и золото – середина октября. В центре двое, во весь рост, идут по пустынной лесной дороге. Господи, как давно это было! И было ли? Может быть, все просто придумано в одну из таких вот белых ночей, когда не спится и разыгравшееся воображение подсовывает одну картину фантастичнее другой? Один из вариантов ее неоконченной серии «Ночные фантазии».

Вера не празднует дней рождения. А здесь, на картине – день ее рождения.

С треском лопается кожа падающих каштанов.

«Открой портфель!» – «С чего это вдруг?» – «Открой, говорят!» Глазеющие старухи чинно сидят на лавках, поджидая автобус. Они куда едут? Тоже на Ай-Петри? Может быть, у кого-то из них тоже день рождения. «День рождения нужно праздновать так, чтобы потом полвека помнить!». Очень авторитетное заявление. А дальше что? «Едем на Ай-Петри!» – «Что, прямо сейчас?». Ирония до него не доходит. «Само собой. День рождения-то у тебя не в воскресенье». – «Здрассьте! А уроки?». – «Да что тебе сделают за

один-единственный прогул?», – изумляется. Аргумент убедительный. «У меня-то, положим, единственный, зато у тебя... Вот где ты вчера пропадал? Классная дама просто рассвирепела. Пусть, говорит, только явится без родителей! Так что готовься». – «Вот видишь, мне тоже можно не ходить в школу со спокойной совестью, все равно бы сегодня выгнали за матью. Выход один – ехать на Ай-Петри!». – «Тогда мне дома никакого дня рождения не будет, – подумав, сказала она. – И вообще, ты представляешь, как далеко это ехать?». – «Да чего ты трясешься, у меня все как в аптеке рассчитано!». – «А я на вечер девчонок пригласила». – «С тобой бесполезно разговаривать! – возмущается. – Полчаса долблю: открой портфель!». – «Что это?». – «Дома посмотришь, а сейчас давай быстренько вперед – экипаж подан!». Огромный красный автобус остановился у самой дальней платформы. «А билеты?»

Все еще не верилось, что это не розыгрыш, не глупая шутка. «Стал бы я приглашать тебя, если бы не было билетов? – ухмыльнулся. – Давай быстрее! У тебя будет единственный в жизни настоящий день рождения».

Пророческие были слова. Действительно, такой – единственный. Такого больше не было.

Они сели в автобус, который довез их до Соколиного, последнего села в предгорье, а дальше пошли пешком, надеясь подъехать на каком-нибудь туристском транспорте или попутной машине. Но машин в октябре на горной трассе мало.

Они шли и шли, взявшись за руки, поворот за поворотом, вперед и вверх. Дробно застучал по листьям мелкий дождь, зашелестел в листве орешника у дороги, в лесу. Становилось все холоднее и холоднее, а они все шагали, то болтая о чем-то, то молча, и почти выбились из сил, когда, наконец, снизу донесся напряженный гул, берущего крутые подъемы, мотора. Дальше ехали на грузовичке, который вез продукты в заповедник. Дорога становилась все круче, звук мотора все напряженнее, громче – говорить было невозможно. И они молчали, и боялись шевельнуться, прижатые к друг другу теснотой кабины. Шофер искоса поглядывал на них и тоже молчал. Высадив на плато, ткнул пальцем в сторону ресторанчика – в четыре там останавливался автобус из Ялты на Бахчисарай, им можно будет вернуться. Когда отправлялись с автостанции, утро обещало почти летнюю жару. В долине предгорья стояла ясная теплая погода, щедрыми красками были расцвечены сады и леса на склонах гор. А здесь, наверху, царила поздняя осень. Пронизывающий ледяной ветер гнал, рвал в клочья, облака. Они сразу промерзли до костей и побежали через эти белесые клочья тумана, подставляя лица резким крупным каплям, спотыкаясь о камни и спутанные, выпирающие из земли корни высокой жесткой травы. Кричали и дурачились, бежали, пока не оказались на огражденной смотровой площадке, откуда, с головокружительной высоты, открывался изумительный вид на безмятежную, залитую солнцем, Ялту.

Спать расхотелось. Еще некоторое время Вера сидела в кресле, изучая холст. Теперь, по прошествии времени, она видела недостатки картины – излишнюю подробность в деталях и, пожалуй, все слишком ярко. И эта фотографическая точность лиц... Девочка с плотно сжатыми губами и упрямым взглядом человека, твердо определившего свой жизненный путь и – добродушно улыбающаяся физиономия ее соседа по парте, который пока еще даже не подозревает о существовании профессии инженера-снабженца.

Перепишу, решила Вера. И тут же усмехнулась собственной глупости. Разве можно что-то исправить? Да она никогда и не возвращалась к старым работам. «Дорога...» останется такой как есть.

И нужно же было ему вернуться из командировки в этот последний перед ее отъездом день! Что-то успел провернуть пораньше, вырвал какие-то там поставки досрочно и прилетел. Разрушил сложные Светкины расчеты – не все оказывается можно рассчитать, даже талантливые математики ошибаются. Вера потянулась к нижнему ящику книжного шкафа, где хранились какие-то старые записи и старые пластинки. Долго перебирала конверты, наконец, нашла – истертый, самодельный, из плотной синей бумаги. Подняла крышку проигрывателя. Сдавленный от волнения, измененный микрофоном, незнакомый голос: «Дорогая Вера, поздравляю с днем рождения. Желаю...».

«Так где же ты вчера был? Лира Петровна...». – «Ну, за-
ладила: Лира -Лира! Она отличная тетка. Извинюсь, пуцу
слезу, скажу, что не с кем было оставить младшего брата и
все такое, простит. Она всегда и всех прощает, что ей еще
остается делать? И потом, это ж завтра будет. Дожить еще
надо. Вернуться, как говорится, живыми с задания. Знаешь,
что такое дорога на Ай-Петри осенью? – сделал страшные
глаза. – А если дождь? А может быть и снег! Так что забу-
дем о завтра. А вчера я совершил исторический акт – запи-
сал свой голос для потомков. Ведь будут же у нас когда-ни-
будь дети! Ну и внуки, само собой. Представь: в каждый твой
день рождения и через пятьдесят лет, и через сто, они, а по-
том их дети, будут собираться на большой семейный празд-
ник. Может десять человек, а может и в десять раз больше
– неважно, – главное, будут собираться, обсуждать свои се-
мейные проблемы, разбирать поведение какого-нибудь Кон-
стантина–семнадцатого – внука-правнука, удравшего с уро-
ков в путешествие по Солнечной системе или что еще... Но
первым делом, собравшись вместе, они будут включать стар-
инный, допотопный такой проигрыватель, ставить эту пла-
стинку – семейную реликвию, и в торжественной обстанов-
ке слушать голос своего предка. Чего ты закатываешься? –
возмутился. – Абсолютно ничего смешного!». – «Но зачем
эта «реликвия» мне?». – «Ну, женщины, они склонны соби-
рать и хранить всякий хлам. У тебя надежнее!» – «Это тебе
только кажется. Мать моя сжигает всякие ненужные вещи, а

когда был жив отец, так он просто трясся над всякой чепухой. Болты, марки, монеты... Целые коллекции остались». – «Присоедини к ним и эту запись».

«Дорогая Вера!»

«Где ты шатаешься? – Мать домыывает пол на веранде. – Где ты была? С кем это видели тебя на автостанции? Куда ты ездила?». – «Это мое дело». – «Твое? – гневно переспросила, бросая швабру и тяжело опускаясь на стул. – В таком возрасте по ночам шляться? Был бы жив отец, он бы тебе показал». На глазах у матери появляются слезы. «Где ты была?»

«Вера, ты начинаешь жить не с того, – в углу дивана классная, Лира, как она сразу ее не заметила? – Почему ты молчишь? Тебя видели...». Кто? Рано утром на автостанции, кто был там, среди едущих на базар старух? Кто следил, вольно или невольно и не поленился сообщить не только матери, но и Лире?

«От кого эта записка, Вера? – В руках классной дамы белый клочок бумаги. – В семь на автостанции». В семь! А сейчас почти двенадцать ночи. И мы ждем тебя, волнуемся... Ты подумала о матери, Вера?». У Лир тихий, деланно-спокойный тон, у матери – гневно-раздраженный. «Ращу их одна, надрываюсь... Вот и благодарность, за все хорошее!»

Вера ложится в постель.

«Светка! – зовет шепотом сестру. – Спишь? Слышишь, кто мог видеть нас и так все раздуть?»

Ни вдоха, ни звука не доносится с кровати, стоящей у противоположной стены.

Вера встает с кресла, выключает свет. Утро. Низкое яркое солнце вынырнуло из-за сопки, отразилось, дробясь, сразу в сотнях окон нового микрорайона. Вера открыла раму. Холодный ветерок с залива ворвался в комнату – куда делись и запах пыли, и дремотное состояние! Мимо дома, шурша шинами, прокатил первый троллейбус. Хлопнула внизу дверь подъезда, выбежал бодренький старичок в спортивном облачении, потрусил к стадиону. Следом бежала молодая овчарка. Нет, спать не хотелось. Поработаю, решила Вера, жаль терять такое утро. Взгляд упал на картину. Вера сдернула несколько карандашных набросков со стены и, нашарив рукою давно забитый гвоздь, повесила на него «Дорогу на Ай-Петри». Вещь, конечно, далекая от совершенства. Но и ей не семьдесят лет – все еще впереди.

ДОМ СОЛНЦА и ПЕЧАЛИ

Ночное дежурство прошло спокойно, Любовь Ивановна даже успела поспать. Она переоделась и уже собралась уходить домой, когда в ординаторскую заглянула сменившая ее на посту Даша.

– Главврач только что звонил, просит срочно зайти к нему в кабинет.

– Зачем? – удивилась Любовь Ивановна.

Даша пожала плечами.

– А я почему знаю? Всегда найдется, к чему придраться! – и исчезла за дверью.

Ну, положим, у Дарьи грехов немало – сегодня, вот, опять на дежурство опоздала, невнимательная, случилось даже, врачебные назначения путала, и с больными грубовата – это в хирургическом-то отделении! – но за собой Любовь Ивановна не знала ничего такого, за что к ней следовало бы «придраться». На всякий случай снова натянула халат, надела туфли «внутреннего пользования» – главный не любил, когда медперсонал являлся к нему в уличной обуви, – и, пройдя длинным коридором в корпус «А», постучала в дверь. Обухов говорил по телефону, консультировал кого-то, перебирая лежавшие перед ним бумажки – справки и анализы. Увидев Любовь Ивановну, кивнул в знак приветствия, сделал приглашающий жест рукой и указал на стул. Она вошла и села, ожидая, когда Сан Саныч освободится. Наконец, тот положил трубку, отодвинул в сторону бумажки и спросил:

– Любовь Ивановна, вы ведь одна живете?

– Одна, – кивнула она, недоумевающая, с чего это он задает такие странные вопросы. Они знали друг друга довольно хорошо, потому что, когда – двадцать пять лет назад – Люба пришла во второе хирургическое, Обухов, тогда еще молодой и красивый, этим отделением заведовал. Оттуда и начал

свое восхождение в кабинет главврача областной больницы. Так что уж кому-кому, а ему отлично известно, что Любовь Ивановна живет одна.

– Знакомые ищут медсестру по уходу за бабушкой, – объяснил главврач. – Уколы, процедуры, наблюдение, ну, и побыть с больной несколько часов в день. Просили порекомендовать ответственного, и желательно, одинокого, человека.

Понятно, чтобы домой не спешила.

– Уколы могу поделать, – сказала Любовь Ивановна. – А сидеть у постели... – покачала головой. – А почему они сиделку не наймут?

– Хотят, чтобы медсестра была. Опытная.

– Ну, не знаю...

После смены в отделении, еще одно дежурство на дому – нет, это уже не по силам, возраст не тот.

– Ну, нет, так нет, – вздохнул Сан Саныч и перешел на «ты», верный признак того, что официальные переговоры закончились. Теперь будет на жалость давить. – А из новеньких, не знаешь кого понадежнее? Люди состоятельные, обещают хорошо платить. Очень хорошо.

Деньгами зря никто сорить не будет. Видно, тяжелая бабushка, сделала вывод Любовь Ивановна.

– Тяжелая, – кивнул главврач. – Семьдесят пять лет. Диабет, второй инсульт. Такую, кому попало не доверишь. – Скрытая лезть. Намек на то, что Любовь Ивановне доверять можно, справится, и ему перед родственниками боль-

ной, краснеть не придется. – Может, все-таки подумаешь?

– А как же дежурства?

Отказывать прямо не хотелось, но и соглашаться она не спешила.

– Поставим дежурства так, чтобы можно было совмещать то и другое, – с готовностью предложил главврач.

Ясное дело, какая-то очень важная шишка об одолжении просит.

Она не успела ничего ответить, как телефон зазвонил снова.

– Люба, вот адрес и телефон. Они тут неподалеку живут, на улице Морской. Хотя бы просто зайди, посмотри, что там. Желательно сегодня, – почти умоляюще произнес Сан Саныч, прежде чем снова погрузиться в хозяйственные или медицинские переговоры. – Может быть, условия покажутся тебе подходящими...

Любовь Ивановна взяла протянутую бумажку с адресом и телефоном, и сунула ее в карман халата. Зайти можно. Морская действительно недалеко от больницы, даже ехать не надо, минут десять пешком. Жила Любовь Ивановна в пригороде и второй раз тащиться в город по августовской жаре не хотелось. Так что лучше сейчас выполнить просьбу главврача. А после визита можно будет в новый супермаркет заглянуть, где еще не бывала, посмотреть, какие там цены на продукты. Вообще, неплохо прогуляться. А то, как заведенная, день за днем ходит по одному и тому же маршруту: дом –

автобус – работа, работа – автобус – дом...

Может быть, дела у больной не так уж и плохи. И деньги, сколько их не зарабатывай, никогда не бывают лишними. Если действительно будут платить хорошо, можно будет, наконец-то, сделать ремонт в ванной. Любовь Ивановна покачала головой. Похоже, она, еще не видя пациентки, уже соглашается.

Спустившись по ступеням отделения, пересекла больничный садик и, выйдя за ворота, направилась не к остановке, как обычно, а к центральной площади. Хотя машин на улице было много, воздух с утра был еще относительно свежим, и Любовь Ивановна с удовольствием шагала по улице. Перед перекрестком, ожидая пока остановится поток машин, посмотрела на бумажку с адресом: ул. Морская, 7.

И вдруг ощутила прилив крови к лицу. Дом номер семь. Семь. *Тот самый* дом.

Бывая в центральной части города, она, как-то инстинктивно, всегда обходила этот дом стороной, что было нетрудно, поскольку он стоял в глубине двора.

С юности сформировалась у нее одна – полезная, как она считала, – привычка. Забыть, забыть, забыть, твердила Любовь Ивановна бесчисленное множество раз, когда случалось в ее жизни что-то очень неприятное. И так много раз она повторяла это «забыть», что, в конце концов, слово становилось действием. Ей удавалось, если не забыть, то хотя

бы притупить чувство обиды за несправедливое к ней отношение. Или смягчить ощущение стыда за какой-нибудь, не очень, с ее точки зрения, хороший поступок с ее стороны.

Но этот дом не подходил под определение неприятностей, даже самых больших. Этот дом был больше, чем самая большая неприятность. Этот дом – дом-катастрофа. Не пойду, решила она. И готова была уже повернуть обратно, но тут на противоположной стороне улицы загорелся зеленый свет и ее, подталкивая со всех сторон, толпа, буквально, вынесла на проезжую часть. И она подчинилась этому потоку, пошла туда, куда шли все. Это было как знак свыше: надо идти вперед. В самом деле, хватит переживать давно пережитое. Надо оставлять прошлое прошлому, надо научиться прощать обиды, как делала это ее бабушка. Нет уже ни той маленькой девочки, ни девушки, которую когда-то смертельно обидели, в настоящий момент улицу переходила сорокапятилетняя женщина, прожившая более-менее достойно уже большую часть своей жизни. Почему бы этой женщине не посмотреть, наконец, новыми глазами на дом и на двор, где прошло ее счастливое детство?

Папа называл их дом «домом солнца». То ли от того, что квартира была солнечной, то ли потому, что на торцовой стене дома сияло яркое мозаичное лето – мозаичное желтое солнце, восходящее над мозаичным голубым морем, которое бороздили белые мозаичные корабли. Дом был построен для семей моряков дальнего плавания. В нем были большие

удобные квартиры необычной планировки. Детская площадка во дворе, среди кустов и деревьев, тоже была необычной – песочницу охраняли тюлени, среди цветов два дельфина подставляли свои спинки желающим прокатиться, а в углу площадки под высоким деревом был большой кораблик с рубкой и капитанским мостиком. Сохранились ли они?

Волнуясь, она свернула во двор, прошла еще один и вот, наконец, дом, на торцевой стене которого все так же, как когда-то, сияло солнце и плыли куда-то корабли. Но мозаика местами уже отпала, и серые проплешины проступали на море и на небе, и на кораблях. От бывшего великолепия детской площадки остался лишь облупленный кораблик, сиротливо кренящийся над грязной песочницей. Почти весь дворový сад вырублен, и большая часть площадки была теперь залита асфальтом, на котором теснились, блестя под ярким солнцем боками, фарами, тонированными стеклами, иномарки. Дом был и оставался престижным.

Странно, что она и в самом деле в нем когда-то жила.

Нет, не она, тут же поправила себя. Не она, а маленькая, любимая папой и мамой, счастливая девочка. Которая, непонятно за какие провинности, лишилась вдруг в течение короткого времени и мамы и папы и своего счастливого дома...

Мама умерла зимой, когда Любе только-только исполнилось шесть лет. Тогда-то она впервые и услышала это грозное слово: рак.

Наверное, год они жили с отцом вдвоем. Когда он уходил

в плавание, к ним на какое-то время переселялась мамина мама, бабушка Клава. Этот – предшкольный – год Любовь Ивановна помнила не очень хорошо. Он слился в ее памяти в один длинный зимний день в детском саду, – ее отдали на пятидневку. Были еще и пугающие длинные ночи в большой и холодной спальне, куда собирали ребят изо всех групп. Когда воспитательница выходила, они рассказывали друг другу сказки и всякие ужастики. Только Любочка ничего никогда не рассказывала, до краев наполненная тоской по дому, по маме и папе, по своей комнате и своей кроватке, над которой висел пушистый коврик с Белоснежкой и гномами. Но в своей кроватке она спала теперь только по выходным.

Вероятно, в один из таких выходных и пришла к ним Любочкина учительница по музыке, мамина подруга тетя Сима, поскольку в тот день все были дома – и папа, и бабушка, и она, Любочка. «Вам надо продолжать учить девочку, – сказала тетя Сима, – у нее абсолютный слух и большие способности». Папа, виновато отводя глаза в сторону, кивал головой, а бабушка, выслушав учительницу, сказала прямо: не получится. «Некому ее водить в музыкальную школу, отец ее, как вы знаете, плавает, а я уже достаточно старая женщина, пока сюда из деревни своей доберусь, устану, а надо еще ребенка из садика забрать и на другой конец города везти в вашу школу... не по силам мне. Да и что даст ей эта музыка?» «Ваша дочь была выдающейся пианисткой», – растерялась тетя Сима. «Музыка ее не спасла, – горько улыбнулась

бабушка. – А сколько сил и денег она нам стоила – не рассказать. Нет, пусть Любочка сначала школу закончит, а потом уж и выбирает, кем ей стать, музыкантом или еще кем-то». «Вы же прекрасно понимаете, что потом она музыкантом не станет», – покачала головой тетя Сима. «Мы подумаем, подумаем», – повторял папа, провожая учительницу до двери. Думали ли они или нет, но в музыкальную школу Люба никогда больше не ходила.

Осенью она пошла в первый класс. Их выстроили на торжественную линейку впереди больших школьников, они стояли долго, слушали музыку и слова, которые говорили учителя. Под конец Любочка устала, и все искала глазами папу, ей хотелось, чтобы он поскорее забрал ее из этой большой толпы школьников. Отыскать папу было нетрудно, он один был в красивой морской форме. Когда она в очередной раз посмотрела в его сторону, то увидела, как он оживленно разговаривал с какой-то женщиной с черными длинными волосами. После линейки они подошли к Любочке вместе. «Познакомься, – сказал папа, – это тетя Анфиса». Женщина внимательно посмотрела на нее большими черными глазами, и растянула губы в ненастоящей улыбке, отчего Любочке стало страшно.

Свадьбы не было. Папа просто привел домой тетю Анфису. И не одну. Вместе с мачехой в их доме появилась высокая полная девочка с круглыми черными глазками на очень белом лице.

– Ты ведь хотела иметь сестричку? – спросил папа каким-то не своим, каким-то слишком веселым голосом. – Вот Люся и будет твоей старшей сестрой. Она учится в пятом классе. Вы будете жить в одной комнате, ходить в одну школы и обязательно подружитесь. Ведь не зря же у вас даже имена одинаково начинаются: Лю и Лю. Так мы и будем теперь вас звать: Лю-большая и Лю-маленькая. Красиво, правда?

Любочка едва верила своим ушам. Эта толстая большая девчонка будет жить в *ее* комнате и называться *ее* сестрой? Значит, папа будет считать своей дочерью не только *ее*, Любочку, но и эту противную толстушку? Может быть, он пошутил? Но, судя по его серьезному, напряженному виду, папа не шутил. Ей снова стало страшно. Это не обещало ничего хорошего. Сколько сказок читала ей мама и бабушка о злой мачехе и о злой мачехиной дочке...

– Она не может быть моей сестрой! Сестра это когда у детей и папа и мама одни и те же! А у нас мамы разные, и ты не *ее* папа, а только мой! – крикнула Любочка и убежала в свою комнату, где спряталась за дверь. Размазывая по лицу слезы, она слышала, как папа произнес, словно извиняясь:

– Не обижайся на нее, Люся, она привыкнет.

– А я и не обижаюсь, – послышался спокойный голос новообращенной сестры. – Она еще маленькая и многого не понимает.

В *Любочкиной* комнате, поставили еще одну кровать. Туда

же принесли папин любимый письменный стол, который до этого стоял в спальне. Детям нужнее, сказал папа.

Теперь после продленки Любу из школы забирала ее «старшая сестра». Нет, она, вопреки Любиным страхам, совсем ее не обижала. Но и дружбы между ними никакой не было. Насколько помнилось Любе, они почти и не разговаривали. Люся была девочкой замкнутой и немногословной, она любила читать и смотреть телевизор. Ее мать также едва интересовалась жизнью Любочки. Впрочем, и своей дочерью ей заниматься было некогда – Анфиса работала секретарем в суде, уходила на работу рано, возвращалась поздно. Теперь каждый в их доме жил сам по себе, был сам по себе, и это было так необычно после той веселой и шумной жизни, которая была раньше, когда жива была Любочкина мама.

Через год после новой женитьбы, отец повесился. Случилось это когда выпал первый снег. Она играли во дворе в снежки с ребятами, когда во двор въехала машина скорой помощи. Вышла Любина соседка и велела детям идти по домам, а потом, наклоняясь, спросила, не хочет ли Люба посмотреть у нее мультики. И увела ее к себе домой, угостила чаем, а потом Люба до вечера смотрела телевизор, пока за нею не пришла Анфиса. Похорон Люба не помнила, возможно, она на них и не была, но помнила, как ее и бабушку везли на машине к бабушке в деревню. Помнила, как сидя на диване в полутемной комнате, она плакала, не веря, что и папы у нее теперь больше нет, и время от времени задавала

бабушке один и тот же вопрос: зачем, зачем он так поступил?

– Теперь, деточка, у него уже не спросишь, – гладила ее по волосам шершавой рукой бабушка, прижимая к себе.

И в самом деле, никогда не узнать, что послужило причиной такому необъяснимому поступку – напряжение ли, вызванное долгим рейсом, или были какие-то проблемы в новой семье, или – как хотелось думать Любе – тоска по первой жене, с которой были они как одно целое. «Твоя мама его позвала, – обронила как-то бабушка, – скучно ей там без него». Слова эти навсегда врезались в детскую память.

«Как, как вы могли так со мной поступить?! – став взрослее, глядя в небо, спрашивала Люба родителей. – Как вы могли оставить меня здесь одну?»

Но время шло, и с возрастом она научилась со многим смиряться. Со своим одиночеством, с несправедливостями жизни. С тем, что у нее отняли ее дом. С тем, что не было возможности заниматься музыкой, к которой у нее, по словам ее учительницы, были несомненные способности, и которую она любила также как ее мама.

После похорон бабушка забрала восьмилетнюю Любу жить к себе.

– Пусть остается здесь, – предложила мачеха. Но по ее голосу даже восьмилетняя Люба поняла, что Анфисе совсем не хотелось, чтобы падчерица жила с ней и с Люсей.

– Нет, – сказала бабушка, собирая Любины вещи. – Одна она у меня осталась. Если и с ней что-то случится, век себе

этого не прощу.

– Что вы такое говорите? – возмутилась Анфиса. – Да еще при девочке! Я хотя бы раз обидела этого ребенка?

– Что думаю, то и говорю. – Бабушка была прямая женщина. – Думать-то вы мне, хоть и в суде работаете, не запретите?

– Ну, знаете! – С пылающими щеками Анфиса выскочила из комнаты.

И Любочка с бабушкой уехали, взяв с собой чемодан с детскими вещами, и оставив мачехе и ее дочери квартиру в «доме солнца» на Морской.

Больше Люба там не бывала.

Когда ей исполнилось шестнадцать, бабушка решила заявить о Любиных правах на квартиру.

– Дом мой деревенский так и так тебе останется. Но когда поступишь учиться, а там, Бог даст, и работать пойдешь, тебе будет сподручнее в городе жить, – рассуждала вслух, – не придется вставать ни свет, ни заря, чтобы на электричку, или на автобус успеть. Сглупил твой отец, прописал эту, – бабушка не называла Анфису по имени. – И теперь она всю квартиру тебе, конечно, не отдаст, хотя и должна бы. И вместе жить вряд ли захочет, так что один выход, – вздыхала бабушка перед тем, как отправиться в город. – Надо разменять квартиру на две. Тебе, пока семьи нет, и одной комнаты хватит.

Вернулась поздно вечером, сама не своя. «Бог ей судья, – повторяла трясущимися губами. – Бог ей судья». Никогда еще не видела Любочка бабушку в таком состоянии.

Оказалось, мачеха уже давно, какими-то правдами и неправдами переоформила квартиру на себя, и по всему теперь выходило, что Люба не имеет никаких прав на жилплощадь своих родителей. Соседи советовали подавать в суд, но бабушка отказалась. «Не по силам мне с ней тягаться. Она сама в суде работает. Купила там уж все». Больше о квартире они с бабушкой не говорили. Люба не хотела тревожить дурными воспоминаниями бабушку, а бабушка – Любу.

И вот она снова во дворе дома, где прошло ее раннее детство.

Любовь Ивановна не помнила номера квартиры, помнила только, что та располагалась на третьем этаже, и что в ней всегда было много света. Окна спальни и детской выходили во двор, то есть, на юг, окна кухни и большой комнаты смотрели на восток. Если день был ясным, солнце было повсюду, проникая во все уголки их большой трехкомнатной квартиры. Тогда каждая комната казалась ей огромной.

Снова взглянув на визитку – девятая квартира, – Любовь Ивановна направилась к первому подъезду. И остановилась, словно натолкнувшись на препятствие. Следовало, конечно же, вначале позвонить. Но, нет, заспешила, а теперь, вот, стой. Огромная железная дверь подъезда была украшена ко-

довым замком. Но на ее счастье, ждать долго не пришлось. Было утро, люди шли на работу, по делам, и не прошло и пяти минут, как она уже поднималась по ступеням широкой лестницы. По три квартиры на лестничной площадке, значит, ей нужен третий этаж. Третий. Этаж. Она уже знала – еще один пролет, и она окажется...

Так и случилось, она стояла перед дверью *своей* квартиры. Сердце снова нервно застучало, готовое выпрыгнуть из груди. Да, надо было помедленнее подниматься, давно уже не та девочка, которая жила здесь много лет назад, и мигом одолевала все эти ступени и потом, глядя с площадки вниз на папу и маму, кричала: а я первая! Первая! Первая!

Она постояла, успокаиваясь, разглядывая дверь. Дверь, конечно же, была другая, металлическая, под дерево, с блестящим глазком и сияющей ручкой. Тогда таких не водилось. Глубоко вздохнув, Любовь Ивановна нажала кнопку звонка. Кто-то шуршал, медля, за дверью, видимо, изучая гостью в глазок. Слава Богу, традиционного вопроса: кто? – не последовало. Глупый вопрос, и чувствовала себя Любовь Ивановна всегда в таких случаях глупо, пытаясь сообразить, что ответить. Люба? Любовь Ивановна? Или по фамилии назваться?

Наконец, дверь приоткрылась, явив в щель утомленное, слегка недовольное, лицо молодой женщины.

– Меня зовут Любовь Ивановна. Я медсестра, – представилась Любовь Ивановна как можно официальнее. – Глав-

врач областной больницы, Александр Александрович, попросил меня зайти. Извините, что не позвонила.

Похоже, медсестра здесь была нужна как воздух, поскольку лицо мигом преобразилось, просияв широкой улыбкой.

– Проходите!

И, перешагнув порог, Любовь Ивановна попала в *свою* прихожую. Как и когда-то, прихожая оставалась полупустой и просторной. И тот же вместительный шкаф в углу, екнуло сердце. Тот самый шкаф, который много-много лет назад сделал ее отец. Натуральное дерево, покрытое светлым лаком. Она прикрыла на мгновение глаза и тут же вспомнила свежий запах этого лака, и черноусого дядьку, с которым отец собирал этот шкаф. А вот двери и здесь поменяли, теперь все они, за исключением двери, ведущей на кухню, были глухими, из темного дерева.

– Нет-нет, не разувайтесь, не надо, – оглянувшись, истолковала по своему задержку гостыи в прихожей молодая хозяйка. – Сюда, пожалуйста.

Любовь Ивановна последовала за ней в большую комнату, и, опустившись на краешек дивана, осторожно огляделась. Этой комнаты она не узнавала. Здесь все было другим, чужим, – обои, шторы, темной полировки мебельная стенка и большой песочный ковер на полу. Даже окна были другие – металлопластиковые? Кажется, так они называются. В самом деле, а чего она ждала? Почти сорок лет прошло с тех пор. Здесь давно живут чужие люди, которые наполнили эту

квартиру своей, чужой, жизнью. Волнение ее стало угасать. Теперь она могла сосредоточиться на том, что ей говорят.

– ...нужен уход, а у нас все работают, – словно оправдываясь, объясняла женщина. – И муж, и свекровь, и я. И, понимаете, никто не может бросить работу.

– Понимаю, – кивнула Любовь Ивановна.

Работать легче, чем ухаживать за тяжелобольной. И деньги платят.

– Просто безвыходное положение.

– Ну, по-настоящему безвыходные положения, к счастью, случаются редко, – заметила Любовь Ивановна.

– Свекрови скоро на пенсию, она никак не может. И я не могу, я через три месяца в декрет уйду... надо эти месяцы доработать, чтобы декретные получить.

Только тут Любовь Ивановна заметила, что молодая хозяйка квартиры беременна. И ее кокетливый халатик не что иное, как специальное платье для будущей мамы.

– Но даже если бы я и уволилась, в любом случае, я сейчас просто физически не в состоянии ухаживать за бабушкой. Понимаете, она у нас очень полная, и после второго инсульта, который у нее в июле был, совсем не двигается. Ее нужно обтирать каждый день, мыть, ставить утку...

– Да, Александр Александрович предупреждал, – кивнула Любовь Ивановна.

– Бабушка у нас всегда была очень активная, здоровая, никто и подумать не мог, что с ней такое может случиться!

На майские праздники поехали на дачу, кое-что посадить, привести участок в порядок. Через два дня вернулись домой, приехали поздно, и она по дороге жаловалась на сильную головную боль. А утром уже не смогла подняться.

– После большой физической нагрузки поднялось высокое давление, сосуды не выдержали. Вам нужно было уже вечером срочно вызывать скорую, – сказала Любовь Ивановна.

– Мы предлагали! Не захотела, сказала, не в первый раз, обойдется своими лекарствами. Но, вот, не обошлась... Июнь пролежала в больнице, вроде бы стало получше, забрали домой. Летом как-то справлялись. Сначала у меня и у мужа был отпуск, потом свекровь взяла за свой счет. Но сентябрь на носу, я должна вернуться в школу... – все объясняла ситуацию молодая хозяйка. – Конечно, медсестра приходит, и сиделка приходит, когда нужно, на несколько часов. Находиться около бабушки целый день она не может, у нее своя семья. А на круглосуточное дежурство вообще никого не найти...

– Ну, почему же?

– То есть, вы... согласны? – словно не веря в положительный ответ, робко уточнила молодая женщина и торопливо добавила: – Мы готовы хорошо оплачивать уход.

– Сколько? – поинтересовалась Любовь Ивановна. В самом деле, что значит «хорошо оплачивать уход» в понимании этой семьи?

Женщина смешалась.

– Точную сумму не скажу, об этом вам нужно с моей све- кровью поговорить.

Прислушавшись к шуму в прихожей, с облегчением под- нялась со стула.

– А вот и она сама пришла! Мама, идите сюда, – позвала. – Александр Александрович прислал медсестру.

Через мгновение в комнату вошла полная женщина с чер- ными крашеными волосами, собранными на затылке в узел, и поздоровалась. Несмотря на жару, она была в деловом чер- ном костюме, и выражение лица у нее было строгое, деловое.

– Зоя вам, наверное, уже все рассказала? – спросила она, грузно усаживаясь в стоящее под углом к дивану кресло.

– Я про дачу еще не говорила, – поспешно вставила Зоя.

Пожилая хозяйка вздохнула.

– Тут такая ситуация. Нам нужен человек, который бы жил с мамой постоянно. Не здесь, на даче. Мы хотим пе- ревозить маму на дачу. В Разбежное, тридцать километров отсюда. Поэтому и просили Александра Александровича подыскать нам человека одинокого, так сказать... не обре- мененного семьей. Одна сиделка у нас уже есть, но она при- ходящая, может работать только днем. Нужна вторая, как я уже сказала, с постоянным проживанием на даче.

– О даче Александр Александрович ничего не говорил.

– Мы будем платить очень хорошо. При условии, что че- ловек будет постоянно находиться при маме. Я не хочу, что- бы она оставалась ночью одна. Тысяча долларов в месяц вас

устроит?

Любовь Ивановна опешила. Такого она никак не ожидала. Тысяча! Огромная сумма. Куда больше, чем ее зарплата. Стоило подумать. В самом деле, она два года без отпуска. Почему бы не взять отпуск, чтобы немного подработать?

– А можно посмотреть больную? – нерешительно спросила она.

– Как вас зовут?

– Любовь Ивановна.

– А меня Людмила Андреевна. Зоя, проводи Любовь Ивановну в комнату к маме, а я сейчас быстренько переоденусь, через минуту буду.

Любовь Ивановна последовала за Зоей в конец коридора, к двери, за которой когда-то располагалась детская.

Она готовилась увидеть светлую, залитую солнцем, комнату, но за тяжелой дверью было темно. Тяжелые темные шторы отсекали потоки света, в ясную погоду льющегося сквозь проем большого окна. Ничего не осталось от детской. Сейчас здесь стоял слабый запах лекарств, мочи, дезинфектора от пролежней, запах умирающего человека. Нет, не встать уже больной с кровати, поняла Любовь Ивановна.

– Бабушка не выносит яркого света, у нее болят глаза, – объяснила затемнение Зоя, включая маленькую настольную лампу.

И тут Любовь Ивановна увидела то, чего не нашла в гостиной. Место, где когда-то стояла ее детская кроватка, теперь

занимало *мамино* пианино. Глядя на слабое отражение света на крышке, она вдруг явственно услышала мамин голос: «Ты замечательно сыграла, Любочка. Но если еще раз повторить, получится еще лучше». Это мамино «повторить», чтобы было «еще лучше» сопровождало Любу всю жизнь, хотя она и не всегда держала в голове эти слова. Школа с медалью, в училище – диплом с отличием. Ей бы продолжить учебу, может быть, стала бы хорошим врачом. Преподаватели в один голос твердили, что она очень способная. Но она не могла учиться дальше, у нее на руках была бабушка с маленькой пенсией. Маленькой была и стипендия, поэтому уже студенткой Люба начала подрабатывать. Сначала нянечкой в больнице, потом лаборанткой. Учиться играть на пианино Любе так и не пришлось, для музыки оставалось времени. У операционной медсестры тяжелая работа.

В ее жизни всегда была только работа. Когда бабушка умерла, Люба, скорее из страха остаться совсем одной на белом свете, чем по любви, вышла замуж за одноклассника, но долго они не прожили. Владька работал слесарем в домоуправлении, а всем известно, что это за работа. Деньги водятся, всегда куда-то приглашают что-то отремонтировать, а после ремонта стаканчик-другой поднесут... Он начал пить, с годами все больше и больше. Не раз, вернувшись с ночного дежурства, она заставала в доме полный бардак и гогочущих выпивох на кухне, по-хозяйски опустошавших ее холодильник и погреб с запасами на зиму. Собравшись с силами,

Люба в один прекрасный день выставила мужа за дверь. Потом долгое время она встречалась с молодым хирургом, но и с ним, в конце концов, рассталась. Услышала как-то краем уха, что не одна у него. Да они почти не виделись из-за работы – то у него дежурство, то у нее. Вот так и проходила ее жизнь – всегда в работе.

– Извините, – понимая неуместность, бестактность своего вопроса, тем не менее, не удержалась она. – Кто у вас играет на инструменте?

Зоя недоуменно оглянулась.

– На пианино, – кивнула в угол Любовь Ивановна, все еще не в силах оторвать взгляда от мерцающей полированной поверхности.

– А, на этом...никто. Бабушка когда-то купила для дочери, ну, для моей свекрови, для Людмилы Андреевны, – уточнила, – только у нее, не оказалось слуха.

Она подошла к кровати и произнесла бодрым голосом:

– Доброе утро, бабушка!

Любовь Ивановна осторожно приблизилась следом. На постели, под тонким одеялом, неподвижно лежало грузное тело. Любовь Ивановна тихо вздохнула. Тяжелая больная, в прямом и переносном смысле. Попробуй-ка, вот такую перевернуть, обмыть, одеть...

– Спит? – В комнату вошла, на ходу застегивая халат, Людмила Андреевна.

– Да нет, глаза открыты, – ответила Зоя и поспешно ото-

шла в сторону, уступая место свекрови.

– Мама, – склонилась та над матерью, – у нас гости. Пришла медсестра, Любовь Ивановна. Она будет жить с тобой на даче, ухаживать за тобой.

Старуха едва слышно замычала, видимо, не соглашаясь.

– Мама, я же уже объясняла, тебе там будет намного лучше, – попыталась успокоить ее дочь. – Здесь, в центре, просто нечем дышать. Шум с раннего утра до поздней ночи... Полон двор машин, окно невозможно открыть. И, потом, ты же знаешь, что у нас скоро появится маленький. Тебе будет беспокойно, дети кричат, плачут. И малышу нужна будет отдельная комната. А на даче ты быстрее поправишься. Любовь Ивановна замечательная медсестра, я только что звонила Сан Санычу, он сказал, лучшая из всех, кого он знает, грамотная, отзывчивая. Ты же понимаешь, Сан Саныч не придет к тебе кого попало. Не капризничай, познакомься.

Любовь Ивановна сделала еще шаг, вглядываясь в лицо больной. И вдруг услышала набирающий силу писк комара. А через несколько секунд в ушах у нее зазвенело так, что она почти не слышала, что говорит своей матери хозяйка. Любовь Ивановна ухватилась за металлическую спинку старомодной кровати и сделала глубокий вздох.

Перед нею лежала Анфиса, – когда-то быстрая, хищно-красивая, а теперь заживо замурованная в собственной, распадающейся, обездвиженной плоти.

– Куда ты смотришь, мама, вот же она, рядом! – уже раз-

драженно произнесла дочь.

Больная слегка повернула голову и, раскрыв глаза шире, отыскала, наконец, взглядом Любовь Ивановну. Какое-то время она безмолвно вглядывалась в нее, потом лицо ее неожиданно исказила болезненная гримаса, в мутных глазах с красными прожилками на белках заплескался ужас.

В отличие от своей дочери, она узнала ее. Узнала в скромной медсестре Любочку. И снова беспокойно, отчаянно замычала.

– Мама, успокойся, все будет хорошо, – похлопала по одеялу Людмила и повернулась к госте. – Ну, что, вы согласны? Можно на вас рассчитывать или нам подыскивать кого-то другого?

Конечно, деньги это важно. Но было что-то еще, что сейчас казалось важнее денег. И хотя разум сопротивлялся, это «что-то» не позволило Любове Ивановне сказать «нет».

– Я согласна, – кивнула она, не сводя глаз с блестящей поверхности пианино. – Можете на меня рассчитывать. Но приступить к работе я смогу только на следующей неделе, не раньше.

– Это ничего, – торопливо заверила ее хозяйка. – Мы пока справляемся.

Они вышли в прихожую.

– Вы, вероятно, видели много таких больных... Есть надежда, что ее состояние... ну, хотя бы немного улучшится?

– Надежда есть всегда, – спокойным, ровным тоном, ка-

ким всегда говорила с пациентами и их родственниками, произнесла Любовь Ивановна. – Во всяком случае, – добавила через несколько секунд, – я сделаю все, что в моих силах, чтобы физически она чувствовала себя как можно лучше.

И жила, добавила мысленно, как можно дольше.

ШАЛОПУТ

Сев в аэропорту на ялтинский автобус, Нина Алексеевна мысленно похвалила себя за то, что полетела самолётом. Пришлось очень рано встать, зато была она в Симферополе тем же утром, и не прошло и часа после приземления, как уже катила в сторону Южного берега. Автобус шёл по незнакомой ей объездной дороге и она с любопытством разглядывала мелькающие за окном новостройки пригорода, новые центры автосервисов, заправки, неуклюжие супермаркеты и какие-то склады. Но вот урбанистический ландшафт отступил и взгляду открылся глубокий простор предгорий и прямоугольник Чатырдага, голубеющий в утренней дымке под высоким небом с редкими белыми облаками. Какая красота! Панорама через минуту-другую исчезла, но настроение осталось, и когда автобус продолжил свой путь по долине, живописные окрестности продолжали радовать глаз.

Она специально ехала в Ялту за день до конференции. Прежде чем окунуться в суету делового общения, ей хотелось погулять по городу, в котором не была больше двадца-

ти лет. Всё как-то не складывалось. Зато когда на горизонте возникла эта конференция, Нина Алексеевна сразу же её застолбила, никому не отдала, хотя командировок не любила.

Помимо прогулки сегодня её ждала ещё встреча с Софьей, которую она тоже не видела почти четверть века. Не видела и не вспоминала, пока в прошлом году та неожиданно не отыскала её на сайте «Одноклассники». Они немного попереписывались, а когда первое любопытство было удовлетворено, интернет-общение, как часто бывает, угасло. Однако о том, что в начале июня будет в Ялте, Нина Алексеевна всё-таки написала, в ответ получила приглашение на ужин. Хотелось, конечно, посмотреть и на Софу, и на то, как она живёт, но вечером надо было дописать доклад, да и выспаться не мешало. В предыдущую ночь, перед поездкой, спалось плохо. Сошлись на том, что увидятся днём, в кафе на набережной.

К двенадцати часам Нина Алексеевна уже была в гостинице. Вселившись, умылась, переделась в светлый льняной костюм и спустилась вниз. Не терпелось поскорее оказаться на знакомых – или уже незнакомых? – улицах. Погода была под стать её радостному возбуждению, жаркие лучи полуденного солнца охлаждал лёгкий морской бриз. И ноги сами понесли её к набережной. К морю. К тому самому синему морю, к которому она когда-то вот так же, приехав после школы поступать в Ялтинское педучилище, побежала первым делом. С пятого класса, наверное, она мечтала увидеть море. А ещё лучше, жить около него.

С Софьей они познакомилась на вступительных экзаменах. Стоя у дверей зала, где абитуриентов ждал первый экзамен – сочинение, – вдруг услышала, как позади кто-то восхищённо произнёс: такой только по подиуму ходить! Нина невольно оглянулась. По лестнице медленно спускалась высокая, стройная, с водопадом вьющихся тёмных волос красавица. Как позже выяснилось, Софа перепутала аудитории и по ошибке поднялась парой этажей выше. А на сочинении они оказались за одним столом и Нина даже исправила соседке какую-то ошибку.

После того экзамена они стали держаться вместе, а к концу вступительных почти подружились. С Софьей Нина впервые попала на пляж и впервые искупалась. Точнее, поплескалась у берега, с завистью наблюдая за новой подругой, бесстрашно заплывавшей за буйки. Ещё, для освежения мозгов, они, случалось, гуляли в парке. Пару раз Софа водила Нину пить пиво в какое-то модное заведение, после чего они присоединялись к расслабленно фланирующей вдоль моря толпе отдыхающих. И вот отсюда, с этого места на набережной Нина впервые увидела сиявший огнями во мраке южной ночи, словно выплывший из какого-то зарубежного фильма, многоэтажный теплоход. Совершенно нереальный, как и возможность поплавать на таком. Много лет спустя ей довелось попутешествовать на подобном лайнере – муж купил круиз по Средиземному морю с заходом в Геную, Палер-

мо, Ибицу и Ниццу. Но ожидаемого удовольствия Нина не получила, её укачивало при малейшем волнении, и, голодная, она могла лишь наблюдать, как другие, не подверженные морской болезни путешественники уплетали свои завтраки, обеды и ужины, у неё же каждый кусок норовил выскочить обратно. Но это было потом. А тогда – тогда для неё это было сказочно красивое и далёкое от её скромной жизни зрелище.

На большое жизненное плавание она в юности совсем не рассчитывала. Не мечтала стать ни хирургом, ни артисткой, ни, тем более, каким-то там инженером по холодильным установкам. А уж кем-то или чем-то руководить – такое и в голову не приходило. Она решила стать учительницей младших классов, да и мать считала, это именно то, что ей нужно. Еще втайне надеялась выйти замуж за какого-нибудь ялтинского парня, родить двоих детей и зажить спокойно и ровно, так, как жили её родители. Только не в украинских степях, а в прекрасном городе у моря. Такие вот, нехитрые и вполне исполнимые были мечты. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Первый облом – они с Софьей не прошли по конкурсу. Но Софа была местной, и у неё голова не болела о том, что делать в случае провала. К моменту поступления она уже отработала пару лет в какой-то конторе, как сейчас бы сказали, на ресепшн, она даже и не увольнялась оттуда, а на время экзаменов взяла отпуск. Но что было делать Нине? Вернуть-

ся домой? Тоска там зелёная. Если днём в их степном городишке еще наблюдалось какое-то движение, то с заходом солнца он погружался в удручающую, захоластную тишину, изредка нарушаемую треском мотороллера или шумом случайной, запоздалой машины. Да ближе к полуночи громко лаяли собаки, возвещая о том, что народ расходится по домам после вечернего сеанса или субботних танцев в клубе.

Вот если бы остаться в Ялте, найти здесь какую-нибудь работу...

– Можно я у вас немного поживу? – набравшись храбрости, спросила она у Софы.

И добавила, что, конечно же, будет платить.

Мать Софы показалась ей женщиной доброй. Когда Нина пару раз заходила к новой подруге, та всегда пыталась её накормить, расспрашивала о семье. Но Софа покачала головой – мама не согласится. Хотя дело было, конечно, не в маме. Это Софе Нинина просьба не пришлась по вкусу. Одно дело общаться за пределами дома и совсем другое – делить комнату. Свободной у них не имелось, большую занимала мать, маленькую – брат Игорь, а третья была территорией Софы, куда впускать кого-либо она явно не желала. Что и понятно, где гарантия, что Нина устроится на работу и сразу же отыщет новое жильё? Профессии-то никакой. Впрочем, когда поникшая Нина почти смирилась с тем, что придется ехать домой, именно Софья нашла выход из положения.

– У Игоря есть приятель, он живёт у подружки, а его квар-

тира пустует, – сказала. – Я попрошу Игоря с ним поговорить. На пару месяцев он тебя пустит, а там что-нибудь найдёшь.

Приятель обнаружился за барной стойкой небольшого ресторана. Красивый и, как ей тогда показалось, надменный парень в белейшей рубашке и галстук-бабочке. Кивнув Игорю и Софье, окинул Нину беглым взглядом. Потом принёс каждому по стакану какого-то коктейля и вернулся к обслуживанию клиентов. Народу в баре хватало, курортный сезон ещё не закончился. Нина сидела как на иголках. Не похоже, что такой согласится сдать ей комнату. Зачем ему? Он в деньгах вряд ли нуждается. Не пустит, лучше и не обольщаться. Вот она бы пустила в свою квартиру неизвестного ей человека? Конечно же, нет. То-то и оно.

Через полчаса, когда, устав от переживаний, она немного отвлеклась, рассматривая зал и посетителей, он снова возник рядом и сказал, что сегодня допоздна занят, и комнату ей сможет показать только завтра. Значит, он согласен? Обалдевшая Нина едва верила своим ушам. Едва не завопила: не надо показывать! Она согласна, пусть там даже вместо комнаты будет просто конура! Хотела сказать спасибо, но натолкнувшись на его взгляд, не смогла вымолвить и слова. Почувствовала, что краснеет. Как-то уж слишком пристально он её рассматривал, будто оценивал. На следующий день, когда она, уже без Софы, пришла посмотреть комнату и взять ключи, снова возникло то же чувство неловкости, хо-

тя встретил он её дружелюбно, даже предложил чаю, от которого Нина отказалась, соврав, что торопится. В его присутствии цуствовала себя деревенской недотёпой и, от стеснения, боялась ляпнуть какую-нибудь глупость. Он был слишком красивым, и речь у него была красивой и правильной, без украинизмов и свойственного южанам «гэканья».

Роман помог устроиться и на первую в её жизни работу. В его бар-ресторан требовалась посудомойка. Зарплата мизерная, сказал, но можно подрабатывать уборщицей в соседнем продуктовом магазине, там всего на час-два уборки. Предложение Нину поначалу шокировало. Ещё вчера она считала себя почти студенткой, а сегодня – нате вам, – посуду мыть и полы! Но выбора не было. То есть он был, конечно, – или домой, или в уборщицы. Но теперь, когда было где жить, домой ехать ещё меньше хотелось, и она согласилась. По глупости не понимала тогда, какая это была удача, можно сказать, просто чудо, что её вообще брали на работу. У неё не было ни трудовой книжки, ни опыта, ни прописки. Приняли лишь потому, что он замолвил за неё словечко и даже временно, на шесть месяцев, прописал. Приди она с улицы, ну кто бы её взял?

Работа была малоприятная, да и люди вокруг не особо доброжелательные. А может быть, такими тогда казались. Никто не делал скидку на то, что она вчерашняя школьница, что ни опыта пока не нажила, ни ума. Короче, не церемонились. Только и слышала: давай, давай, поворачивайся! Или:

ну что за растяпа! Не чувствовала она себя полноценным человеком там, где ей впервые выписали трудовую книжку. Которую, кстати сказать, она, навсегда покидая Ялту, так и не забрала.

– Милая ты моя!

Нина Алексеевна поднялась со стула и тут же утонула в мощных объятиях.

– Совсем, совсем не изменилась! – громогласно оповещала её, а заодно и всех посетителей кафе, высокая, толстая женщина в шёлковом платье-мешке.

– Так уж и не изменилась! Все мы меняемся, – пыталась высвободиться Нина Алексеевна, не терпевшая ни панибратского отношения к своей персоне, ни явной лести. – Я бы тебя на улице не узнала.

– Я сама себя не узнаю, когда в зеркало смотрю, – весело расхохоталась Софья, ничуть не обидевшись. – Ну, рассказывай, что это за конференция, которая вытащила тебя в наши края? – спросила, когда они уселись, наконец.

– Ну... это долго объяснять. Это связано с новыми технологиями.

О работе она Софе не писала. Кому интересны подробности производства холодильных камер? Если человек не в теме, то вряд ли что поймет. И о том, что она замдиректора предприятия, тоже не говорила. Сообщила лишь, что работает менеджером на небольшом заводе. Этим словом можно

обозначить руководителя любого ранга.

– Ясно, Ялта хороша для деловых встреч, а отдыхать начальству положено где-нибудь в Испании.

– Почему обязательно в Испании? – вскинула брови Нина Алексеевна.

Она всё никак не могла совместить вид этой крупной бойкой женщины с образом тоненькой девочки, которую упорно подсовывала память. С той она бы наверняка нашла общий язык, эта же ей сразу не понравилась. К чему так громко кричать? Может быть, плохо слышит?

– Менеджерам по статусу положено ездить далеко и дорого! – последовал ответ. – Это у нас тут жизнь простая, весь отпуск проводишь на даче.

– Хотела бы я иметь собственную дачу. – Это была сушая правда.

– У тебя нет дачи? – не поверила Софья.

– Пока не заработала, – попыталась отшутиться Нина Алексеевна.

– А и не надо, ну её. Пустые хлопоты! Копаешься в земле, ни весны, ни лета не видишь, осенью закатки, а потом весной половину добра выбрасываешь, никто есть не хочет. – Софья поискала глазами официанта. – Ты какое вино любишь?

– Да никакое, у меня от всякого давление поднимается. И потом, завтра утром доклад, голова должна быть свежей.

– Она и будет! – Софья не желала слышать никаких доводов. – От нашего крымского не никакого давления, оно для

здоровья полезное! Тем более, есть повод, не каждый день встречаемся!

Нина Алексеевна решила дальше не спорить, но и не пить. Так она не раз поступала в компании, пригубит и отставит.

– А что едим? – Софья погрузилась в изучение меню.

– Вообще-то предполагалось, что встреча пройдет за чашкой кофе, – шутливо напомнила Нина Алексеевна.

Но Софья решительно вознамерилась отобедать. Ладно, спорить с ней себе дороже. И лучше уж заполнить час их общения, жуя какую-нибудь курицу. Тем более, что и в самом деле, почти время обеда. Сделав заказ, Софа принялась рассказывать о своей жизни. Громко, сумбурно, с подробностями. Нина Алексеевна подавив вздох, снова пожалела, что необдуманно написала о своём приезде. Столько лет прошло с момента их давнего знакомства. Перед нею сидел совершенно чужой человек со своею чужой жизнью. Ну вот зачем ей знать, что муж Софьи, выйдя на пенсию, купил катер? Или вникать в семейную драму её дочери? Видимо, поняв, что гостя заскучала, Софья, пригубив вино, переменила тему.

– А помнишь Романа?

– Еще бы!

В самом деле, как она могла его забыть?

В ту осень ей постоянно хотелось спать. Очень уставала с непривычки, целый день на ногах, в шумном помещении. И после работы отдохнуть не всегда получалось. Довольно

часто, вечерами и по выходным, приходил Роман. Поначалу думала, что он проверяет, всё ли в порядке в его квартире, куда пустил пожить совершенно незнакомого человека, но потом, к своему облегчению, поняла, что она мало его интересуется. Являлся он чаще всего не один, а с какими-то парнями и женщинами, они что-то обсуждали, но о чём говорили за закрытыми дверьми, она разобрать не могла. Являясь, он всегда включал в своей комнате стереосистему, а музыку Роман любил громкую.

А как-то, в тот редкий момент, когда не звучала музыка, она подслушала его разговор по телефону, он явно ссорился с кем-то, похоже, что со своей девчонкой. Ясно, подумала она, между ними там не всё гладко, вот он и укрывается время от времени в своей квартире. Впрочем, ночевать никогда не оставался.

Но вот, ближе к Новому году, он вдруг решил устроить вечеринку и попросил Нину помочь ему накрыть стол. Она согласилась, хотя и удивилась, почему не позвал для этого свою подружку. У неё давно было тайное желание посмотреть, что за девушка у такого красивого парня. И интересно, почему он никогда не приводит её в свою квартиру? Не было её и в тот раз. Он что-то там готовил на кухне, Нина носила в комнату тарелки, раскладывала салфетки, ножи и вилки на раздвинутом по такому случаю столе, украдкой рассматривая полки с дорогими собраниями сочинений, фотографии, стоящие впереди книг. Угол у окна занимала стереосистема,

каких она никогда не видела, угол у двери – шкаф для одежды, на нём до потолка громоздились какие-то коробки. Над диваном висела рельефная картина, – итальянский дворец с фонтанами и виноградник на склоне горы. Пришли три пары, а Роман был один, сам по себе. Как и она. Когда расселись, он оказался рядом с нею. Как всегда, звучала музыка, а после ужина они танцевали. Верхний свет выключили, горели только маленькие лампочки в картине, освещающая окна старинного палатцо. И уже далеко за полночь, когда гости ушли, они вместе убрали комнату. Тогда-то на кухне, у мойки, – она мыла посуду, – он её впервые поцеловал. И впервые остался ночевать дома.

С того вечера не стало ей покоя. Может ли она ему понравиться? Можно ли её считать симпатичной? В школе на неё никто особого внимания не обращал. Конечно, были какие-то свидания и походы в кино с Васькой из параллельного, но всё это было несерьёзно. А тут рядом вдруг оказался такой умный и взрослый парень, на целых десять лет старше, и всё с ним – по-настоящему.

Она почти не открывала теперь книг, но это почему-то не волновало. Волновало придёт ли он вечером или сегодня не ждать? Глядя в тёмное окно, места себе не находила, подолгу не могла уснуть. Впервые в жизни узнала, какое это страшное чувство – ревность. Утешало лишь то, что практически целый день он был у неё на глазах, стоило только выйти в бар. Убирая столы, она могла в любой момент переброситься

с ним словом. Могла, но делала вид, что они едва знакомы. И ни единым намеком не давала понять, насколько сильно он ей нравится. Ясно ведь, что та ночь была случайностью, в прямом смысле этого слова, ну, выпили, вот и случилось. По-настоящему у него было там – с другой, у которой он где-то там жил, вне поля её зрения и куда возвращался каждый вечер. А если она, Нина, начнет приставать к нему со своими чувствами, он вполне может не только послать её подальше, но и выпереть из квартиры. И куда она пойдёт посреди зимы? Нет, влюбленность свою следовало свернуть в комочек и запрятать куда подальше. Это было трудно. Очень тяжело, очень. И поделиться этой тяжестью было не с кем. О том, что произошло, нельзя было рассказывать никому, даже Софе. И Софье в первую очередь было нельзя, потому что у неё длинный язык. Она обязательно проболтается дома, а там дойдёт и до Романа, ведь её брат с Романом дружит. И, конечно же, Игорь не может не знать и девушку Романа, значит, и она будет в курсе. И все они будут обсуждать и осуждать её, Нину... может быть, даже смеяться над нею, наивной дуручкой из глубинки, возомнившей, что такой парень, как Роман, может ею заинтересоваться.

– Жаль его, – сказала Софья, принимаясь за принесённый официантом бифштекс. – Всю жизнь с подносами пробегал, у барной стойки простоял, а мог бы дипломатом быть. Или бизнесменом. Крупным, причём.

– С чего это вдруг? – удивилась Нина.

– Так он же институт иностранных языков закончил. Ты, что, не знала?

Измученная Нина Алексеевна покачала головой.

– Он не говорил. Почему же тогда в баре работал?

Софья ответила не сразу. Лишь дожевывая кусок и сделав очередной глоток из бокала, объяснила:

– Перекрыли ему кислород. На последнем, что ли, курсе взяли в московской «Берёзке» с крупной суммой в валюте. Он её у иностранных студентов и туристов скупал. Потом покупал вещи в «Берёзке» и перепродавал. Фарцевал, короче, а тогда за такие дела статья была. Это сейчас он бы назывался бизнесменом, а тогда считался преступником. Его, конечно, не посадили, но бумагу в институт отправили и всё, накрылась его карьера. Он лучше всех на курсе учился, а красного диплома не получил. Послали в какую-то дыру, в сельскую школу учителем, куда никто ехать не хотел, а он-то рассчитывал на министерство иностранных дел. Ну или что-то в этом роде. Из-за самоуверенности своей пострадал и из-за глупости, думал, что самый умный, всех вокруг пальца обведёт... Ох, а какой он был жадный на тряпки!

– Да, любил красивые вещи, – согласилась Нина Алексеевна.

Когда Роман окончательно переселился в свою квартиру, она долго не могла поверить, что это ради неё. Тем не менее,

она стала считаться его девушкой в тех компаниях, где они бывали. А по гостям они ходили довольно часто.

После домашней жизни, где на первом месте были школа и библиотека, Нина очутилась вдруг среди людей, для которых книги просто не существовали. Нет, Роман читал. Во всяком случае, она так думала, – в его комнате было столько редких книг. Но вот работавшие в ресторане приятельницы Романа, официантки Витка и Римма, как и многие другие, из тех, с кем они общались, говорили лишь о том, кто и сколько «выколотил» за день, кто чего купил, кто как выглядит. Шмотки и деньги. Деньги и шмотки – всё только вокруг этого и крутилось. Вещами обменивались, ими торговали. Со знанием дела обсуждались какие-то фирмы, какие-то напитки и марки сигарет, о которых она никогда не слышала. Девчонки пили наравне с парнями, и курили не меньше. Как-то Нина тоже взяла в руки сигарету, но Роман её отобрал, чем сильно обидел. Обращаться с нею, как с малолеткой на виду у всех!

– Ты, вот что, – глянула в её сторону рыжая повариха, когда Нина убирала грязную посуду с рабочего стола. – Ты на Ромку-то не вешайся, а то потом сильно жалеть будешь.

– Я не вешаюсь, – пробормотала Нина, которую в жар бросило от мысли, что о ней уже вовсю сплетничают.

– Он жену с малым дитём оставил, теперь девок меняет каждый сезон, – неодобрительно покачала головой повари-

ха. – С тобой тоже в любовь поиграет, да и бросит.

Слова Катерины были как нож в сердце. Нина и не знала, что Роман был женат и что у него есть ребёнок, он никогда ничего не рассказывал о своей прошлой жизни, а она не спрашивала. Ну, а рассказал бы, что бы это изменило? О будущем она старалась не думать. И о поступлении в училище тоже. Мать звонила каждую неделю, напоминала: май уже, скоро снова вступительные, занимаешься? Занимаюсь, вела она. Хотя книги и тетради давно пылью покрылись.

В их в компании в ходу были всякие дурацкие розыгрыши, вспоминая о которых, они потом весело смеялись. И когда она услышала от него: а давай поженимся, что ли, первая мысль была – он точно её разыгрывает. Интересно ему, как она отреагирует. А давай, ответила, стараясь, чтобы это прозвучало как можно шутливее. Вот прямо завтра! Но взглянув на него, по напряжённому выражению его лица вдруг поняла, что он говорит серьёзно. И её просто затрясло от такого поворота событий. Она не до конца верила, что такое возможно, и потому даже Софье при встрече ничего не сказала. Да и Роман тоже не спешил никого оповещать о своём решении. Сначала заявление в загс подадим, сказал.

Взяв неделю за свой счет, Нина отправилась домой сообщить новость родителям. Ехала и всю дорогу нервничала – как объяснить им, почему Роман не явился вместе с ней? Вроде бы жениху полагается с родителями невесты познако-

миться. Ладно, она скажет, что он много работает. А вот то, что свадьбы у них не будет и ей втайне не нравилось. Роман сказал, это пустая трата денег. Наверное так и есть, меньше хлопот, большая экономия. «Как это – возмутился отец, – как это не будет свадьбы? Он, что, думает, у нас денег не найдется? Дочь у меня единственная. Все будет, как положено!» Она пыталась как-то растолковать, что тут дело не в деньгах, но кто и когда её слушал? «Там, в вашей Ялте, делайте что хотите, – отрезал отец, – а здесь мы всё сделаем, как у нас принято. По-человечески. Иначе люди не поймут». Мама поначалу вообще приняла новость в штыки. «Какое-такое замуж? Тебе учиться надо!» К этому аргументу Нина была готова. «А кто говорит, что я не буду учиться? Я летом опять буду подавать документы в педучилище». Мать зашла с другой стороны. Замуж в восемнадцать лет? Не погуляв даже, одевать семейный хомут? «Да не хочу я гулять, – рассердилась Нина. – Что значит, гулять? С кем? Мне Роман нравится».

Пробыла у родителей неделю. Из дому не так-то просто вырваться, особенно если полгода до этого не был. Опять же, примерки. Мать, смирившись, потащила её к портнихе шить платье. «Ну не будет же свадьбы, – отбивалась Нина, – зачем деньги попусту тратить?» «Хорошо, – кивала мать, соглашаясь, – настоящей свадьбы не будет, но вечер для своих, в любом случае устроим. Сошьём скромное, чтобы и потом можно было куда-то одеть».

Через неделю Нина, гружёная домашними припасами, сошла с поезда в Симферополе и пересела на троллейбус. В городе было тепло и солнечно, но по мере приближения к горам над дорогой начал клочьями провисать туман, а на перевале троллейбус попал в плотное белое облако. Небо над Ялтой было затянуто тучами, и едва Нина вошла в подъезд, как послышались раскаты грома. Усталая, с тяжёлыми сумками, она поднималась на свой этаж, радуясь, что успела добраться до того, как начался дождь. Нажала кнопку звонка и прислушалась. За дверью было тихо. На работе, наверное, подумала, хотя, насколько ей было известно, у Романа по графику был выходной день. Порылась в сумке, отыскивала ключи. Но открыть дверь не удалось, ключ никак не хотел входить в замочную скважину. Вообще. В полном недоумении она вертела его в руках, снова попыталась открыть дверь, снова не получилось. Что-то было не так. Наклонившись, вдруг увидела, что замок совсем другой, новый замок. На площадке было сумрачно, потому не сразу это заметила. Что-то произошло со старым за время её отсутствия, раз Роман его поменял. Всего-то на неделю уехала и вот, пожалуйста... Она звонила ему пару раз от родителей, предупредить о своём приезде, но его, как назло, дома не было. Ладно, решила тогда, ничего страшного, сама доберётся. А надо было ещё звонить, надо было дозваниваться, тогда бы не попала в такой переплёт. Она решила оставить сумки у соседей и отправить-

ся в ресторан. Не столько за ключом, сколько для того, чтобы поскорее увидеть Романа. Соскучилась.

Соседка непонимающе смотрела на Нину, а Нина на соседку.

– Как уехал? Куда? – повторяла ошеломлённо.

– Да разве ж он скажет? – фыркнула соседка. – Он тут уже года три живёт, ни разу к нам не зашёл, ни познакомиться толком, как полагается, по-соседски, ни поговорить. Вот и сейчас комнату сдал, а никому ни слова!

– Сдал комнату?

– Ну да, сдал и уехал.

– Это ошибка, – всё было как в дурном сне. – Потому что я... там ведь я живу.

– Не может быть! – изумилась в свою очередь соседка. – Я-то думала, ты с квартиры ушла, вот он и сдал. Вот стервец! – покачала головой. – Прежняя квартирантка ещё не съехала, а он по новой комнату сдаёт! Нет, ты только подумай... А жильцы новые хорошие, солидные. Врач с женой, они в санаторий устраиваются на работу. Сразу пришли познакомиться, мало ли, говорят, чего. И правильно, соседей нужно знать.

– Но как же... там же... мои вещи, – лепетала Нина.

– А, да, какие-то вещи у них в прихожей стоят, – закивала соседка. – Просили передать, мол, если кто спрашивать будет, сказать, что забрать их можно вечером. Нет, подумать только, тебя, по сути дела, из квартиры выкинул! – посмотр-

рела с жалостью. – Ты денег ему, часом, не задолжала?

– Нет, – прошептала Нина, чувствуя, как начинают дрожать губы.

– Да ты зайди, – спохватилась соседка. – Посиди, подожди их здесь. Не бойся, люди они приличные, ничего из вещей не пропадёт, ну, если, конечно, он сам на что-нибудь не позарился. Вот ведь, гад какой, а?

– Нет, – пробормотала Нина. – Я пойду.

– Куда ты пойдешь? Дождь. А чемоданы? Сиди, жди уж здесь.

– Мне на работу надо. За чемоданами я позже зайду. И за сумками. Можно же их у вас оставить?

Ничего не соображая, стала спускаться вниз по лестнице. На работу она, конечно, не пойдёт – страшно. Вдруг он действительно уволился, и всё это правда? Но это просто не может быть правдой! Здесь какое-то недоразумение. Надо у кого-то спросить, выяснить, что происходит. Но если не ехать на работу, то у кого? И тут она вспомнила о поварихе, к которой они недавно ходили на день рождения. Вот-вот, нужно съездить к ней. Всё обязательно разъяснится. А вдруг – сердце её бешенно заколотилось от одной этой мысли, – вдруг он просто нашёл себе другую? Или помирился со своей старой девушкой, с этой Таней, которую она так ни разу и не видела? Перебрался к ней снова, а Нинину комнату сдал, чтобы все отношения с ней, с Ниной, разом прекратить? Ведь сдавал он её и раньше. И ей сдал в сентябре. Почти ничего не сооб-

ражая, Нина вышла из подъезда. Катерина. Повариха. Она всегда в курсе всех новостей. Главное, не заплутать. Адреса Катерины она не знала, надеялась лишь на память. Угловой дом, зелёные ворота на улице Зелёной. Только бы Катерина дома оказалась.

Долго стояла под козырьком остановки, глядя на косые струи дождя, прежде чем села, наконец, в нужный троллейбус. Память не подвела. И, на счастье, повариха в этот день не работала, впустила её, насквозь промокшую, в дом.

– Да хрен с ним! – почти крикнула, когда Нинины слёзы и хлюпанье носом, в конце концов, вывели её из себя. – Да скатертью дорога такому счастью! Радоваться должна, что легко отделалась, не осталась с пузом. Говорила тебе, не связывайся.

Достав из холодильника маленькую бутылку и тарелку с колбасой, поставила на стол.

– Ты думаешь, одна у него была? Да он же как кот мартовский. Он же ненадежный, ты, что, этого не понимала? – продолжала втолковывать повариха, наполняя маленький стаканчик водкой. – Уволился он. Это точно. А вот уехал или нет, не знаю. Пей! Промокла вся, ещё простудишься.

Нина послушно влила в себя содержимое стаканчика и закашлялась.

Катерина быстро подвинула к ней тарелку с кружочками колбасы.

– Закусывай. И не реви. Нечего по такому убиваться, он

того не стоит. Такие в мужья не годятся. Да они и не женятся никогда, такие. Им бы только погулять. Кобель, одно слово.

Нине хотелось зажать уши и бежать. Зачем только она пришла сюда? Всё, что говорила повариха, было неправдой. Черноротая, злющая баба! Потому и живет одна – кому такая нужна? Всех грязью поливает, у неё каждый мужик, если не кобель, то идиот.

Но Роман не такой. Он хороший, добрый. На Восьмое марта подарил ей дорогую мохеровую кофточку и денег за квартиру два месяца не брал. Невозможно даже представить, как она теперь будет без него...

Катерина снова наполнила стаканчик.

– Что делать-то думаешь?

– Не знаю.

Она и в самом деле, не знала, что ей теперь делать. Снова ехать домой? Стыдно. Там все знакомые и родичи уже в курсе, что она замуж собирается. Ждут приглашения на свадьбу. Засмеют, если она не сегодня-завтра назад явится. Невеста без места. Остаться здесь и продолжать ходить на работу? Это ещё труднее, чем поехать домой.

– Ладно, – напомнила о себе повариха. – Поживёшь пока у меня.

Нина подняла на неё изумленные глаза. Вот тебе и злая баба!

– Чего смотришь? – удивилась Катерина. – Чего-то не того я сказала?

– Спасибо, тётя Катя. Я переночую, если можно, а завтра домой.

– Ну, смотри. Подумай. Дом хоть и небольшой, места хватит. И работу из-за такого паршивца я бы бросать не стала. Глядишь, место официантки освободится...

Крутили у них в ресторане одну песню, которая Нине очень нравилась. Ритмичная такая музыка. Одну фразу она даже запомнила и напевала время от времени: айл би вейтин ю ин занзибар... «О чём это?» – спросила как-то у Романа. «Да ни о чём. Я буду ждать тебя в Занзибаре». «И где этот Занзибар?» Он пожал плечами. «Вроде бы в Африке». Она бы и в Занзибар африканский отправилась вслед за ним. Но не позвал. Исчез.

Но ведь кто-то же должен знать, где его можно отыскать! А что если позвонить Римме? Или Витке? Звонить официанткам очень не хотелось, обе они Нину не жаловали, но телефонных номеров других знакомых Романа у неё не было. Да, Витка и Римма точно должны быть в курсе. Снова оказавшись на улице, Нина достала записную книжку и ринулась к телефону-автомату.

– Как это – исчез? Да я только вчера его видела, – сказала Римма, выслушав бестолковый рассказ о новом замке. – Перезвонить можешь? Я сейчас адрес его матери поищу.

Заполучив адрес, Нина минут через сорок уже стояла пе-

ред обшарпаной дверью квартиры в старом доме на Пушкинской. Звонка не было. С бьющимся сердцем она подняла руку и постучала. С той стороны послышалась какая-то возня, но открывать ей не спешили. Подождав с полминуты, она снова нерешительно постучала.

– Да иду я, иду. Кто там?

Не очень-то приятно переговариваться через дверь, но Нина решила идти до конца.

– Я ищу Романа.

Дверь, наконец, открылась. Полная пожилая женщина, щурясь, вглядывалась в её лицо.

– Извините, что побеспокоила. Я... – бормотала Нина, чувствуя себя побирушкой у чужих ворот. – Я квартиру снимала у Романа, была к родителям, вернулась, а там чужие люди, – попыталась всё-таки объяснить. – Говорят, он уехал...

– Понятно, – усмехнулась женщина. – Уехал, значит. И адреса не оставил. Ну, так и мне он его не оставил. Опять черти его где-то носят. Сколько сил отдала, чтобы его выучить! – сорвалась вдруг. – И всё зря! Зря!

Испуганная Нина сделала шаг назад. Шмыгнув носом, женщина помолчала, потом, тяжело вздохнув, подняла на Нину полные слёз глаза.

– Ты его не ищи. С ним такое не первый раз. То во Владивосток он подастся, то в Мурманск, то ещё куда. Ненадёжный он, – произнесла уже почти спокойно, – непутёвый. С виду только приличный, а так – шалопут, без царя в голове. В

отца, отец у него такой же был, всё лёгких денег да красивой жизни искал. Сколько с ним жила, ни дня радости не видала. Этот такой же. Шалопут, – повторила, закрывая дверь.

– Шалопут, – сказала Нина Алексеевна.

Наверное, от того, что было ей в то время всего лишь восемнадцать лет, эта история её сильно травмировала. Так сильно, что едва ли не все годы учебы она избегала парней. Попросту боялась их. Замуж вышла уже после окончания института, за своего бывшего преподавателя. Само собой, не по какой-то там любви. Муж старше на пятнадцать лет, серьёзный человек, доцент. Спокойный, надёжный. Никогда Нина Алексеевна о выборе своём не пожалела.

– Может и шалопут, – кивнула Софа, соглашаясь. – Только тебя он любил.

От неожиданности Нина Алексеевна даже поперхнулась.

– Да уж, – пробормотала, откашлявшись. – Как там в поговорке? Любил волк кобылу, оставил хвост да гриву.

– Да нет, правда!

Два мужика за соседним столиком одновременно повернули головы в их сторону и Софа, оглянувшись на них, убавила громкость.

– У него ж всегда девушки с понтами были, если не сказать больше, – продолжила тише. – И вдруг ты, вся из себя скромная, белая и пушистая. Он и прибалдел, сам говорил Игорю, мол, не думал, что такие ещё встречаются. А когда

его чуть не повязали, как же он боялся, чтобы тебя это вдруг не зацепило!

– Что не зацепило? – не поняла Нина Алексеевна, отодвигая тарелку с недоеденной курицей.

– Ты же у него комнату снимала, значит, могла быть в курсе всех его делишек.

– Каких делишек?

– Только не говори мне, что ты не знала, чем он промышлял! – с упрёком произнесла Софья, вытирая рот салфеткой. – Попадись он снова на скупке валюты, как пить дать, упекли бы за решётку. К нему должны были с обыском прийти и загребли бы, если бы один клиент из органов, которого он постоянно долларами снабжал, не предупредил. Он в два счёта квартиру сдал, уволился, и на Север улетел. А перед отлётом, – тут Софа слегка подалась вперёд и перешла почти на шёпот, – перед отлётом к нам ночью заявился! Я уже спала, так они с Игорем меня разбудили, и Ромка меня лично попросил предупредить тебя, чтобы ты ничего никому, а лучше, чтобы тоже уехала и вообще нигде не высывалась. Но я тебя тогда разыскать не смогла. Специально в ресторан ходила, только там о тебе никто ничего не знал.

– Я уехала.

– Ну, я так и подумала. Хотела тебе домой написать, да адреса не было.

Переночевав у Катерины, Нина поднялась с рассветом и

отправилась на переговорный сказать матери, что они с Романом рассорились и что она не может оставаться в Ялте. Подготовить хотела к своему возвращению. Думала, будет неприятный разговор и упреки последуют, но мать новость восприняла на удивление спокойно, не ругала её, а в конце разговора неожиданно предложила ехать не домой, а к тётке Клаве в Киев. «Я ей позвоню», сказала. Тётя Клава была старшей сестрой матери. Детей у неё не было, может быть поэтому она очень Нину любила. Поехать к ней – лучшего выхода и придумать было нельзя.

Тётя Клава и посоветовала поступать в институт пищевой промышленности, он рядом был, через две улицы. Удобно, никаким транспортом пользоваться не придётся. Нина нашла институт, записалась на подготовительные курсы и не пол-лета не вылезала из библиотеки. Документы подала на механический факультет, на который в тот год почти не было конкурса. Осенью стала студенткой и начала изучать холодильные машины и установки.

– Он и потом, в город вернулся, о тебе расспрашивал, интересовался твоей жизнью. Только что я могла рассказать? – Софья пожала плечами. – Могла хотя бы мне адрес оставить, – добавила с упрёком.

– Так получилось, – Нине Алексеевне не хотелось вдаваться в подробности. – А где Роман сейчас? – поинтересовалась, чтобы перевести разговор.

– Да где ему быть? – Софа пожала плечами. – Тут и живёт.

всё в той же квартире. Давно его, правда, не видела, но по слухам, совсем с рельсов сошел. Спился.

Расплатившись, они вышли на набережную.

– Неужели ты и вправду ни разу не приезжала сюда все эти годы? – спросила Софья, глядя на море. – Тебе же так Ялта нравилась.

– Не получалось как-то. А ты в Киеве часто бываешь?

– Да нет. Что мне там делать? – искренне удивилась Софья. – Я вообще не люблю ездить, да и дома дел всегда по горло.

– Ну вот и у меня примерно также, – улыбнулась Нина Алексеевна. – Но если вдруг там окажешься... – она вытащила из сумочки визитку.

– А может быть ты к нам вечерком всё-таки заглянешь? Или завтра? Ну, как освободишься? – она взглянула на визитку. – Созвонимся?

Нина Алексеевна покачала головой – вряд ли получится. Очень плотное расписание. Да и не было у нее желания идти в гости. Так что они, – во всяком случае, в этот приезд, – уже не увидятся.

– Ладно, пока!

Софа исчезла, а Нина Алексеевна медленным шагом вышла к Киевской и отправилась вверх по улице. Смотрела по сторонам, пытаясь припомнить, как все вокруг выглядело тогда, когда она ходила по этой дороге восемнадцатилетней девочкой. Не очень-то получалось. Или город за эти годы

очень переменялся или память у неё ухудшилась. Неудивительно, что, когда она попала, наконец, в нужный район, она и знакомый дом не сразу узнала, он буквально утонул в купе разросшихся деревьев. В столице такие «хрущевки» уже разбирают, – отслужили своё, – а здесь в них по-прежнему живут. Возможно, и она жила бы до сих пор, выйди тогда замуж за Романа.

Нина Алексеевна постояла некоторое время посреди двора, роясь в сумочке, делая вид, будто что-то ищет, и взглядывая одновременно на окна третьего этажа. Ей показалось, что кто-то стоит там, в квартире, у окна той самой комнаты, в которой она когда-то так недолго жила, так недолго любила. Наверное, единственный раз в жизни. Медленно прошла мимо подъезда, закрытого новой железной дверью с кодовым замком и ещё раз оглянулась. Там, за стеклами, ей почудилось какое-то движение. Может быть, это было отражение пролетевшей мимо окон стайки воробьев. А может быть, – она слабо улыбнулась своей абсурдной мысли, – может быть, это она сама, в какой-нибудь параллельной реальности, мелькает там, убирает или готовит что-нибудь на ужин.

Увидев скамейку, присела и тут только ощутила сильную усталость. Ноги гудели. Рано поднялась, весь день в движении, и вот ведь, вместо того, чтобы как следует отдохнуть, пошла искать этот двор. Спрашивается, зачем? На скамейке у чужого подъезда посидеть? Глупо, глупо все это. И так

непохоже на нее сегодняшнюю. В самом деле, что она тут делает? Ей захотелось побыстрее оказаться в гостиничном номере. Прикрыла глаза, прислушалась к себе. Нет, ничего не шевельнулось, ничего не откликнулось. Что было, то прошло. Попросту исчезло. В памяти, конечно, остались какие-то следы той первой, нескладной ее любви, но вот в душе – пусто. Ни-че-го.

Еще раз оглянувшись на окна, за которыми мелькали тени прошлого, Нина Алексеевна встала и, развернувшись, пошла обратно, в гостиницу.

Оставляй прошлое прошлому, сказал какой-то китайский мудрец.

ТРОЙНАЯ ЗАЩИТА

– Нет, – сказал Палецев, – так не пойдет. Дом я вам не отдам. Я его для себя столько лет строил, чтобы было где в спокойствии доживать. Сад посадил, огород.

– У тебя и квартира есть, – перебила раздраженно жена. – Умные люди ближе к старости не за город, а в город перебираются.

– Это у тебя есть квартира. Я в ней только прописан, – внёс уточнение Палецев.

Жена вскинула брови.

– Я тебя, что, выгоняла из неё, что ли?

Ещё минута и разразится очередной скандал. А Тамаре не до скандалов, она и так, как на иголках. У неё и без этих вечных родительских разборок волнений выше головы. Деньги позарез нужны. И чем раньше, тем лучше, иначе... Если отец не согласится – плакал её магазин, в который она не меньше сил вложила, чем отец в этот свой дом. Одна реконструкция здания чего стоила! Зато теперь не магазин – конфетка, что внутри, что снаружи. Отца жалко, но и магазин кому-то отдать за просто так очень будет обидно. А если отец не согласится, то отберут, ведь, и не спросят. Отцу все равно придется в город перебираться, рано или поздно. У него радикулит, сердце прихватывает. Так почему бы не сейчас? Потом – через год или два – для неё, Тамары, поздно будет. Ей сейчас и срочно нужно спасти свой магазин. В ней с новой силой поднялась волна злости. Если отец не согласится на её предложение сегодня, то уж точно она останется без своего бизнеса. И всего делов-то – нужно, чтобы он вернулся к матери в двухкомнатную, а Тамара с семьёй въехала бы сюда, в этот дом, а свою квартиру продала бы, чтобы выплатить долги. Она, конечно, предлагала отцу с ними остаться в этом доме, но это заранее был неприемлемый вариант, отец на дух не переносил ее мужа Алика. Хотя пора бы смириться, уже три года вместе и Ленка у них, его родная, между прочим, внучка.

– Ну зачем, зачем тебе этот дом, спрашивается? – Мать была на стороне дочери. – Одному! В нём столько работы!

Одна уборка целый день отнимает.

Да и не убирает он, мысленно дополнила Тамара. Живет в одной комнате, остальные пустуют. И во дворе трава по пояс. А как хорошо бы здесь смотрелся английский газон... И все эти грядки долой. Овощи и фрукты на юге копейки стоят. Нет, конечно, с грядки оно вкуснее, тут с отцом не поспоришь. Но она бы лучше цветами всё засадила. Или теплицу сделала бы для ранних овощей на продажу. Отцу предлагала, но он отказался. Ему этот цветник из диких трав милее, видите ли. Нет, ну не эгоист ли? Ну, прямо собака на сене! Не может он уступить, не может, видите ли, в квартире на пятом этаже жить! Они живут, а он не может!

– Я вам сделал квартиру? – вдруг повернулся к ней отец. Словно мысли ее подслушал. – Сделал. Вот живите и радуйтесь. А дом я строил для себя.

– Ну как ты не понимаешь, что это единственный выход! – рассердилась Тамара. – У меня же магазин отнимут!

Внезапно её осеняет.

– Ладно. Давай тогда дом пополам разделим, вот здесь стенку поставим, дверь пробьем с этой стороны, будет у тебя отдельный выход и кухня пусть тебе останется, на ней и одному не повернутся. А мы себе новую, на террасе устроим, утеплим...

– А ну идите-ка обе отсюда! – голос у Пальцева срывается. – Давайте, давайте, шустренько! Разделялы!

Жена с дочерью изумленно переглядываются. Раньше

отец никогда не повышал голос. Всегда молчал, когда мать ворчала.

– Живо, я сказал! – рывкнул вдруг с ещё большей силой. Глаза его налились кровью, губы задрожали.

– Идём, мама, – вскочила Тамара.

Мать громко щелкнула замком сумочки и тоже быстренько поднялась. Лишь на ступенях крыльца опомнилась.

– Отец называется! – крикнула, полуобернувшись. – Со всем к старости с ума спятил от жадности!

Для родных детей не мог пойти на маленькую уступку!

Калитка с грохотом захлопывается.

Подойдя к окну Пальцев видит, как отъезжает «мазда». Его машина, между прочим.

И он – жадный! Всё им отдал. Работая на стройке прорабом, всем троим детям сделал квартиры. Тамаре, как младшей и самой любимой, в прошлом году машину отписал с гаражом впридачу. Других тоже не обидел – старшему участок у моря, среднему, который в столицу недавно перебрался, накопления кое-какие. Всех троих любил. Всех выучил, у всех высшее образование. Никто из них, как он в свое время, на тяжелых работах не горбатился...

Ставя дрожащими руками на плиту чайник, вспомнил вдруг, как ездил с детьми в деревню к своему старому отцу. Вспомнил, как с тайной гордостью говорил ему, кивая на детей, радостно носившихся по просторному деревенскому двору: моя тройная защита. И отец его, давно живший к то-

му времени один, отводя глаза, усмехался. Дай-то Бог, отвечал, дай-то Бог.